

ЖЕРТВА

на замяну

А. Дрочова

Поездка в Болгарию накрылась медным тазом. И знаете, где я оказалась, пока мои родственнички грели бока на одном из пляжей недалеко от Софии? Да, да. Именно. Связанной по рукам и ногам. В совершенно незнакомом мире! Повезло, что не напоролась на языковой барьер... Так, погодите-ка... Кого вы это «жертвой» назвали?!

1

Сегодня я проснулась до будильника: нервное волнение, вызванное предстоящим собеседованием, мешало крепкому и беззаботному сну. Открыла глаза, как только поняла, что заснуть уже в любом случае не удастся. Наощупь пошарила на столешнице в поисках телефона — стол стоял вплотную к дивану, и не пришлось даже садиться. «6:15» — оповестил экран, стоило нажать на кнопку. Раз уж все равно не сплю — могу со спокойной совестью понежиться в ванне с хвойной солью и ароматной пеной. Присела, разминая ноющую спину и затекшую от неудобного положения тела руку: в очередной раз пожалела, что вчера поленилась расправить диван. Потянулась, зевнув до слез на глазах и направилась к ванне. В доме было непривычно тихо — папа с мамой и Толиком уехали по горячей путевке в Болгарию и уже неделю отдыхали в Софии. Гугл поиск по фото (брат постил в инсту по пять фоток в день) выдал конкретное местоположение — пятизвездочный отель «Holiday Inn Sofia» с гигантским бассейном и уютным рестораном в минималистическом стиле с элементами модерна. Как будто мне было мало того, что аккаунт «Tolyan2001» теперь пестрил селфи вечно раздражающего меня брата на фоне зданий с многовековой историей, позолоченных монументов, статуй и исторических памятников. Ну, конечно, Толечке нужно отдохнуть перед решающим пятым курсом инженерного факультета. Он ведь будущий красnodипломник! Бесит. Если бы я знала, что синий диплом лишит меня шанса съездить за границу, у меня был бы стимул лучше готовиться к зачетам и экзаменам.

«Вся квартира в твоём распоряжении на ближайшие две недели!» — вещал папа, без единой фальшивой нотки в густом басы. Он действительно верил, что обшарпанная трехкомнатная квартирка по все параметрам превосходит пятизвездочный отель? Такое чувство, что они все были рады на мне сэкономить.

«И не вздумай устраивать вечеринки! Тебе работу искать надо!» — поучительным тоном добавила мама. Я лишь поджала губы, не меняя положения, стоя у стены со скрещенными руками. В голове промелькнула дьявольская мысль — постричься максимально коротко. Назло ей. Но часами потом слышать визги вперемешку с упреками не хотелось. Мы условились, что я отстригу свои семидесятисантиметровые волосы после того, как устроюсь на работу и перееду от них в однушку, которую они месяц назад перестали сдавать.

Вода в ванне остыла, выдергивая из не слишком приятных мыслей. Смастерив на голове тюрбан, достойный арабского шейха, обернулась во второе полотенце и потащила по длинному коридору на кухню. Кофе и бутерброд с сыром были сейчас жизненно необходимы.

Тиканье часов над столом почти не раздражало, что не скажешь об утреннем переругивании соседей за стенкой. Пальцы подрагивали, перемешивая сахар в светло-коричневом напитке. Телефон на столе пискнул, заставляя вздрогнуть.

«Не забыла, что сегодня у тебя собеседование в «SAS»?», — пришло от папы. Как этс

для него типично — напоминать о чем-то за 3 часа.

«Одень ту коричневую двойку с голубой блузкой, что я тебе купила», — СМС от мамы. Ну да. Что может быть лучше, чем пойти на первое в жизни собеседование в вельветовом кошмаре с юбкой прямиком из 1977 года. Еще бы предложила бы мне надеть очки а-ля Людмила Прокопьевна.

«И фото мне пришли»

Мама точно умеет читать мысли. Ничего, у меня еще три часа. Два раза переодеться точно успею.

«Здравей, Геныч! Уже пьешь валерьянку?»

Куда же без четвертого и любимого члена семьи? Передернуло от прозвища, но слать неприличные жесты в виде смайликов или посылать брата куда подальше не стала. Вдруг они там всей семьей сидят под огромным пляжным зонтиком на каком-нибудь пляже и шлют мне сообщения, заглядывая друг другу через плечо? Как будто в Болгарии больше заняться нечем...

«Запомни! Тебе не в отдел кадров, а прямиком к замдиректору Зотовой Елене Степановне! Я обо всем договорился!»

И зачем я только согласилась? Хотя... Ответ очевиден — я не имела ни малейшего понятия, куда хочу пойти. Мои одноклассники последний месяц без конца трюндели о будущих местах работы, а я... Раздумывала, куда мне податься — человеку, который не горит желанием работать по специальности. Я слишком честная, чтобы втюхивать барахло людям. Слишком мягкая, чтобы доказывать свое мнение, если я в нем не совсем уверена. И не могу красноречиво вещать перед толпой — начинаю тянуть слова и запинаться. В общем, полный букет антисклонностей к специальности «Реклама и связи с общественностью». Может, надо было пойти на учителя, как предлагала тетя Зина? Помню в школе, я любила Дни Самоуправления. Но почему-то пять лет назад я загорелась именно рекламой. Казалось, это так просто. В отличие от преподавания, где к проблемам с родителями и детьми плюсуется еще многотонная отчетность.

«И, Геня, не иди с распущенными волосами! Заплети косу!» — всплыл очередной наказ от мамы. Да уж, косы колхозницы к костюму из «Служебного романа» мне только не хватало для полного счастья!

«И не забудь запасные трусы на всякий случай!» — уже подкол от брата.

Нет, они точно где-то кучкой сидят. Подозрительная синхронность.

Отложила надкушенный бутерброд: аппетит заботливые родственнички окончательно испортили. Вернулась в комнату, распустив влажные волосы: тяжелые слипнувшиеся локоны волнами легли на спину, укрыв оголенные лопатки. Расчесать, высушить и уложить, так чтобы не стыдно было выйти в люди — та еще задачка. В последнее время я не заморачивалась: просто собирала их в высокий конский хвост. В одном мама права — сегодня надо выглядеть презентабельно. Только у нас с ней разное представление об этом. Вооружившись утюжком для волос и феном, принялась приводить себя в божеский вид. Сорок минут спустя волосы струились мягкой медово-горчичной волной по моим плечам. Быстро переодевшись в кошмарный коричневый костюм, заколола волосы на затылке и натянула улыбку. Натянула это сильно сказано — лишь чуть-чуть приподняла уголки губ. Улыбаться по-гагарински я не любила — верхняя губа была тоньше, и когда она растягивалась, теряла свой контур. Щелкнув камерой телефона, придирчиво рассмотрела фото, на секунду примеряя на себя шкуру своей матери — но ничего критичного, к чему она

могла бы придаться, я не обнаружила. Свет от полуоткрытого окна делал мой нос-пуговку визуально меньше — чего не скажешь о фото — оно подчеркнуло все имеющиеся недостатки: выступающий подбородок казался длинней, а кожа цвета слоновой кости стала на тон бледнее, даже ни намек на румянец, хотя я чуть прищипнула кожу щек. Губы вообще потерялись на общем фоне. Я не была уродиной, просто моя внешность была из той категории, что легко испортить одним снимком в неправильном ракурсе. Единственное, чем я гордилась на все сто процентов: темные от природы ресницы и брови и зеленые глаза с легким голубым отливом.

Отправила сделанное фото и поставила телефон на беззвучный режим — комментарии от мамы читать не хотелось. Хотя, зная ее перевернутый вкус — если дело не касалось волос, тут она и эксперт, и фанатка мега длинны в одном лице — такой образ ее вполне устроит.

Наклонив голову, на секунду зацепила зубами нижнюю губу, снова поворачиваясь к зеркалу.

А может, так пойти? Я не особо-то и хочу в «Safe and Sound» работать...

«Будешь пресс-секретарем! Как Песков у Путина!» — вспомнив папину фразу, которую он вlepил, как последний аргумент «за», тихо фыркнула. Я же согласилась пойти на соискание должности секретаря-тире-администратора сайта, лишь бы этот поток аргументов закончился. К тому же, я все равно не знала, куда пойти устраиваться.

В 9:15 я торопливо шла к остановке. Дрожь, ползающая туда-сюда по спине, набирала обороты. Может, и правда, надо было по совету брата закинуться валерьянкой?

Качнула головой: и русский локон выбился из верхней части волос, что были собраны сзади заколкой со шпилькой — простая на защелке не брала мою густоту волос. Заправив за ухо, хлеставшую по лицу от порывов ветра прядь, села в автобус. Старый малогабаритный автобус был забит до предела, а наглухо закрытые окна создавали ощущение консервной банки — духота, пыль и пот. Пришлось дышать через нос, чтобы полупустой желудок не вывернуло, и радоваться, что из косметики на мне только — тоненький слой блеска для губ.

До нужного здания я добралась довольно быстро, стоило только выбраться из трясущейся машины пыток, чудом не помяв черную юбку и белую блузку — стандартный набор бывшего выпускника ВУЗа. Компания ООО «Safe and Sound» ютилась в здании бывшего строительного техникума, что уже пошло в колонку «минусы», составленную в голове. Да и логотип простоват — аббревиатура «SAS» в двойном круге, напоминавшем динамик колонки. Несмотря на крайне невзрачный вид здания снаружи — отколупанная грязно-желтая краска, сколы и граффити — внутри было уютно. Не возникало ощущения, что я перенеслась во времени лет эдак на 15–20. Все чистенько: плитка белая, без критических трещин, панельный потолок с софитами и даже напольные растения с широкими листьями по углам. Выцепив взглядом стойку ресепшена — обустроенную на месте старой вахты — выпрямилась, одернула юбку и направилась к девушке в красных очках, гипнотизирующую экран компьютера. «Паук» что ли раскладывает?

— Здравствуйте, — прочистила напряженное горло, заодно привлекая внимание полной брюнетки с маленьким подбородком. — Меня зовут Евгения Васильевна, я...

— Вас ожидают на втором этаже в кабинете номер 117, — быстро проговорила администратор, монотонно, словно работ.

«Может, она занята важным делом?» — подошла к подножью лестницы, обернувшись на длинную стойку металлического цвета. — «Правда, я не заметила, чтобы она что-то

печатала...»

Цоканье моих лодочек на среднем каблуке звонким эхом отскакивало от стен, несясь дальше по проходу. Тишину прерывало только жужжание кондиционера и шум улицы за чуть приоткрытым окном: июльская жара не щадила.

По спине пробежала струйка ледящего пота. Почему здесь никого нет? Не может же компания состоять из двух человек. Вертела головой, в поисках нужного кабинета, и наткнулась на груды коробок в углу небольшого холла, соединяющего два коридора. Сменила направление — интересно, что в них...? Вдруг, что-то запрещенное?

Во рту пересохло, а сердце и без того шалившее, начало отбивать настоящую чечетку. Не без усилий расстегнула самую верхнюю пуговку на блузке: пальцы дрожали, как будто я последний час тяжести носила, а не тоненькую папку с документами.

Нет, мне точно голову напекло... Гень, придумай отмазку получше. Или ты папе скажешь, что сбежала, так и не пройдя собеседование, потому что решила, что они торгуют наркотиками, а по акции раздают автоматы Калашникова?

Решительно кивнула сама себе и отдернула руку, потянувшуюся к коробке с наполовину отклеившимся скотчем. Просто выходной или рабочий день еще не начался...

Сцепила руки за спиной, вытягиваясь по струнке — это всегда меня немного успокаивало и унимало дрожь в руках.

— Входите, — послышался приглушенный голос слева от меня.

Повернула голову и взгляд скользнул по затертому номеру бывшей аудитории «117».

Ниже красовалась блестящая табличка.

«Заместитель директора. Зотова Елена Степановна»

Выдохнула, в надежде избавиться от тяжести, сдавившей легкие, взялась за ручку и повернула: все заготовленные фразы тут же испарились из головы.

2

Стоило ступить за порог и меня ослепило холодное яркое освещение и обилие белого цвета. Кремовые стены, белоснежный ламинат с серыми прожилками, навскидку «белый дуб». Помню, мама затеяла ремонт и под села на ролики по дизайну в интернете, все закончилось поклейкой в коридоре флизелиновых обоев пополам с бамбуковыми. А мой цепкий ум запомнил много дизайнерских определений. Порой я запоминаю абсолютно бесполезные вещи, такие как заглавная песня из мультфильма «Три кота», при этом выметая из головы жизненно необходимые вещи. Вот какой CSS-код использовать для смены цвета страницы и шрифта? Вроде «<background bcolour="#>... или «<body bcolour="#>...? А ведь это учила... Вдруг она задаст мне вопрос из разряда «качества моих навыков по специализации»?

— С-с-садитесь, пожалуйста-с-ста, — шипящая «с» привлекла мое внимание, уводя его от панических мыслей, проносящихся в голове со скоростью 65 км/ч, вместе с ненужной ерундой вроде названия расцветок покрытия и фактов «это интересно знать».

Перевела взгляд с закрытого окна на женщину, с волосами мышиного цвета и круглыми, выпученными глазами. Она напоминала мне какое-то животное, но какое я не могла определить. Замдиректора сидела неподвижно, кутаясь в шаль такого же темно-вишневого цвета, как и стол, за которым она сидела. Зотова, не мигая, смотрела прямо на меня: стало даже как-то не по себе: я снова сцепила руки за спиной. Молчание по всем меркам затянулось. Я сделала шаг к стулу с тонкой кожзамовой обивкой, что стоял напротив ее

стола, предположив, что Елена Степановна — это имя папа кувалдой вбил в мою голову — ожидает от меня решительных действий.

— С-с-с-той, — голос заставил замереть, чуть покачнувшись: каблуки были для меня непривычны, благо что я не растянулась на полу от такого резкого движения. Я подняла голову, взглянув в глаза насыщенно-зеленого цвета. Женщина, поймав мой взгляд, сильнее укуталась в свой вязаный платок, до треска натянув ткань на плечах. Может, беременная? Поэтому и мерзнет: ведь, даже несмотря на работающий кондиционер, в кабинете градуса 22, не меньше. Увидев, что я за ней наблюдаю, она скривилась и отодвинулась — ножки стула неприятно корягнули по паркету. Я растерялась: поведение Зотовой все больше сбивало с толку. Она ведь сама согласилась на собеседование.

— Открой шкаф, — холодные нотки в голосе заставили вздрогнуть: я еще ничего не сделала, а уже чувствовала себя так, будто в чем-то провинилась. Или я как-то не так зашла?

— Зачем? — вопрос напрашивался сам собой. Я ожидала услышать: «Покажите резюме» или хотя бы просьбу открыть диплом, а никак не шкаф.

Одутловатые пальцы начали перебирать по столу, отбивая какой-то понятный только этой женщине ритм. Она ждала, когда я выполню просьбу, больше похожую на приказ. Но я не из тех, кто тупо делает то, что ему скажут. Мне нужны весомые аргументы, а лучше — доказательства того, что шкаф не заминирован. Потому я осталась на месте, украдкой поглядывая на дверь. Долго смотреть на женщину не могла: взгляд у Елены Степановны был неприятный, липкий, как у рыбы или какой-нибудь амфибии. Внутри все дергалось от раздражающего звука. Скорее всего, собеседование я провалила: секретари должны выполнять причуды начальника, а я забычилась из-за ерунды.

— Ты же хочешь эту работу? — рука замерла над столом, я ожидала, что постукивание возобновится, но ее пальцы расслабились и растянулись на столе. — Открой шкаф.

Сердце на секунду сбилось с ритма, а уши словно опалило огнем. Выбор. Или признаться, что работа в «SAS» мне даром не нужна, и уйти домой. Или выполнить глупую просьбу. Женщина поднялась с места.

— Открой шкаф, — расстояние между нами неумолимо сокращалось. Казалось, прошла всего секунда — и вот уже зам стоит в шаге от меня. Бледная кожа с зеленовато-голубым подтоном выглядела жутко в холодном свете ламп. Сглотнула ком в горле, но так и не нашла в себе сил разлепить губы, сильнее сжав руки за спиной — костяшки пальцев ощутило онемели. Помотала головой. Получилось неуверенно, даже немного жалобно.

— Да что ж такое! — повысила тон женщина. Я разницы почти не ощутила — тот же медленный голос с ледяными нотками, правда ставший на полтона выше. — Говорила же, что лучше применить даур (дверь) к двери кабинета!

Я часто заморгала, пытаясь понять, что за чушь она несет. Даже хотела отшатнуться и ринуться к выходу, подальше от этой сумасшедшей. Но оцепенела, будто приклеившись к полу. Потянувшаяся ко мне рука, забугрилась, подобно плавящемуся воску, и покрылась серыми с розовым отливом пупырышками и неровностями, став похожей на кожу ящерицы. Глаза стали еще больше и, казалось, что сейчас лопнут или выскочат из орбит. Отшатнулась, но лысое чудовище — жиденькие пепельные волосы посыпались с головы пожухлой соломой — продолжало теснить меня к стене. Где стоял тот злобный шкаф.

— Б-б-будь умницей... — к и без того жуткому голосу добавились булькающие звуки. Из-за искривленного расширенного рта показался мясистый язык. Тошнота, вызванная отвращением и пустым желудком, подкатила к горлу. Сглотнула. Кислый привкус во рту

немного отрезвил.

«Это не сон», — мысль врезалась в черепную коробку с внутренней стороны, помогая стряхнуть оцепенение. Ринулась к двери, но холодная рука сомкнулась на запястье. С силой дернув на себя, то, что было Зотовой Еленой Степановной, заломило мне руки и потащило к шкафу. Я брыкалась, но женщина, вопреки своим габаритам и здравому смыслу, была сильнее. Я лишь сломала каблук в попытках. Встряхнув, она впечатала меня в дверцу шкафа.

— О-с-с-танутся с-с-иняки. Но это меньшее из твоих проблем, — прошипела она мне в затылок, ее влажное дыхание холодком страха прошло по позвоночнику. На мгновение я обмякла, сдаваясь под натиском ощущения полной безнадеги. Существо воспользовалось этим и, вытянув мою правую руку над головой, прислонило ее раскрытой ладонью к гладкой ДСП-шной поверхности.

Кожу обожгло, как от прикосновения к горячему чайнику. Крик сорвался с губ. Боль придала сил, но не настолько, чтобы оттолкнуть Зотову: я лишь непокорно дернулась в ее стальной хватке.

— Эндкьюизан зиз (До свидания), — шипение мерзко пощекотало ушную раковину. Дернула головой, в надежде зацепить мерзкую гадину. Но тут жар, обдавший руку, прошел, сменившись фиолетовым сиянием: оно размягчало поверхность дверцы, превращая ее в желе и затягивая меня внутрь. Хватка ослабла: попыталась схватиться за ручку, но ощутимый толчок между лопаток вывел из хлипкого равновесия. Я запнулась и полетела в вязкую тьму.

— Удачи на новом месте. Надеюсь, ты выживешь. Хотя...

Голос угас, голова закружилась, и чувство падения на короткое мгновение сковало мышцы, а после в крови жидким огнем разлился адреналин, заставляющий действовать: скребла ногтями за пустоту, тормозила руками и ногами, но замедлиться не удалось. Мир перевернулся вверх тормашками, и я уже не знала, где вверх и где низ. Вокруг была лишь чернота и буйные фиолетовые всполохи, затухающие в одном месте, затем появляющиеся в другом. Рот открылся в беззвучном крике — потоки воздуха перехватывали дыхание. Воздушная масса не давала даже сжаться в клубок от страха.

Не знаю, сколько прошло минут или часов. Казалось, падение продолжалось бесконечно долго: я уже привыкла к свисту ветра в ушах и расслабилась (насколько это было возможно в данной ситуации), а сердце перестало грохотать где-то в промежутке между гортанью и положенной ему нише в груди.

И в этот момент, когда вместо приступов паники меня начала одолевать скука, я с силой ударилась затылком о землю, и скудный мир вокруг меня окончательно померк.

3

— Она? — режущий высокий голос с толикой брезгливости, будто наждачкой прошелся по мозгу.

— А какая разница? — басистый голос был сродни кувалды по вискам.

— На вид какая-то плейбейка... Я же просила найти подходящую. Такую, что сошла бы за девушку из высокогородной семьи, — непонятный шорох пытался пробиться сквозь шум в ушах.

— Ты даже в богине Ишгар [центральное женское божество аккадской мифологии] найдешь изъян, если ее встретишь, — голос мужчины завибрировал: он явно начал терять терпение.

— Но мы заплатили немалые деньги! — снова послышался шорох, очень знакомый —

так шуршит пожухлая трава под ногами. Легкий ветерок лизнул щеку — я точно находилась где-то на открытой местности. Затхлый землисто-травяной запах щекотал ноздри, сопровождая горько-сладким и душно-пряным ароматам леса. Вдалеке закричала сова, но фраза, сказанная повышенным тоном, заглушила уханье:

— И что?! — рявкнул мужчина. — Хочешь отдать королю этих мерзких диусов [dius (гот.) — зверь, животное] нашу дочь?

— Вообще-то, Лидия — твоя...

Туман в голове еще не до конца развеялся, и свинцовая тяжесть на веках помешала среагировать на тревожные сигналы, я лишь слабо дернулась и застонала от боли, пронзившей тело. И это не осталось без внимания: говорившие затихли. А начавшаяся фраза оборвалась на полуслове.

— Она скоро очнется... — низкий голос, что недавно искрил раздражением, на несколько тонов понизился.

— Ну и что! — визгливая женщина и не собиралась затихать. — Она же связана! Наемные вулфсы отвезут ее в Ливахайм, когда найдут!

Сознание и ориентация в пространстве медленно, но верно возвращались. Боль теперь пульсировала где-то в затылке. Онемение проходило. И судя по ощущениям на коже — мелкие камешки больно впились в ушибленный бок и оголенные руки, в тех местах, где блузка их не закрывала. Сделав усилие над собой и затолкав подальше хватающий за горло страх, я разлепила веки. Сильной рези в глазах не последовало — масляной фонарь в ковanej оправе служил единственным источником света. Картинка была смазанная, но я различила две фигуры, стоящие поодаль. Женщина в пышном платье сливочного цвета ярким пятном выделялась на фоне погруженного в ночь осеннего леса. Мужчина сделал шаг вперед, когда понял, что я за ними наблюдаю. Наклонившись, он направил мне в лицо фонарь — свеча в лампадке ослепила, и я зажмурилась.

— На мой взгляд, вполне себе достойная жертва... — протянул он, наклоняясь ко мне еще ближе, брезгливо повернув к себе мой подбородок носком ботинка.

Жертва?! Какого черта...?!

От такой информации даже тупая боль в голове ушла на второй план. Резко вскинула голову, и в глазах потемнело, сильнее размыв грубое лицо в дрожащем свете.

— Надеюсь, они не придерутся. Все-таки не похожа она на дочь герцога. Альви... Будет лучше, если мы уйдем сейчас... — худощавая брюнетка с крупным носом подошла ближе, теперь перед моим лицом, лежащем на траве, маячил лишь подол ее платья, измазанный грязью с налипшими оранжево-коричневыми листьями. Платье снова зашуршало — она нервно обернулась в сторону тропы, что вилась между тонкими соснами.

— А она не сбежит? — сомнение проскользнуло в голосе ее спутника. Я замерла, перестав крутить руки, в надежде освободить хотя бы палец. И вовремя — мужчина опустился на колени и перегнулся через меня, чтобы проверить путы. Затянув узел покрепче, он встал.

— Вы в курсе, что за похищение вам светит срок...? — в голове гудело, а ночь с белевшими в ней стволами деревьев не добавляла реальности происходящему. Во рту было сухо, язык еле ворочался, и вопрос, который должен был напугать их, или хотя бы заставить задуматься прозвучал нечетко и надломлено.

Женщина поймала мой взгляд. Ее глаза растерянно забегали. Она думала, что я буду молчать, покорным бревном лежа на траве? Вот бы еще в голове не стучали молотками

маленькие гномы. В сознании вспыхнул образ уродливой женщины из кабинета «117», фиолетовые вспышки и подпрыгивающее нутро от стремительного падения в пустоту. Чем они меня опоили? И зачем привезли в лес?

— О чем это она? — тонкий голос стал тише.

Мне показалось, что она вздрогнула. Или, может, во всем виноват порыв ветра, гуляющий среди верхушек деревьев и перебирающий листья?

— Вы... — хотелось выплюнуть в них что-нибудь ядовитое, но язык, будто увеличившийся в два раза не хотел слушаться. Попытаться пнуть что ли? Но ноги то же были связаны.

— Нергал [Бог войны, мора, истребления и смерти. Владыка преисподней у шумеров] ее знает... Полли, пошли. Ночью после полуночи в Хультском лесу не безопасно. И даже если девчонка освободится, бежать ей особо некуда...

Сердце в груди съежилось, словно ледяная рука сжала его в тиски. Преступники стремительно растворялись в ночи. Деревья, обступившие меня, погрузись в темноту. Шорохи леса стали громче, снова заухала сова, в унисон со стремительно набирающим обороты стуком сердца. Лоб покрылся испариной.

Надо осмотреться и понять, где я нахожусь, или хотя бы в какую сторону ползти. Перекатилась на спину — от резкого движения к горлу подкатила тошнота, и я сцепила зубы, дыша через нос и гипнотизируя бархатистое темно-синее беззвездное небо, тонкая пелена облаков прятала луну, отчего все вокруг казалось одинаково жутким. Изогнутые стволы деревьев, словно тощие монстры с когтистыми лапами, наблюдали за мной, дорожки меж ними терялись за лиственным покровом, греющем землю. Я понятия не имела, куда меня приволокли. Одно могла сказать точно — это не парк. Никак шумов цивилизации не пробивалось через эту хрустяще-свистящую тишину, время от времени нарушаемую возней ночных обитателей леса и зловещим пением полуночных птиц. Тошнота отступила, и я, обдирая колени в капроне, подползла к ближайшей от меня осине. От всех этих передвижений шпилька выскользнула из заколки и со звяком упала в траву. Прислонилась к дереву и принялась выискивать глазами посеребренный зубчик. Веревки им при всем желании не перережешь, но можно воткнуть в ногу одному из тех, кто должен был прийти за мной, по словам той аморальной парочки.

Спина еще ныла, туго завязанные руки и заброшенная еще в третьем классе гимнастика вызвали сомнения, что я смогу, ползать на обтянутой в юбку пятой точке, в поисках потерянного имущества. Да я завалюсь на бок при любом сильном порыве ветра. Про то, чтобы завести связанные руки под колени и переместить их вперед — и речи быть не могло. Узкая юбка мешала, и я не была настолько гибкой. Скинула туфли — попыталась вытянуть из пут ноги. Да куда там. Выдохнув, сдула упавшую прядь на лицо и облизала соленые губы. Почти решила остаться на месте, в ожидании уготованной участи. Но тут облака расступились, и шпилька призывно сверкнула в метре от меня, теряясь в зарослях желтой травы. Оттолкнулась от ствола, но, как и ожидала, потеряла равновесие и рухнула обратно. Но сдаваться я не собиралась. Когда представится случай, я поборюсь за себя. Рывок, еще рывок. Перевернувшись на живот, поползла по-пластунски, достигнув цели, перекатилась на бок, кончиками пальцев потянувшись к половинке заколки. Когда холодный металл лег в руку, я едва не взвизгнула от приступа радости — маленькая, но все же победа.

Вдруг пронзительный вой заполнил пространство, вспугнув ежика, прятавшегося в кустах. Страх высосал остатки воздуха из легких — часто задышала, пытаюсь справиться с

нарастающей паникой. Завязанные руки задрожали, и я чуть не выронила шпильку из рук, когда два силуэта показались в просвете между соснами, выходявшем на небольшую поляну. Одни из них опустил задранную вверх голову, и завывание прекратилось. И тут я с ужасом осознала, что этот животный волчий вой принадлежал ему.

Осталось надеяться, что хлипкая заколка даст мне немного форы.

4

— Ты идиот? Хочешь всю округу перебудить? — донесся до меня голос второго, пихнувшего мужчину, возомнившего себя волком.

— В этой части леса байры [(гот.) — медведь] не обитают. Так чего боятся? Глянь. Вся скукожилась. Спорим на 50 фуглисов [(гот.) — птица; местная валюта], что она напрудила от страха? — смех похожий на гоготание гиены, заставил поежиться. Мужчина указал на меня, скидывая с головы капюшон. Стиснула зубы, чтобы не закричать во весь голос. Такой жутко реалистичной маски я еще не видела. Или со мной играл обманчивый свет луны?

— Ты идиот, Зефф? Надень капюшон! — второй отвесил ему подзатыльник и попытался натянуть накидку обратно на голову, но его напарник раздраженно отпрянул.

— Успокойся, Алим. Для этих гамайнизов [(протогерм.) — обыкновенный] мы все на одно лицо! И они плохо видят в темноте, — их голоса резонировали друг с другом. У Зеффа он был задиристый и дерзкий с зычными нотками, будто бы он не привык говорить шепотом. А у его компаньона — медленный, чуть дребезжащий и тихий. Вслушиваться в их голоса было лучше, чем смотреть в звероподобные лица. Алим тоже решил, что прятаться не имеет смысла. Белая шерсть, покрывающая его лицо, засеребрилась в лунном свете. Уши, форма бакенбард, надбровные валики, сходящиеся на переносице, из-за чего широкий нос казался еще массивнее, делали его похожим на волка. Про Зеффа и говорить нечего — его вытянутая морда не оставляла никаких сомнений.

— Душка, ты там жива? — вопрос прозвучал совсем близко, а поняла, что зажмурилась, сморщив нос от запаха мокрой шерсти. Судя по грязи и блестящей траве — не так давно прошел дождь. Со всей своей распалющейся паникой, я и не заметила, что моя одежда и волосы пропитались влагой. Стиснула зубы, сжав шпильку до онемения кончиков пальцев, и распахнула глаза.

— Зефф, тебе заняться нечем? — Алим дернул сородича за плечо, и тот невольно отклонился от меня. — Закидывай ее на плечо, и пошли.

Я, как загипнотизированная, смотрела в карие глаза человекоподобного волка, подпернутые красным маревом. Последняя фраза разговора затерялась в страхе, затопившем грудную клетку и заставляющем сердце замереть.

— А давай ее развяжем? — глаза Зеффа блеснули азартом. — Попытается сбежать — устроим охоту?

Даже искры веселья, плясавшие по краю его радужки, не помогли успокоиться, лишь заставляя рациональность запереться в самой темной комнате и выбросить ключ.

— Брат, ты, что, дафны [Daphne mezereum (лат.) — волчегодник] переел? Она жертва зиуданса [Riudans (гот.) — король, титул монарха] Лайонела!

Слово «жертва» щелкнуло переключателем, озарив потемневшее сознание.

Я не собираюсь становиться поросенком с яблоком в зубах на праздничном столе или ягненком на заклание!

Металл заколки обжег холодом ладонь, напоминая, что у меня есть шанс. Слабенький,

но шанс. Только бы освободить руку.

— Ой, подумаешь... — небрежно бросил черный волк, хотя голос дрогнул, а он нервно обернулся. — Ладно. Как скажешь.

Нагнувшись, он одним рывком перекинул меня через плечо. Шишка на голове снова запульсировала, а ушибленные мышцы и кости протестующие заныли. Но я и не думала сдаваться. Извивалась змеей. Колотила по спине связанными руками, в попытке выскользнуть из хватки.

— Да не крутись ты! — рыкнул Зефф. — Брат, помоги!

Лягалась я знатно, мне бы в этот момент позавидовал бы любой длинноухий транспорт. Алим решил подсобить брату — попытался перехватить буйствующие ноги. Острые когти едва задели мои лодыжки, зато перерубили веревки на ногах. Уличив момент, я крепко сжала выскальзывающую шпильку и воткнула ее черному волку в спину чуть ниже плеча. Зефф издал низкий рык и отбросил меня к дубу, чьи массивные, торчащие из земли корни, были щедро усыпаны осенними листьями. Они-то и смягчили падение. Терять сознание или же любоваться скудным содержимым желудка, согнувшись в три погибели — времени не было. Путы на руках ослабли, и как только я их освободила, рванула в противоположную сторону, игнорируя саднящую у сгиба стопы ногу. Видимо, второй таки зацепил. И судя по тому, как она стремительно немела, а под капроном собиралась ощутимая влага — царапина было не поверхностной. Жгучая смесь адреналина и страха зарядила предостаточно — открылось второе дыхание. И даже боль в ноге казалась не такой сильной. Время бежало с бешеной скоростью, подгоняемое волчьим воем позади, хрустом веток и шуршанием листьев. Братья и не думали прятаться — шумно преследуя меня. По ощущениям прошло секунд тридцать, а я уже была посреди спящей пожелтевшей поляны, похожей на идеально ровное блюдо. Застыла, на мгновение потеряв все ориентиры — если раньше меня вел просвет между деревьями, то теперь, оказавшись в плотном кольце из сосен вперемишку с лиственными деревьями, я растерялась.

Куда бежать? Мне нужно выйти на дорогу, ведущую к людям. Попросить помощи...

Раненую ногу прострелила судорога, и я упала на колени, слыша, как преследователи приближаются. Короткий вой оборвал недовольное рычание и потонул в шорохе качающегося на ветру кроваво-красного кустарника. Зажмурилась, ожидая болезненного удара, ломающего кости и разрезающего плоть. Вместо этого в спину прилетело нечто, похожее на мешочек с песком. От черной, сверкающей в ночи пыли, засвербело в носу, я невольно чихнула, вдыхая часть осадка. Закашлялась, услышав позади радостные крики стрелка, попавшего в цель.

— А ты говорил, зачем брать пыльцу слепс-блома! [(гот.) сонный цветок] Зато теперь она не убежит, — самодовольство так и плескалось в резком голосе. Ответом ему было тихое фырканье.

Голова приятно закружилось, как при легком похмелье, даже тошноты не было. Я позволила подсохшей от недостатка солнца и осеннего ветра траве принять меня в свои объятия. Слепой глаз луны безразлично и холодно наблюдал за происходящим. Полевая трава и мятная полынь щекотали щеки. Силы и причины бороться отошли на второй план. Закрыла глаза, позволяя забытью окутать меня обволакивающим теплом.

неожиданным скачком. Дернулась, стукнувшись многострадальной головой о деревянный настил грохочущей телеги. Но ни тошноты, ни мушек в глазах не последовало. Осторожно прощупала место ушиба. Шишка была ощутимой, но пульсирующей боли не вызывала. Наоборот, затылок приятно холодило. Пальцы от прикосновения измазались в чем-то дурно пахнущем, похожим на испорченную зубную пасту. Попыталась сесть — но это было нелегко сделать в кандалах — я до головы-то дотянулась только с третьей попытки. На глаза попала собственная нога в изорванном капроне, и намотанном на поврежденное место чистым лоскутом ткани.

— Ты в порядке? — тихий застенчивый голос донесся из другого конца повозки, в районе деревянных ящиков, накрытых тряпками.

Стоило повернуться — и я тут же отскочила. Два больших морозно-серых глаза уставились прямо на меня. Человека бы я не испугалась, только вот обладатель этих искрящихся любопытством глаз был покрыт шерстью, а кончики острых ушей подрагивали из-за малейшего шороха. Рефлекторно отползла. Голова была тяжелая, тело ныло от лежания на жестком полу, но ясное сознание не оставляло сомнений — это не сон.

— Не бойся, — говоривший вышел на свет. Но я секундой раньше поняла, что это девушка: прежде чем увидела миловидные черты лица, несмотря на специфическую внешность и толстую серебристую косу, перекинутую через плечо. Звонкий и чистый девичий голос не мог принадлежать мужчине. Ей бы в каком-нибудь хоре петь... с таким сопрано.

Кивнула, не понято зачем, и продолжила неуклюже ползти, пока не наткнулась спиной на изогнутую каркасную балку, служащую опорой конструкции телеги. Странно, но сердце не отбивало бешеный ритм, как это было ночью. Во рту лишь пересохло — но это можно было списать на сухой теплый воздух, пробивавшийся в щели в складках навеса и щекотавший кожу. Девушка-волк наклонила голову и прищурила глаза, рассматривая меня на расстоянии вытянутой руки. Почувствовала себя экзотическим зверьком, запертым в клетку. Но вместо того, чтобы напасть или хотя бы отвернуться, я вернула ей взгляд. Она выглядела не так, как Зефф и Алим. Носик был прямой, аккуратный, с темным кончиком и крыльями носа. Мягкие черты лица добавляли сказочности ее звериной внешности.

— Ты кто? — спросила я охрипшим от жажды голосом.

— Я — Ару, — ответила она, пододвинувшись ближе. Видимо, решила, что раз уж я не кричу во все горло, значит, не боюсь. Впрочем, так оно и было. Но проявлять дружелюбие к тем, кто меня похитил, и прочим соучастникам я не собиралась.

— Ясно, — сухо ответила я, обхватив колени руками и прижимая их к груди. Тяжелые цепи от резкого движения больно ушибли голень, и я поморщилась.

Лицо девушки сразу потухло, стоило ей заметить мою глухую враждебность. Часть меня, конечно, жаждала узнать больше о ней и о месте, в которое мою тушку так бесцеремонно закинули. Но я не из тех, кто делает селфи со своим палачом, накануне собственной казни.

Волчица поджала губы и, скользнув взглядом по перебинтованной ноге, отсела к противоположной стене.

Вот и славно. Только... любопытство все еще раздражающе зудело в районе затылка. А может, просто чешется ушиб? Если честно, плевать. Неважно, кто они и куда меня везут. Надо попытаться выбраться до того, как мы прибудем на место. Помнится, два брата говорили, что ячья-то там жертва. Значит, меня везут в город или в какой-нибудь замок.

Надеюсь, не в гарем. Хотя... не знаешь, что лучше: растоптанное достоинство и несвобода или смерть в мучениях в центре какой-нибудь пентаграммы.

Огляделась по сторонам, старательно избегая места, где тихо сидела моя попутчица-тире-надзирательница. Душистый со свежими нотками аромат подсказывал, что днище повозки и полуметровые бортики были сделаны из сосны или чего-то похожего. Так же пахнет наша кособокая банька на улице Пугачева. Папа с братом сами построили ее год назад, чем несказанно гордились. Эх... И почему я не с ними. Что за вселенская несправедливость? Сейчас бы нежилась на пляже, читая новую книгу Паоло Коэльо и думала о вечном.

На каркас повозки была натянута ткань, протертая в нескольких местах и пропускающая теплый воздух внутрь. Концы тента были плотно затянуты веревкой, вшитой по типу кулиски. От этого ощущение запертой ловушки вибрировало на кончиках пальцев. Гудящее от всего пережитого тело требовало действий. Я хотела жить. И желательно в своей среднестатической трехкомнатной квартире почти в центре города. Еще лучше — в той однушке, что была мне обещана.

Но, как бы я отчаянно, до панических звезд в глазах, не хотела выбраться — я не видела выхода. Шансы уменьшались от одного присутствия этой Ару. Даже если я попытаюсь расслабить до треска затянутый вход или порвать ткань навеса в самом слабом его месте — там, где она терлась о каркас и натягивалась, становясь тоньше — при любом раскладе волчица остановит меня. В этом я не сомневалась.

Сжала колени дрогнувшими от вынужденного бездействия пальцами. Уперлась лбом о костяшки и закрыла глаза. Съежившись так, будто пыталась стать в два раза меньше. Спутанные волосы волной рассыпались по плечам, помогая отстраниться от этого чужого и незнакомого мира. Стук сердца стремительно набирал обороты с каждой новой жуткой вариацией на тему «Что же меня ждет дальше». Паника уже собралась с садистским удовольствием схватить меня за горло, как я слышала отчетливый хруст. И манящий кисло-сладкий запах заполнил душное пространство.

Рот наполнился слюной, а голодный желудок скрутил спазм. Не в силах справиться с соблазном, подняла голову, выныривая из своего мрачного кокона безысходности.

— Будешь? — непринужденный вопрос Ару, заставил мою правую бровь нервно дернуться. Девушка, лучась доброжелательностью, протягивала мне яблоко так, будто это гостинец от всей души, а не бледное подобие последнего ужина.

Открыла рот, чтобы рыкнуть «Нет!», но подавилась слюной и жалобно кашлянув, кивнула. Волчица не стала швырять фрукт через всю комнату. Сообразила, что в чугунных цепях я его вряд ли поймаю.

Ару встала, и подошла ко мне — повозку перестало качать, и она даже не шелохнулась. Похоже, мы выехали на ровный участок дороги.

— А расскажи, какая она — Союзная Страна Маннов? — не малопонятный вопрос, а то, что девушка вплотную приблизилась к моему лицу, заставило подавиться куском яблока.

— Я...

— Эй, Ару! — заспанный окрик, в аккомпанемент с широким зевком, избавил меня от необходимости отвечать. В голове закрутились шестеренки, и я уже не слышала ответ девушки и не уловила смысловое зерно начавшейся перебранки между ней и Зеффом.

Я не из этого мира! Меня наглым образом подставили! Те двое, что передали меня здешним антропоморфным волкам! О чем там спорила полуночная парочка...

От напряжения в голове запульсировало. Но я отмахнулась от боли, нарастающей от ослабевающего эффекта мази, как от назойливой мухи, продолжив лихорадочно строить логическую цепочку.

Они говорили, что-то о дочери, которую не хотели отдавать... Женщина еще высказала свое «фи»: видите ли, не похожа я на дочь графа... Точно! Если я скажу, что я — подменш, несправедливо выданный за жертву... Может, меня отпустят домой. Надеюсь, местные органы судебной системы не служат простым украшением, и их хоть чуточку оскорбит, то, что на роль «жертвы» — что бы это не значило — отправили особу не графских кровей.

6

— Приехали! — подал голос Алим, натянув вожжи. Я это, конечно, не увидела, но почувствовала: меня отбросило в сторону. Ару подскочила ко мне, чтобы помочь подняться. Будь я в другом положении, стряхнула бы ее покрытые мехом руки и непокорно вздернула подбородок. Но сейчас я была похожа на мешок с картошкой — стремилась завалиться на бок от любого толчка. Потому лишь молча заскрежетала зубами и приняла помощь.

Затянутая кулисой ткань раздвинулась, и яркий свет, вперемишку с оранжево-желтой дорожной пылью, заполнил пространство.

— Вылезай! — сердито рыкнул Зефф, рассеянно потирая правое плечо. Именно в него я воткнула заколку. Но вряд ли причинила волку тяжкий ущерб, лишь растоптала его мужскую самоуверенность — ведь у меня все-таки получилось сбежать. И судя по тому, как он хмурился, буравя меня взглядом — это его задело.

— Давай, я помогу, — нерешительно сказала девушка: ее руки дернулись по направлению ко мне, но она себя остановила, так и не коснувшись ладонями моих напряженных от натуги плеч.

— Сама, — отрезала я, пытаюсь сдуть налипшие на лицо мокрые волосы и выпрямиться в полный рост. Но под тяжестью кандалов это было сделать трудно, и я поковыляла к бортику повозки, откуда за спиной мужчины-волка выглядывал кусочек равнинного пейзажа с пучками длинной желтой травы и изогнутых деревьев с приплюснутыми кронами. Похоже на... саванну?

— Живее! — вибрирующий от выплескивающегося раздражения мужской голос встрял между мной и бесконечным пейзажем далекой Африки.

Я застыла в недоумении. И не от того, что оцепенела от нахлынувшего испуга — казалось, после пережитого, меня теперь трудно напугать. Я растерялась, не зная, как быть — не сваливаться же с края ненужной поклажей, в самом-то деле? Но с таким металлом на руках и ногах прытко вылезти из повозки у меня не получится. Зефф даже и не собирался мне помогать — лишь крепче сцепил руки на груди.

Перевела взгляд на Алима, не особо ища поддержки, мне бы вполне хватило ЦУ. [ценные указания] Да и признаться, смотреть на него было как-то привычнее — он больше был похож на человека, не было этой волчьей удлиненной морды. Я — взлохмаченная и местами побитая вызвала у старшего — судя по поведению — брата приступ жалости. Человек-волк неправильно растолковал выжидательный взгляд и подхватил меня за талию. Я даже не заметила напряжения в его мышцах и изменений на спокойном лице — он с легкостью поднял мое тело так, будто я весила каких-то жалких 10 кг, а то и меньше.

Я не особо успела рассмотреть его — лишь заметив янтарный отблеск вокруг радужки глаз — как Алим поставил меня на землю и развернул лицом к огромной скале. Она была

похожа на исполинский кусок арахисовой халвы. Пласты оранжевой породы торчали хаотично, то тут, то там, создавая впечатление, что Создатель этого мира поленился хоть немного сгладить рваные углы склонов. Но поражало не это. В самом ее центре располагался замок, будто выросший в скалу. Нечто похожее я видела на страницах учебника по истории. Но в отличие от той же Каппадокии, похожей на большой муравейник, это сооружение поражало красотой. Стрельчатые окна, узкие башенки, витражи и коварные позолоченные шпили на крышах. Казалось, все здание тянется вверх, пытаясь дотянуться до небес. В центре фронтона [фронтон — верхняя часть переднего фасада здания, которая ограничивается двумя скатами крыш и карнизом] красовалось сияющая на солнце голова льва. Прямо под ней центральная полукруглая часть замка, заканчивалась балконом с золотыми балюстрадами. Контраст черного и золотого захватывал дух в смешанных чувствах — замок в явном готическом стиле, что должен был выглядеть жутко, сиял великолепием.

Я не сразу заметила, что на балконе стоял некто в темных одеждах и в странной шляпе с козырьком. Обратила я на него внимание, когда незнакомец шевельнулся, и, развернувшись, направился обратно в недра замка.

Толчок в спину от Зеффа не дал панике разгуляться на полную катушку: злость забрала себе оставшуюся энергию. Дернулась и пропустила возникшую на пути ступеньку, но Ару и Алим услужливо не дали мне разбить нос о черный мрамор.

У массивных резных ворот из темно-коричневого дерева с черными прожилками стояли стражники. Золотые петли и две ручки в форме львиных голов с кольцами в роту ярким пятном выделялись на общем фоне. Драгоценные глаза сверкали янтарем, рябя в глазах. Лестница казалась бесконечной. Цепи натирали кожу до крови, а каждый новый шаг давался с трудом. Два стражника с острыми, направленными вверх ушами и мордами доберманов, наблюдали за нашей жалкой процессией. Один из них предостерегающе сжал рукоять меча: темное полуобнаженное тело лоснилось в лучах солнца, короткая шерсть была больше похожа на кожу. Тяжесть, навалившаяся на меня, не давала поднять голову выше и взглянуться в их звериные лица.

— Кто вы? — спросил тот, кто стоял слева, его мускулистая грудь была перетянута кожаным ремнем.

— Вулфссунусы из Хультского леса, дети вожака Ану, — ответил Алим своим флегматичным голосом.

— Мы привели жертву! — вклинился в разговор Зефф, в порыве чувств пихнув меня локтем в бок, отчего я зло зашипела. Если выберусь из этой передраги, побрею на лысо этого наглого волчонка.

— Проходите, — отозвался стражник, на мгновение, повернув голову в мою сторону. Я поймала взгляд насыщено-карих собачьих глаз. В них проскользнуло... сочувствие?

В горле начала разгораться жара, а небо, казалось, скоро покроется сухими трещинами, как в пустыне. Кислое послевкусие яблока делало все только хуже. Сглотнула тугой ком и сделала нетвердый шаг вперед, когда двери со зловещим стоном отворились. Ступни в капроне скользили по холодному гладкому каменному полу. Стены и колонны, которые будто держали огромную фреску, изображающую огненную птицу, были облицованы белым камнем и украшены позолотой, делая и без того огромное помещение исполинским. На постаменте в пространстве между двумя изгибами винтовой лестницы, стоял богато украшенный стул с сидением из красного бархата. Его резной верхний край, украшенный драгоценными камнями, играл всеми цветами радуги в лучах солнца, проникающего сквозь

открытые ставни огромных окон. Глаз не хватало ухватить все детали, сколько бы я не вертела головой с гудящей от напряжения шеей. Тихие шаги, раскатом грома донеслись откуда-то сверху. Подняв голову, заметила знакомую фигуру в темно-синем костюме. Вблизи я разглядела то, что я сначала приняла за шляпу. Остромордая голова черной собаки с огромными стоячими ушами находилась на теле мужчины с черной кожей. Медленная, размеренная походка сковывала сердце страхом с каждым новым шагом, гулко звенящим в наступившей тишине. Даже Зефф, до этого жаловавшийся себе под нос на каких-то сторожевых хундсов [собака (гот.)], замолк, прикидываясь предметом интерьера в лице статуи волка. Остальные тоже замерли. У меня же кончик языка присох к альвеолам. Я просто слушала звонкие шаги, смотря в пол. Страшно было даже поднять голову, чтобы поближе рассмотреть того, кого испугались волки.

— Вы привели ее, — звук шагов оборвался, и я заметила две ноги в поле моего зрения, угловатые изгибы были обтянуты в темно-синюю ткань. Край подола синей накидки был украшен вышитым узором, изображающим раскрывшиеся бутоны лотоса.

Длинные ледяные пальцы с острыми ногтями схватили меня за подбородок и потянули вверх, вынуждая посмотреть ожившему Анубису — я наконец-то вспомнила, кого он мне напоминал — в угольно-черные глаза, лишь с толикой примеси бурого цвета: казалось, будто зрачки сливаются с радужкой глаз и тебя тянет в бездну.

Я забыла все свои весомые аргументы, мысленно съезживаясь до размера молекулы, пока холодные глаза продолжали скользить по моему лицу.

7

— Это дочь графа и графини Блэкхэрдов? — лениво поинтересовался собакоподобный человек, отпустив мой подбородок. На секунду он скривился, скользнув взглядом по подушечкам пальцев, как если бы вляпался во что-то мерзкое.

— А Ваурмс его зна... — начал было Зефф, но подавился словом от осязательного тычка в бок от Ару.

— Фродаз [фродаз (протогерм.) — мудрый] Амнон, Мы нашли ее связанной в условленном месте, — пояснил Алим, не забыв при этом поклониться и сделать непонятный жест руками. От усталости, жажды и тяжести цепей перед глазами все плыло: хотелось послать все к черту и рухнуть прямо на пол. — В эту часть леса редко заходят гамайнизы из-за мустриггсов [летучая мышь (гот.)], что обитают в северных пещерах неподалеку. Думаю, эта девушка и есть обещанная жертва...

Тут бы мне вклиниться и излить на присутствующих оправдательную речь, но лишь только прохрипела «Я» — и меня тут же парализовал ледяной взгляд глаз цвета потухших углей. Поняла все по выражению остроносой морды прежде, чем услышала ответ.

— Это не столь важно. Она вполне подойдет...

На голову будто рухнул огромный булыжник: в ушах зазвенело, а слетающие с губ слова, касающиеся оплаты за мою голову превратились в белый шум.

Как я могла, надеяться, что меня выслушают? Это как выбирать кусок говядины в мясной лавке — берешь не тот, что дороже, а тот, что на вид съедобный. Я — этот долбаный кусок мяса. Зачем им искать какую-то благородную девицу, если я подхожу? Уж не знаю, какие у них тут критерии, но количество денег явно не в их числе.

Отчаяние слабо зашевелилось во мне — отрицание все еще душило его, хоть уже и не так сильно. «ЖЕРТВА». Будто у меня на лбу наклейка с надписью и ценник, как в магазине:

шприх-кода только не хватает, чтобы упростить задачу потенциальным покупателям.

Мысли уносились в полные дебри, пытаясь убежать от осмысления всего происходящего, даже мозг с упрямством осла искал в своем толковом словаре другой смысл слова «жертва» — и желательно диаметрально противоположный.

— Милагреш. Сакорру, — позвал Амнон, развернувшись всем корпусом, пока я судорожно вспоминала: выключила ли я утюг, выйдя из дома. Все мое существо упорно не хотело принимать участие в творившемся вокруг меня. Но, как назло, долгожданный обморок все не приходил. — Отведите девушку в гостевые покои в западном крыле и подготовьте к ритуалу.

Шуршание юбок и поспешные шаги почти не отвлекли от моего занятия.

Я все еще разглядывала звенья ржавой цепи между лодыжками, представляя, как они растворяются в воздухе, позволяя мне хотя бы добежать до входной двери. Эх... Если бы сила мысли работала как надо... Облизала губы и поморщилась — ранка на нижней губе от укуса зубов дала о себе знать слабой пульсирующей болью, которая тут же угасла. Но дала мне заряд ясности.

— Это ошибка... — выдавила я, подняв голову и стряхнув пухлые руки двух женщин в белых чепчиках. Правда, женщинами их можно было назвать с натяжкой — покрытые шерстью, с короткими пушистыми хвостами и белыми мордашками с темными полосами от кругленьких ушей до черных кончиков носов. Они были похожи на барсуков, только лица по форме человеческие.

Служанки в накрахмаленных фартуках растерялись, когда я дернулась, а Вершитель моей судьбы — и, кажется, многих других — повернул голову в мою сторону.

Ком в горле упал в желудок, заморозив внутренности ожиданием. Последний луч надежды угас вместе с ответом.

— Не имеет значения, кто ты и откуда. Ты — человек, — Амнон брезгливо сморщил нос. — И сегодня ты умрешь.

Безжалостные слова пронзили насквозь: я обмякла и точно бы рухнула на пол подрезанной марионеткой, если бы не служанки.

Звуки удаляющихся шагов, стучали в унисон с шокированным сердцем. У подножия лестницы мужчина-зверь обернулся. Желто-синее кольцо сверкнуло в лучах солнца. Он снял его с указательного пальца левой руки и надел на правую. Небрежный взмах — и цепи с рук и ног исчезли.

— Можешь даже и не пытаться сбежать, — отчеканил он, делая паузы на каждом слове, чтобы смысл отпечатался в моей голове. Глаза-угольки обжигали — Амнон смотрел, не мигая, явно намереваясь прожечь дырку в моей голове. — Не получится.

Я смотрела, как край его накидки скользит по полу, игнорируя охи и ахи двух крепких девушек, одинаковых с лица, по поводу моего внешнего вида. Какая, к черту, разница, как я выгляжу, если меня все равно убьют?

Шумный выдох привлек мое внимание. Обернулась — семейство людоволков, стоявшее в двух шагах, заметно расслабилось. Зефф расправил плечи и пихнул брата, сказав, что-то о каких-то фуглисах, которые надо честно поделить. Деньги, наверное. Странно, но на них я не злилась. Они всего лишь наемники. Что с них взять?

Теплый взгляд встряхнул нервные окончания, медленно утопающие в обреченности. Жалость Ару обжигала: слезы подступили к уголкам глаз. Сжала зубы и отвернулась, позволяя служанкам увести меня через черный ход — дверь в проход для слуг была спрятана

за портьерами под лестницей. Казалось, словно за сотни километров услышала, как стали затихать неуверенные девичьи шаги у меня за спиной. После тишина заполнила пространство. Служанки — Мила и Сако — молчали, назвав только свои имена. Да и мне не особо хотелось задавать вопросы. Мы шли по скудно освещенному коридору, уютившемуся меж толстых стен замка. Потертая каменная кладка и сырой затхлый запах напоминали о подвале. Но привычной для таких мест пыли и плесени я не наблюдала. Как будто здесь время от времени убирались. Считала ступеньки сколотой с затертыми краями узкой лестницы — давящее молчание кололось в груди, будто я проглотила морского ежа. Барсучихи тихо переговаривались, обсуждая бытовые проблемы. Самой насущной сейчас были — порванные муслиновые занавески в Зеленой Гостиной. Меня от служанок отделяла стена, как если бы я была никому не нужным приведением. Впрочем, вскоре так и будет. Кто же будет болтать с будущим трупом?

Девушки отстали. Вопреки всякой логике, пошла быстрее — сказывалось нервное напряжение. И вот я достигла верха. Ручка на двери по форме напоминала голову птицы. Потянулась к ней, скользя пальцами по потускневшему металлу, глядя маленькую головку с острым клювом.

Стоит дернуть ручку — и я стану на шаг ближе к своей несправедливой участи. Смерилась ли я? Чувства смешались в неотделимую массу, и я не могла сказать наверняка.

Меня уже никто не спасет.

Но...

Я не сдамся без боя.

Сжав тонкую птичью шею, резко дернула дверь на себя.

8

Невольно прищурилась от света, заливавшего глаза. На другом конце огромного коридора, устланного мягким разноцветным ковром, находился полукруглый балкон: именно с этого места Амнон наблюдал за нами. Взгляд скользнул по черному мрамору с золотым напылением на перилах и ограждении. В самом углу, в тени, стояла широкоплечая фигура — сведенные в напряжении лопатки были заметны даже под тканью пурпурного плаща. Непроизвольно сделала шаг, не совсем понимая, чего я хочу: броситься вниз, в надежде, что это меня убьет, или увидеть лицо человека, чьи волосы чернильного цвета отливали синим в лучах солнца. Отчаянно хотелось обнаружить хоть одного себе подобного в этом огромном замке. Умом я понимала, что это вряд ли возможно. Но глупому сердцу хотелось верить. А вдруг это какой-нибудь посол из соседней страны людей? Я расскажу ему свою историю, и он вывезет меня в одном из своих огромных чемоданов для одежды, а там я уже найду способ вернуться в свою реальность.

Одна из служанок — Мила, кажется, — схватила меня за запястье. Она покачала головой, приложив к тонким губам палец. Маленькие круглые глаза испуганно сверкнули.

— Это зиуданс Лайонел. Не стоит нарушать его уединение.

Кивнула, все еще находясь во власти непонятого притяжения — все мое внимание сосредоточилось на одной точке: таинственном силуэте. Рука в черной перчатке прошлась по волосам. Внутри все задрожало от предвкушения, смешанного с надеждой.

Пусть он повернется... Пусть окажется человеком... Тогда я смогу...

— Идем, — Сако потянула меня в противоположную сторону.

Я не стала сопротивляться. Глупо думать, что кто-то мне сможет помочь. Ковровое

покрытие ласкало гудящие в убитом капроне ноги — тонкая ткань была покрыта кровью, грязью и зелеными пятнами от травы, не говоря уже о громадных стрелках. Ни лак, ни стирка не помогут. Повернула голову в бок, разглядывая богато украшенные стены, облицованные деревом — от витиеватых сложных узоров рябило в глазах, отчего казалось, что стены живые, и следуют за нами попятам. Особенно птица — неизменно появлявшаяся в орнаменте стен — будто сопровождала меня на пути. От выискивания остроклювого существа в море завитков отвлекла гобеленовая картина во всю длину стены — висевшая справа от портрета сурового человека-льва, темные одежды которого сливались с цветом его черной шкуры. Корона-венеч на его голове, выполненная из искусных золотых перьев, почти терялась на фоне буйной гривы. На старинном потертом гобелене с потускневшими золотыми и серебряными нитями — с умелыми латками в нескольких местах — была изображена гигантская огненная птица, клюющая глаза черному змею. Серебро в чешуе и языки пламени из канители отбрасывали блики на стены цвета корицы. Картина казалось живой.

— Это Ваурмс [змей (гот.)] — Поглотитель Миров и Наше Божество, Огнептица Люихаз Фуглис [свет (гот.) + fugls (гот.) птица], — пояснила Мила, заметив мой интерес.

Молча отвернувшись и последовала за второй служанкой, которая уже успела достигнуть конца коридора.

Геня, ты просто чудо. Тебя здесь выпотрошат, а ты любишь интерьером, как будто в музее! Просто супер!

Но не восхищаться замком было просто невыносимо — высокие потолки, тяжелые гобеленовые ткани, прихваченные кулисой — служащие как банальными шторами, как и пологом от посторонних глаз в укромном уголке. В одном углу я даже заметила небольшой фонтанчик — в форме чего я не успела разглядеть: барсучихи прибавили шаг, и журчание вожденной воды осталось позади.

Повернула за угол, поспевая за своими сопровождающими. Похоже, девушки не сильно беспокоились, что я могу сбежать, раз свободно разрешали мне разглядывать диковинки, стоявшие на мраморных постаментах и висевшие на петлях на стене. Здесь не было такой организованности, как в музее, но количеством артефактов замок ему не уступал. Хотя, не сказать, что пространство захлавлено. У каждой вещи свое место, даже у висевшего на гвозде рваного куса странной ткани.

Сако — в ее толстую черно-белую косу была вплетена оранжево-красная лента — возилась с дверью. Мила посмотрела на меня, немного ощерившись — почти неуловимо, но тонкие клыки, скользнувшие в щель между губами, я заметила. Злитесь? Или испугались чего-то? Остановилась, растерянно мотая головой из стороны в сторону. Не знаю, то ли это энергетика замка, то ли повлиял тот факт, что с меня сняли цепи, но я чувствовала себя гораздо лучше. Виски лишь немного сдавливало при резких движениях головы, испытывающей легкую сонливость, а нога не пульсировало болью — только чесалось. Или во всем виновата грязная тряпка, занявшая свое почетное место между пузатой вазой с ушастыми ручками и статуэткой, изображающей человека-волка в боевой стойке в шлеме и с копьем? Я не удержалась и пощупала ее.

— Джиро опять развлекался в гостевой! — Мила раздраженно цыкнула, дернув руками и глухо зарывчав. — Чувствуешь? Его запах! Он назло нам это делает, что ли? Знает же, что мы убираемся в западном крыле!

Распахнув дверь, Милагреш буквально влетела в комнату, кажется, даже шерсть на ее

теле встала дыбом от приступа ярости.

— Все не так критично, — спокойно добавила Сако, не обращая внимания на вспышку гнева напарницы, медленным цепким взглядом обводя просторную комнату, как будто сошедшую с ленты инстаграмма аккаунта Букингемского дворца. — Постельное бельем поменяем, и все. Хотя, не думаю, что кровать вообще понадо....

Барсучиха осеклась, бросив сконфуженный взгляд в мою сторону.

Я лишь выпрямилась, сохраняя полную невозмутимость, но сердце в груди все равно пропустило удар.

Ну, давай. Скажи, что я не доживу до утра. Не расплачусь. Не собираюсь я притворяться полудохлым куском мяса. Странно, но такое их поведение — переглядки, недомолвки и молчание, делающее воздух похожим на кисель — меня разозлило.

Проигнорировав повисшую паузу, молча села в расшитое бежевое кресло, даже не заботясь о том, что я могу его испачкать. Захотят — пусть хоть сожгут. Будет время, так я могу еще и пару каких-нибудь дорогущих статуэток из окна выбросить.

— Ты приготовь ей ванну, — голос Милы понизился на полтона. Злость сошла на нет. — А я схожу за новым постельным бельем.

Сдернув простынь и скомканный у изножья пододеяльник с огромной двуспальной кровати, девушка удалилась. Оставив меня наедине со второй служанкой в звенящей тишине. Я наблюдала за ней, чуть прищурившись. Сако мяла глаженный фартук в руках и бегала взглядом от одной вычурной картины в золотой раме до другой. И хоть этого и не было заметно — цвет ее лица не поменялся — ей явно стало неловко. А я даже и не собиралась облегчать ей задачу. Может, ее совесть выйдет из комы, и она позволит мне сбежать?

— Кхм... Я приготовлю ванную. Какую соль вы предпочитаете? Есть лавандовая... пихтовая... Есть соль Целительного Моря... помогает при мелких ранах и...

«Лишь бы не поваренную», — промелькнуло в голове, но в ответ я только пожала плечами.

Сакорру развернулась и направилась к двери, с цветным витражом вместо стекла, справа от кровати. Я решила задать терзавший вопрос: пока он оставался без ответа, пламя воли к жизни пыталось раздуть потухшую надежду, чем не давало расслабиться и повалиться на не застеленную кровать, отпустив все тревоги часа на три. И плевать на ванную.

— Кто был тот... — замаялась, не зная подходящего слова, — мужчина на балконе? Мила как-то его назвала... зиандус, кажется, кто он?

— Зиуданс, — поправила Сако, до треска потянув ткань фартука вниз, гипнотизируя кроваво-красный ковер с золотым узором. — Наш правитель. Это он должен будет...

Кровь застучала в голове, и бессвязный лепет служанки о соглашении и о справедливой кровавой плате до меня не дошел.

Лайонел.

Вот значит, как зовут моего палача.

9

Время бежало неумолимо быстро. Суэта, царившая вокруг меня, совсем не трогала — будто я находилась в вакууме, отделенная от хлопчущих служанок в коричневых платьях с крахмаленными фартуками. Ноздри щекотал запах розы, исходивший от моей кожи, влажные волосы оставляли мокрые дорожки на льняной ткани простого платья. Я пялилась на узор ковра, плавно переползая взглядом от одного резного столбика к другому. Тяжелая

ткань балдахина лениво покачивалась от порывов ветра, не сдерживаемого ставнями. Несмотря на то, что в комнате было душновато, меня бросало в озноб, только от одной мысли о предстоящем ритуале. В детали меня не посвящали, но у меня было богатое воображение. Единственное, девушки меня заверили, что все произойдет очень быстро. Теперь оставалось гадать, вырвут мне сердце или свернут шею. Солнце за окном, разморенное от жары, лениво передвигалось с востока на запад. И суток еще не прошло, а по ощущениям — целая жизнь. Я ведь так многого не сделала...

— Красное или синее? — поинтересовалась Сако, избегая смотреть мне в глаза.

В недоумении вскинула голову, округлив глаза, как только зрение сфокусировалось на нужном объекте.

Платье? Серьезно? А разве есть разница, в чем меня потом закопают?

Пожала плечами, прикусывая язык. Барсучихи не виноваты в происходящем. А изливать на них поток желчи — только сотрясать воздух и портить карму.

От металлического привкуса крови во рту меня затошнило и качнуло в сторону, стоило только представить страшную картину моей безвременной кончины — уверена, это будет то еще кровавое зрелище. Надеюсь, от вида крови я сразу отключусь. Хотя такого не случалось с момента знакомства с циклом «Пил», который меня буквально заставила посмотреть школьная подруга, вычитавшая в одной из своих книжек по психологии про метод экспозиционной терапии, якобы помогающий преодолеть гемофобию. В моем случае это была больше блажь, чем настоящая фобия. Мама так вообще утверждала, что это из-за низкого содержания железа в крови. С подругой я больше не общаюсь — с тех пор, как она переехала в другой город, а вот кровавые ужасики сделали свое дело. В обмороки я больше не падала, лишь слегка кружилась голова. Правда, теперь я сплю со светом.

— Ей плохо! — Мила подскочила ко мне, удерживая в вертикальном положении.

— Она измучена... — цепкий взгляд карих глаз оглядел меня с ног до головы. — Надо принести ей поесть и дать отдохнуть.

Сако кивнула своему утверждению и выскочила за дверь, бросив платья на кровать. Мила молча подобрала их и повесила обратно в гардероб цвета слоновой кости. Потом достала молочно-белый наряд на тонких бретелях с лифом, расшитым жемчугом. И так же безмолвно повесила его на спинку кровати. Я была в некоторой степени благодарна ей за отстраненность — поддерживать беседу было выше моих сил.

Чтобы занять себя, служанка начала прохаживаться по комнате поправляя картины и проверяя поверхности на наличие пыли. Уборка расслабила ее — и я только сейчас поняла, насколько та была напряжена. Хотелось спросить, что ее беспокоит — надежда, с оторванными конечностями и истекающая кровью, все еще боролась за существование: вдруг именно Милагреш не плевать на мою судьбу?

— Ты... — начала я. Девушка резко повернулась, но уловить эмоции на ее лице я не успела. Залетела покрасневшая Сако с подносом, разделенным на сектора. Стопка лепешек, какие-то незнакомые мне ягоды и фрукты на одной половине блюда, на другой — гарниры, отдающие дразнящими нос специями. Второй слой металлического блюда, напоминающего пирамиду, тоже был заполнен различными яствами. На самом верху угнездился кувшин с кубком. И как она это все не уронила?

— Вот, — девушка водрузила конструкцию на стол из толстого стекла, напротив кресла. — Угощайся!

Она сияла воодушевлением, будто это не было моим последним ужином, а я просто

заглянула к ней в гости на чашку чая. Поймав мой мрачный взгляд со сдвинутыми бровями, она потерялась.

— Не нравится? Может, тогда...

— Сако, — Мила схватила свою напарницу за локоть и посмотрела на нее так, словно пыталось передать какую-то фразу силой мысли. — Нам нужно закончить с теми занавесками...

Мила потянула ее к выходу, пересекая любые протесты многозначительным шиком. Если бы ситуация не была настолько патовая, я бы закатила глаза.

После их ухода, звуки, наполнявшие комнату, умерли, даже ветер стих, перестав играть со ставнями. Отломила немного лепешки — заталкивать в себя весь поднос не было желания. Меня и так подташнивало, будто я проглотила камень размером с кулак, и он прохладно-мерзким комом поселился в животе. А вот от воды я не стала отказываться. Поставив опустошенный кубок, обжегший губы непривычной обычному стакану холодом, рухнула на кровать. Прямо в объятья шелковых простыней и подушек, источающих тонкий лавандовый запах. Сон не шел — я просто лежала и разглядывала потолок, обрамленный рамой, состоящей из балок, с которых свисали тяжелые волны ткани насыщенного аквамаринового цвета.

Комната как у принцессы... Вычурная мебель, до неприличия большая комната, королевских размеров кровать, даже некое подобие дивана, обтянутого в зеленый бархат с вычурной вышивкой, напротив второго окна. Можно любоваться пейзажем или читать... Если меня должны убить, зачем так стараться? Не проще ли затолкать меня в воняющую сыростью темницу и оставить там? Все как-то странно...

Недобитая надежда опять дернулась где-то на дне под толщей апатии и усталости. Но я никак не среагировала, продолжив окаменело лежать, позволяя шелку ласкать оголенные части тела. Не вертела судорожно головой, в поисках потайных рычагов в стенах, не металась от окна к другому окну, надеясь найти способ спуститься. Просто лежала, изображая мертвую, которой скоро стану.

Прикрыла глаза, когда в голове снова началась пульсация: сердце больше бешено не колотилось, даже мрачные мысли, что вязкой массой перетекали по извилинам, ни капли не будоражили кровь в панике. От этого перегруженный мозг, просто кричал о необходимой подзарядке в виде сна.

Ту часть, что цеплялась за сознание в немом крике «Выжить любой ценой!», я послала подальше. Позволяя черной пелене накрыть с головой, погружая в беспокойный сон, где я бежала, наперегонки со смертью.

Старуха с косой, мерзко хохотала над попытками убежать от нее. Кровожадная смерть играла со мной, как кошка с мышкой. Коридор с сотней закрытых наглухо дверей, казалось, никогда не кончится. А цокот костей о каменный пол никогда не прекратится. Неумолимо медленные шаги были быстрее моего рваного бега. Каждый раз, когда я останавливалась, чтобы перевести дух, костяные пальцы издевательски барабанили по моему плечу. А когда я оборачивалась, фигура в капюшоне растворялась в густой тьме. И появлялась в двух шагах от меня, давая разглядеть себя в полной красе — с дырами вместо глаз, и с белеющим голым черепом вместо лица. Острая коса отбрасывала блики на темную поверхность стен, зловеще сияя в темноте. Страх гнал меня дальше. Пока не обессилила настолько, что мне стало все равно. Развернулась, прислонившись к стене. И стала ждать. Смотреть на приближение Смерти было невыносимо, и я зажмурилась. Цокот шагов перемежался со стуком моего

сердца.

Шаги затихли. Холодное сырое дыхание коснулось кожи лица, прежде чем просвистевшая в воздухе коса опустилась...

10

Проснулась в липком поту, с отбивающим чечетку сердцем, и принялась судорожно выискивать знакомые с детства предметы: вышивку на стене, в застекленной раме, знакомые обои с детским принтом, который я давно уже переросла, настольную лампу с корпусом из железа со стеклянными лепестками-вставками разного цвета. Мама купила ее на распродаже, когда была беременна мной, и она неизменно стоит на моем столе. Но ничего знакомого мне здесь не было. На потолке, частично скрытом карнизами, на которых располагались составляющие балдахин шторы, висела громадная позолоченная люстра, утыканная свечами. В наступившей темноте горело от силы десять штук.

Резко присела, скинув с себя покрывало. Прижала колени к груди, уткнулась в них лбом и принялась считать — я всегда так делала, когда мне снился осознанный кошмар — жуткий сон, в котором ты знаешь, что спишь и нужно только найти в себе силы вынырнуть на поверхность реальности.

Один... Два...

Зажмурилась сильнее, чувствуя, как осознание неумолимо просачивается под кожу.

Три...

— Вы... спите...? — неуверенные шаги и тусклая мысль — ровно, как и свет в комнате: «Это не сон».

В голове все крутилось окончание моего сна. И я, скованная еще не ушедшим голосом в голове, покорно выполняла повеления служанок.

— Тебе не нужно бояться меня... — тягучий мужской голос заставил вздрогнуть, но не от страха: от пробирающего до костей ожидания, когда коса смерти войдет острием в мягкую плоть. Растерянность и дрожь неясной причины волной окатили с головы до пят. Зудящее желание распахнуть глаза и увидеть лицо собеседника, сменившего сумасшедшую старуху, пришлось по коже. Распахнула глаза от осторожного касания.

Глаза цвета мягкой карамели с янтарными всполохами, плясавшими на прожилках радужки, полностью изгнали страх. Всего на секунду. Прежде, чем пронзающая боль затопила тело.

Очнулась от навязчивых обрывков сна, когда девушки вывели меня в коридор.

Вазоны, странные предметы непонятного назначения, статуэтки, кинжалы и мечи на подставках служили декорациями моей «Зеленой Мили». С каждым шагом черные мысли окутывали мозг, и убранство вокруг уже не забирало мое внимание. Я считала шаги.

Один... Два... Двенадцать... Пятьдесят шесть... Сто три...

Пелена страха, стучавшего в груди, мешала разглядеть интерьер, запомнить сменяющие друг друга повороты и лестницы, позволить купающемуся в отчаянии мозгу придумать план побега. Вместо этого я просто шла, позволяя служанкам вести меня. Я даже не пыталась вырваться. Просто не видела смысла... Самая упрямая часть меня тоненькими ноготками скребла по черепной коробке изнутри, пытаюсь дать выход желанию жить и, шепча, подбадривала.

Я не смирилась. Я просто... берегу силы...

Для чего? У меня нет когтей или острых клыков. Как? Как я справлюсь с тем монстром, к которому меня ведут на заклятие? Попытаюсь сопротивляться — продлю мучения... Примирюсь с чужой судьбой, которую на меня повесили — окончательно потеряю шанс на спасение. Если он вообще у меня есть...

Сырой запах зашекетал ноздри, прохлада налипла тонким слоем, вызывая на одеревеневшей коже лавину мурашек. Растерянный взгляд скользнул по влажным стенам. Потемневшие от плесени и времени древки факелов с языками пламени на тупых концах — освещали лишь маленькие участки между полосками непроглядной тени. Мы спускались вглубь, я буквально чувствовала, как над головой смыкаются пласты мрамора несущего этажа замка. Барсучихи шли неуверенно — но не от того, что не хотели вести меня. Ни Мила, ни Сако не останавливались и не оглядывались, просто прощупывали почти каждый шаг. Видимо, тоже не особо ориентировались в потемках. Сако даже нервно теребила кристаллик, висевший на простом бечевом шнурке.

Коридор перестал вилять, и теперь уходил вглубь зловещей прямой линией. От плохого освящения возникало ощущение, будто пространство сужается, а стены давят, намереваясь раздавить мои кости еще до начала церемонии. Хотя, может и редкие факелы тут не причем. Мне даже показалась, что бережное касание служанок превратилось в железную хватку, даже смутный отголосок боли пронзил руку чуть выше локтя. Только не помню, чтобы меня с силой хватали за руку... Да и служанки взяли меня под руки, чтобы я не пропахала носом каменный пол. Они и сами-то плохо ориентировались в подвальных помещениях замка.

Наша троица остановилась возле массивной двери со ржавыми металлическими вставками по полотну. Сплотнула, пытаясь смягчить спазм, сковавший горло, но камень в гортани, не позволяющий ровно дышать, остался на месте.

— Мы пойдем... — мои спутницы скользнули назад, спешно растворяясь во мраке. Последние метров 200 не были освещены. Сама-то дверь — с трещиной посередине и с двумя железными петлями, доходящими до середины — растаяла бы в полумраке, если бы не слабый огонек, горевший в глазах кованой птицы прямо посередине.

И тут эта курица.

Раздражение совсем не к месту стянуло жилы, будто эта странная птица была виновата во всех моих бедах. Зато поток негативных эмоций встряхнул, пробуждая от полусонного состояния. Как раз тогда, когда я стояла напротив роковой двери, с сосущей темнотой позади меня.

«Может, попробовать вернуться?» — промелькнула мысль, заставившая обернуться назад. Но огонек надежды погас, как бракованной фейерверк в новогоднюю ночь — гадкое чувство разочарования пропитало очевидные выводы.

Даже если я чудом выберусь на первый этаж замка и не заблужусь в тех бесконечных поворотах, первый же попавшийся стражник с удовольствием вгрызется в мое горло.

«Можешь даже и не пытаться сбежать. Не получится», — пронеслись в голове слова того мужчины с головой фараоновой собаки. Если он был так в этом уверен — то не стоит и пытаться, особенно сейчас. Да и остальные вели себя так, будто это в порядке вещей — приносить в жертву людей. Даже Мила и Сако, хоть и не прыгали от счастья, даже не старались как-то мне помочь — хотя отвращения в их глазах я не заметила.

Прикусив губу, будто в нерешительности, стоя под приоткрытой дверью в квартиру закадычной подружки, решая: зайти так или постучать. Пожав плечами, потянула дверь на себя за кольцо. Руки затрясло от непривычной нагрузки. Открыть так, чтобы образовалось

приличная щель, и я могла проскочить — получилось с третьего раза. Скользнув внутрь, поморщилась от яркого света. После хождения в полутемных коридорах расставленные свечи, замыкающие пентаграмму в кольцо, резали глаза.

Так. Погодите-ка... Подошла ближе. Затеяливый рисунок представлял собой квадрат, который стоял на углу с вписанным в него кругом, треугольником и кругом поменьше, и заключал в себя вытянутую шестиконечную звезду с изображением той самой птицы в самом эпицентре. До дрожи в коленках испугали не надписи на незнакомом языке, ни треугольники — два из которых были с горизонтальной линией — ютившиеся в пространстве между углом квадрата и кругом в нем. Испугал не рисунок. А то, как он был выполнен: медные почерневшие желоба составляли этот символ — и, судя по бурым пятнам вокруг, по ним в свое время тек далеко не березовый сок...

Когда подходящее слово пришло на ум, и я отшатнулась, прижав ладонь к открытому рту, давя в себе приступ тошноты — ненавязчивый запах застарелой крови, вдруг стал невыносимым. От стены справа отделилась фигура и медленно проследовала по направлению к тому месту, где мои ноги будто приросли к камню.

Поднять голову и оторвать взгляд от будущего места казни, я не могла. И только когда горящие фитильки дрогнули: край плаща прошел в опасной близости от искрящегося огня — я выпрямилась.

Те самые глаза — янтарно-карие окунули меня в свою обманчивую теплую глубину.

Глаза хищника, ловко поймавшего свою добычу.

11

Споткнулась, в попытке отшатнуться, стоило незнакомцу снять капюшон. И упала прямо в любезно подставленный для кровавого действия круг, едва не опалив край легкого платья.

Цепкие глаза скользили по моему лицу, оценивая. Но не так, как человек смотрит в витрину супермаркета, гадая, свежая колбаса или нет. По-другому, будто с легкими искрами беспокойства. Казалось, он сейчас откроет рот и банально спросит, в порядке или я, и протянет руку.

Нет, Гень, у тебя точно крыша от страха поехала. Еще скажи, что палачи с заботой в голосе спрашивают у болтающихся в петле несчастных, жмет ли им веревка.

Хотя объективно боятся нечего. В этом Лайонеле — имя было выжжено на подкорке, как только Мила его произнесла — не было ничего отталкивающего. Пауза, возникшая между нами и горящие свечи дали мне возможность его рассмотреть. Точеное лицо с угловатым подбородком и квадратной челюстью, не портил даже нос с широкой спинкой. Массивные надбровные валики, нависающие над глазами, в идеале должны были придать грозности взгляду, но не вышло.

Человек? Ни клыков, ни ушей, ни шерсти. КАК? Миром этих существ может править человек?

Я настолько удивилось, когда данный факт достиг мозга, что открыла рот, чтобы спросить.

Непонятная обида пронеслась по венам. Значит, меня решили принести в жертву, как какую-то свинку. Видите ли, я — человек. Их не жалко. Именно так между строк выразился здешний Анубис. А у них здесь всем заправляет человек! Что за непонятная дискриминация? — Отойди, — короткая фраза эхом отскочила от каменных стен.

Кровь от ужаса превратилась в лед. За всеми своими внутренними возмущениями я забыла, с какой целью меня привели сюда.

— Зачем? — вопрос вырывался против воли. Не было ни сил, ни желания кричать или что-то требовать. Странно, но этого мужчину я совсем не боялась. Сердце уж точно стучало относительно ровно, когда как более жизнелюбивая часть сознания, делящая лавочку с рассудительностью, орала «Беги, дура! Беги!».

Черная густая бровь удивленно изогнулась. Видимо, те, кто здесь был до меня, истошно орали, ревели или дрались, а не задавали вопросы. Я встала. Грозно нависнуть над правителем всея этой глуши — не получилось. Он был выше, и шире в плечах, раз в два, минимум.

Возведя глаза к потолку, будто ища там ответ, Лайонел снова посмотрел на меня. Упрямо сжала губы и ни на миллиметр не сдвинулась — но тут сказывалось нервное напряжение — будто мышцы содрали с костей и засунули в морозильник.

Мой молчаливый собеседник не стал расшаркиваться и, просто пожав плечами, переставил меня на другое место — немного правее от круга из свеч.

Открыла рот, но тут же захлопнула, когда плащ разрезал воздух, а Лайонел в несколько рывков оказался рядом с одним из каменных выступов, имитирующих нечто похожее на места для сидения.

Мне стало интересно, что же он там делает, вместо того чтобы умерщвлять благословенную жертву? Дурацкое врожденное любопытство. Не думала, что оно у меня так сильно развито — оказывается, я из тех людей, кто заглянет в рот аллигатору пересчитать зубы лишь из чистого познавательного интереса. Одно дело, совать нос куда-нибудь, когда тебе в принципе ничего не угрожает или будущее весьма туманно, а не когда ты находишься в подвальном помещении, в котором тебе собираются убить. Но если честно, до всего произошедшего, в жизни у меня происходило не так много интересного, так что любопытство обычно спало почти мертвым сном.

Отвернулась от призывно темнеющей двери и повернулась в сторону странного каменного подобия сундука — Лайонел со скрежетом сдвинул крышку и достал два деревянных ведра, вымазанных чем-то бурым, отчего даже железные ручки покрылись ржавчиной. Развернувшись, он торопливо зашагал обратно — я не успела сделать и пару полноценных шагов. Непонятная жижа расплескивалась, оставляя позади себя неровный след. Но стоило Лайонелу подойти ближе, смрад тяжелой волной обдал лицо. Стиснула зубы, подавляя рвотный позыв, и задрала голову, чтобы отвлечься от развернувшейся картины. Но шум, с которым потроха и кровь неизвестного происхождения выплескивались на пол, в центр нарисованного круга, все равно лез в уши. Голова начала кружиться. Зажала нос и рот рукой, но все — без толку. Стало только хуже. Забытая, еще в 10 классе, гемофобия, вновь постучалась в двери. Стены покачнулись, и я бы упала, разбив о каменный пол многострадальную голову, если бы сильные руки не подхватили меня.

— Ты в порядке? — низкий вибрирующий голос звучал где-то надо мной, вырывая из скользких лап желанного обморока, манящего своим облегчением.

— Кровь... — только и смогла выдавить из себя, чувствуя, как краска отливает от лица, а лоб покрывается испариной. — Мне...

Не успела договорить, как мое тело, подпрыгнув, оказалось на руках у моего нового знакомого. В голове все смешалось, особенно, когда я поняла, что он уносит меня на другой конец ритуальной залы, чтобы усадить на одну из выступающих каменных плит.

Вдали от запаха свернувшейся крови стало легче. В сознании немного прояснилось, а слова начали складываться в нужные вопросы, практически жизненно необходимые. Ведь от ответа зависело, окажусь ли я там — среди гниющих потрохов.

— Вы собираетесь меня убивать? — недовольство в моем голосе явно было расценено Лайонелом не в том ключе — я злилась, от того, что ничего не понимала. А он, судя потому, как округлились ее медово-карие глаза, решил, что жертва, то есть я, возмущается, что ее еще не отправили на тот свет.

— Нет, — протянул он озадаченно. Даже увеличил между нами расстояние, насколько позволяла длина сидения.

Ну да. Теперь я выгляжу, как кукукнутая на всю голову. А ведь мне просто нужны ответы. К чему был весь этот цирк?

— Зачем тогда все это? — нахмурившись, махнула рукой в сторону импровизированного алтаря Дьяволу.

Лайонел перестал разглядывать скучные стены и снова повернулся ко мне. Внимательный взгляд прошелся по мне буквально от корней волос до пят. Словно ища во мне что-то. Что-то необычное. Вроде ушей или хвоста. А может, и второй головы.

— Раньше никто не спрашивал, — уголки точеных губ дернулись, пытаюсь изобразить улыбку, но быстро вернулись в исходное положение. — Большинство просто падало в обморок. Или, забившись в угол, ждали, когда все кончится.

Сглотнула на последней фразе. «ВСЕ КОНЧИТСЯ»? Интересно, что конкретно...?

— Это не ответ, — сложила руки на груди, чувствуя, как от злости потряхивает конечности. Но лучше уж так, чем трястись от страха.

Теперь улыбка полноправно угнездилась на лице, будто вырезанным из камня искусным мастером.

— Поймешь, когда наступит утро, — правитель звероловов сгорбился, положив локти на колени, будто непосильная ноша давила на его позвоночник.

Прислонилась к стене, приготовившись к долгому и нудному ожиданию, когда желудок решил напомнить о своем существовании.

— А у тебя есть что пожевать? — опустила все возможные формальности — не до них сейчас. Да и его титул я не знаю.

Вместо ответа послышался сухой смешок: веселость так и не смогла проникнуть сквозь корку тяжелых раздумий, что накрыли Лайонела почти сразу, как диковинный ритуал был совершен. Без моего участия, Слава Богу.

Он лишь покачал головой на мой вопрос. Но буквально через секунду, будто вспомнив о чем-то выпрямился.

Порывшись в карманах, мужчина достал холщовый мешочек.

— Вот, — Лайонел протянул его мне, взяла максимально осторожно, двумя пальцами. Вдруг что-то ядовитое? — Сушеные ягоды огненного дерева. Помогают от переутомления.

— Спасибо, — хрипло выдавила из себя, стоило сушеному кусочку обжечь гортань, как если бы я перец в рот положила. — Ух, ядрено... А воды у тебя случайно нет?

Раскатистый и искренний смех заставил вздрогнуть. Не знаю, что могло его так рассмешить, но грозный и могучий властитель согнулся пополам от приступа. И за один миг стал живее. Даже блуждающий усталый взгляд сошел с лица.

Смех был такой заразительный и чистый, что страх окончательно отступил, и я перестала видеть в мужчине жестокого убийцу с желтыми глазами. Невольно улыбнулась,

забыв и о жажде, и о тяжелом дне, проведенном в ожидании смерти.

12

— Нет, к сожалению, — переведя дух, ответил Лайонел.

— Не объяснишь, к чему все это? — поинтересовалась, наклонив голову к плечу, внимательно следя за изменчивым выражением медово-карих глаз.

Вместо ответа мужчина покачал головой, странная улыбка на миг скользнула по его лицу, дисгармонирующая с глазами, выражающими грусть, плескавшуюся в пучине усталости.

Интересно, сколько раз ему задавали этот вопрос? И задавали ли вообще? Почему все в его окружении — служанки, стражники, и даже тот с головой египетской собаки — считают, что их властитель проводит в этой жуткой комнате кровавые жертвоприношения?

Смотрела, как языки свечей отражаются в чернеющих лужах крови и не могла найти ответ. Зачем весь этот спектакль, если он не собирается меня убивать? В этом у меня не было сомнений. Я не чувствовала ни отвращения, ни враждебности, ни ненависти, ни даже мрачного садистского удовлетворения. Вокруг витало ощущение, будто мы оба — случайные посетители поликлиники или общественного транспорта. Сидим, думая каждый о своем, и отсчитываем секунды до окончания этого тягостного момента ожидания, чтобы разойтись в разных направлениях и больше никогда не встретиться. Прохожие. Чужие. Незнакомцы.

Но почему меня так тянет разузнать о нем больше, чем предоставляли мне те крохи информации, что я услышала за этот день?

Правитель... Палач...

Кто же он?

Почему мне не дает покоя тягостный взгляд этих теплых глаз? Может, от того, что мы одни. Будущее для меня подпернуто густым туманом, а прошлое кажется смазанным, словно мир сквозь запотевшее стекло.

Вздохнула, поерзав на прохладной каменной поверхности, растирая покрывшуюся пупырышками кожу рук. Сумбур в голове, копившиеся вопросы, и тень страха, отступившего под напором любопытства, мешали расслабиться и просто отдаться на волю случая.

— Замерзла? — Лайонел бросил на меня короткий взгляд, оторвавшись от созерцания дрожащих фитильков и медленно тающих силуэтов свеч.

Повела плечом, не зная, что ответить. Голос, в котором проскользнула несвойственная ситуации забота, дернул невидимую жилу в груди: глаза запекло, а в горле застрял ком подступающей истерики.

Сглотнула и разлепила ссохшиеся губы, чтобы ответить, но от расшатанного душевного состояния и приступа жалости к себе, меня отвлек тяжелый плащ цвета темного пурпура, опустившийся мне на плечи.

— Спасибо, — выдавила из себя, но стоило внутреннему голосу вырываться на свободу, за ним против воли последовал вопрос, один из тех, что зудел на языке. — А ты всегда сидишь здесь один?

Я не особо надеялась на ответ. Просто хотела избавиться от сосущей пустоты в мыслях, в том месте, где я судорожно в ярких красках рисовала планы побега вперемешку с вариантами бесславной, несправедливой кончины. А тишина только добавляла дискомфорта. Так хоть от урчащего живота отвлекусь. Побуду закадровым голосом познавательного мультика, где герой задает вопрос своей маленькой публике, зная, что

ответа либо не будет, либо он его не услышит. Но, к моему удивлению, тишину прорезал тягучий низкий голос, даже надломленные нотки его не портили, только делали таинственнее — заставляя гадать, что тревожило его обладателя.

— Сейчас со мной ты.

— Эм... Круто, — ляпнула первое, что пришло голову, и торопливо задала следующий вопрос, боясь оборвать слабую нить завязавшегося разговора: — А до меня... Много было других девушек?

Лайонел повернулся и поймал мой взгляд. Смотрел внимательно, едва заметно нахмурившись — зрачки бегали, изучая меня. Словно он делал какие-то выводы и умозаключения, оглядывая меня с головы до пят.

— Зачем тебе все это знать? — спросил он, пододвигаясь ближе. — Разве ты не хочешь как можно скорее вернуться домой? К семье?

— Хочу... — ответила совершенно искренне, сильнее кутаясь в мягкий плащ, пахнувший чем-то пряным, с ноткой мускатного ореха. Озноб, смешанный с тоской по дому, пробрал до костей.

— Чем меньше ты будешь знать, тем быстрее вернешься к своим родным.

«Ах, если бы все было так просто...», — подумала я, но вслух ничего не сказала. Еще не ясно оформленные чувства одолевали меня в отношении сидевшего рядом мужчины, в темном камзоле, отороченным узорами из золотых нитей. Я не могла сказать наверняка, стоит ли ему доверять или нет.

Разговор затух, так и не развившись. Лайонел молча сидел, облокотившись о стену и всматриваясь в потолок. Будто там было на что посмотреть, кроме цветущей плесени.

Но я не могла просто так сидеть и ждать непонятно нечего. Встала — плащ почти соскользнул с плеч, но я вовремя подхватила ворот, застегнув его замысловатой застежкой, инкрустированной фиолетовыми драгоценными камнями. Пришлось поддерживать полы, чтобы воротник не оттягивал шею назад, все-таки ткань была тяжела для моих плеч. А от мысли сбросить его становилось немного неудобно. Принялась ходить взад-вперед, скользя пальцами по шершавому камню, с высеченными на нем письменами и повторяющимися рисунками. До слуха доносилось отдаленное эхо капающей с потолка воды.

Какая... Скукота...

Так и подмывало, спросить у моего несостоявшегося палача, есть ли у него телефон или на худой конец айпод с добротной музыкой. Но он не горел желанием вести беседы на голодный желудок — это же не на веранде чаек с зефирками попивать. Интерьер подземелий не располагал к душевным беседам. Поэтому я продолжила ходить вдоль стены, вглядываясь в замысловатые значки и выискивая глазами знакомый остроклювый силуэт, прятанный в каменной резьбе. Уж не знаю, сколько раз я обошла помещение, когда меня неожиданно потянуло в сон, а гудящие ноги взвыли о пощаде. Нервное возбуждение, не дававшее сну вступить в свои права, рассеялось. Опустилась на ставшую такой притягательной каменную лавку. И прислонилась к крепкому плечу. Лайонел едва ощутимо вздрогнул, напрягся, но ничего не сказал.

Сон был рваный, бессмысленный и поверхностный, поэтому, когда мужчина легонько потрянул меня за плечо, при этом аккуратно прислонив к стене, я сразу проснулась, чувствуя, как струна в теле натянулась, с готовностью отражать любые атаки.

— Что? Где? — рассеянно помотала головой, стряхивая с себя остатки дремоты. Когда же глаза нашли цель, чуть не вскрикнула, но не начавшийся крик утонул в широкой ладони,

обтянутой перчаткой.

— Если хочешь жить — молчи, — прошипел знакомый голос, терпкость которого была сравнима с дорогостоящим вином. Всмотревшись в искаженные по неведомым причинам черты лица, я признала в зверолоде Лайонела. Переносица стала значительно шире, углубив складку между бровями, нос по форме стал походить на львиный. Еще заметила мелькнувшие во рту клыки, когда он говорил, а верхняя губа стала тоньше, но не раздвоилась. Странно, но новый облик будто добавил ему благородства, королевской стати, присущей ярким представителям африканского прайда.

Без лишних прелюдий, Лайонел разорвал юбку моего платья, оголив ноги до самого мыслимого предела. Хотела возмутиться, но далекие, еще неоформленные, но явные шаги, спускающиеся в подземелья, заставили замереть. Мужчина, с чертами льва, кинул кусок, оторванный от платья, в кровавое месиво на полу и потянул меня к длинной стене. К месту, где висело пустующее в ожидании факела кольцо. Лайонел повернул его против часовой стрелки. Внутри стены что-то щелкнуло и камни разъехались, плюясь пылью — зажала нос, чтобы приглушить чих.

— Полезай, — коротко бросил он, кивнув на темнеющую пустоту, едва способную вместить меня, свернувшуюся калачиком. Хотела возразить, даже отступила на полшага, несогласно мотнув головой, но мерный сдержанный стук в дверь зловеще шархнул по барабанным перепонкам. И я ринулась к потайной нише, желая спрятаться от того, кто сейчас находился за дверью. Что-то мне подсказывало, что он не обрадуется, узнав, что Лайонел меня не убил.

13

Стены облепили меня со всех сторон, как только плита встала на место. Каменная пыль оседала на языке, щекотала ноздри, перемешиваясь с кислым привкусом плесени и липкой паутиной. Воздуха едва хватало, чтобы сохранять сознание на поверхности. Я старалась дышать ровно и спокойно, чтобы не расходовать ценный актив зря. Я же не знала, сколько здесь проторчу, согнувшись в три погибели. Но рациональность дала сбой, когда звук неумолимо приближающихся шагов умолк примерно в нескольких метрах от моего спасительного укрытия. Точно определить местоположение пришедшего я не могла, но зато различила не только слова, приглушенные каменной кладкой, но и тон голоса. Надменный и холодный, как открытый склеп холодной ночью. Мурашки неровным строем пробежались по коже. Амнон.

Ну, Геня, увязнешь ты еще глубже, если он тебя обнаружит. Так что, успокойся и прекращай сосать воздух, как пылесос на полной мощности.

От поверхностного рваного дыхания голова закружилась, смазав начало разговора по ту сторону потайной стены — я уцепилась только окончание.

— ...рад, что ты больше не колеблешься, — тень радости в голосе напоминала январский полдень: солнце есть, но оно еле греет. Я предположила, что Анубис улыбнулся.

— Выбора нет, — вздохнул Лайонел. Раздражение в бархатных нотках вполне сошло бы за настоящее, если бы я не знала, что правитель зверолодов нашел лазейку, и сумел превратить ритуал жертвоприношения в исковерканную версию национального культурного обмена.

Несложно было сложить два и два: девушки до меня были. И Лайонел, пока не до конца понятным мне способом, сохранял им жизнь, и, скорее всего, выводил за пределы замка и

страны. Только вот...? Неужели все они так просто согласились держать язык за зубами? Ведь проболтайся хоть одна из «жертв» — это бросит тень на правление Лайонела. Я, конечно, всего не знаю... Но думаю, это, как если бы Сталин самолично выпускал офицеров гестапо. Стало бы такое известно — все, конец. Бунт и свержение правящей верхушки. В принципе логично, особенно, если учесть, что в здесь процветают ксенофобские настроения. Стоит только вспомнить, как Амон смерил меня взглядом, будто я — полудохлый таракан. Б-р-р-р...

— Они варвары, мерзкие гнилые существа, — продолжил отстаивать свою позицию приближенный к королю после небольшой паузы. Жаль я не могла видеть, что ее вызвало — по шуршанию одежд и стуку каблуков было не понять, — и не способны видеть дальше своего носа. Нетерпимые, кровожадные и безжалостные. Будь их воля, они бы забили нас, как диких зверей. Что манны и делают, стоит нашему собрату даже по чистой случайности, выйти за пределы границы. Почему мы должны поступать по-другому?

— Не все манны такие... — вставил правитель, проигнорировав вопрос. Вздрогнула, кожа лица вспыхнула. Я была уверена, что Лайонел бросил короткий взгляд в сторону моего укрытия.

— Это бесполезный пустой спор, — вздохнул Амнон, показавшийся холодным и бесцветным голос приобрел оттенок едва осязаемого разочарования, а после в нем зазвучала обжигающая ледяная сталь: — Мы должны держать их в страхе. Чтобы они боялись лишней раз связываться с нами. Во время Великой Войны манны погубили сотни тысяч ваших подданных. Не щадили даже беременных женщин. Одна жертва в месяц — капля в море потерь и боли, в котором они искупали наш род.

Советник развернулся на каблуках: его шаги постепенно удалялись, пока не стихли совсем. Шорох одежды, скрытый за отзвуком тяжелых шагов — и вот знакомый щелчок впустил живительный воздух в тесное убежище.

Лайонел помог мне выбраться наружу.

— И что дальше? — спросила я, без особой надежды, что он посвятит меня в свои планы. То есть в наши планы. Нет, не так. У нас не может быть никаких наших планов... В общем, я в ожидании хлопала глазами, наострив уши, готовая услышать любые варианты развития дальнейших событий, касательно конкретно меня.

Лайонел помедлил, подбирая слова, от прищуря янтарных глаз стало не по себе. Как будто он решал, стоит ли мне говорить, или проще тукнуть чем-нибудь меня по голове, тем самым перекрыв неиссякаемый источник вопросов.

— Я отправлю тебя домой, — долгожданная фраза сорвалась с его губ. Сердце радостно запрыгало, пока отрезвляюще-пессимистическая мысль не пронеслась в голове.

«Он думает, что я из этого мира. И его задача состоит только в том, чтобы доставить меня до ближайшего населенного людского пункта».

Ладно, не буду расстраивать его сейчас. А то, чего доброго, оставит меня здесь помирать от голода и жажды. Может, здешние люди вполне сносно относятся к пришлым из других миров.

Кивнув, покорно последовала за благодетелем, стараясь не думать, что я отвечу, когда он спросит: «Где ты живешь?».

Король услужливо открыл передо мной массивную дверь, через которую я попала в номинальную жертвенную комнату. Хотя зверюшка, чьи внутренности сейчас были размазаны по пентаграмме, явно больше не будет счастливо прыгать по зеленой лужайке.

Оказавшись в знакомом полутемном коридоре, я огляделась. Странно, но в компании Лайонела, он не казался таким зловещим. Там, в густой тьме, пряталась лестница ведущая наверх... Шагнула уже в сторону, где вдалеке мерцал желтым огнем факел, но мой спутник потянул меня куда-то влево. Крепкая рука в кожаной перчатке на мгновение сжала мои подмерзшие в подвальной прохладе пальцы, намереваясь тут же отпустить, но я, решительно царапнув ногтями черную кожу, не дала этого сделать. Мы следовали по проходу, полностью лишенного даже элементарного освещения, и я не горела желанием потеряться. И плевать, какие правила этикета и нормы приличия неведомого мне мира Зверолюдов я нарушила. Лайонел не выдернул руку, продолжая тянуть меня следом. Коридор был довольно узким, чтобы прогуливаться по нему за ручку.

Ну и мысли, Гень... Совсем мозг от голода поплыл? Или на тебя так экзотичные феромоны человека-льва действует?

Отмахнулась от шлаковых мыслей, засорявших черепную коробку. И позволила любопытству, пульсирующему в голове, устроить одностороннюю викторину.

Зверолюды... Память подкинула мне это словечко, но воспоминания о нем были смазанными. И точно я его слышала не от кого-то из... новых знакомых. Может, Толик про очередную свою интернет-игруху свистел, там полно всяких странных названий...

Толик... Все бы отдала, чтобы еще раз услышать, как он меня «Генычем» зовет. Мой вредный младший брат... Глаза зачесались, в который раз желая взорваться истеричными слезами, но я затолкала надвигающуюся бурю обратно. Если начну — не остановлюсь...

— Ты как? — обеспокоенно спросил мужской голос. Его обладатель терялся в густых потемках, а цвет необычно-ярких глаз потух.

— Норм, — выдавила из себя максимально короткую фразу. Наплывшая грусть схватывала горло, и чтобы не разреветься под мелькающие в голове теплые улыбки родителей, лучше немного помолчать.

Лайонел не стал расспрашивать, но я почувствовала, что он чуть замедлился. Заметил, что я спотыкаюсь почти на каждом выступе в полу — темнота же, хоть глаз выколи.

И тут слабая полоска света забрезжила вдали, расширяясь и набирая силу с каждым шагом. Запах плесени и затхлости отступил под напором густого аромата влажной земли. Мы вышли на небольшую каменную площадку, освещенную лучами нежно-розового рассвета. В лицо полетели брызги, создаваемые водной стеной водопада, укрывающего вход в запуганный туннель, что вел к подземельям замка. Подставила лодочку из рук под поток, совершенно не заботясь о том, что намокну — потрепанному платью все равно прямиком на свалку. Смыв грязь с рук и лица, снова набрала в пригоршню воды и жадно впилась в живительную влагу губами. Едва прохладная речная вода заряжала энергией, прочищая сознание. Почувствовала на себе внимательный молчаливый взгляд, но когда повернула голову, Лайонел неотрывно смотрел на водные ленты — то разрезаемые на полоски, открывая вид на подернутую туманом реку далеко внизу, то сливаясь в общий поток.

— И как мы спустимся? — невольно сглотнула, представляя, как тело камнем летит вниз.

— Есть способ... — уклончиво ответил король, вскинув голову и вглядываясь в истончавшееся у края водное покрывало.

секунду обнажив два тонких клыка, в принципе не отличающихся от человеческих, только чуть длиннее.

Тут я заметила, как нечто приближается к нам — стена воды смазывала очертания, но это явно было какое-то крылатое существо. Отпрянула от края к стене, когда поняла, что это нечто намеревается приземлиться на каменную площадку, на которой стояли мы с Лайнонелом. Клич, близкий больше к рычанию, чем к птичьему крику, перекрыл шум воды, и нас обдало брызгами, как только сильные крылья разорвали поток стекающей с обрыва воды. Смахнула влагу с глаз тыльной стороной ладони, и тут расплывчатый силуэт перед моими глазами приобрел четкие очертания. Огромная крылатая кошка, прищуриль алые глаза, с вертикальными зрачками изучающе разглядывала меня. А я только и могла, что стоять с открытым ртом.

Просторная площадка теперь казалось донельзя крошечной. Вжалась в стену и зажмурилась, когда существо вплотную подошло ко мне. Горячее ноздревое дыхание обдало лицо, отчего желудок заледенел от страха.

Ну, все, Геня... Говорила же бабуля, копи на похороны смолоду...

Но доказательством того, что я в корне ошиблась насчет намерений дикой кошачьей представительницы, стал шершавый язык, облюнявивший половину лица.

— Эй! Что ты творишь?! — зарычала я, отплевываясь, мигом растерев остатки инстинкта самосохранения и обоснованного страха. Ну, кто орет на дикое животное неизвестной породы, что может при желании разорвать тебя пополам? Правильно. На такое способна только Евгения Васильевна Дарова, чьи мозги точно не прошли через портал, соединяющий два мира!

Кошка зашипела и зависла в воздухе, задевая крыльями, каменный свод, с которого текла вода.

— Не пугай Нео, — упрекнул король, наблюдая за развернувшейся сценой и тихо посмеиваясь.

— Кто еще кого напугал, — не удержавшись, проворчала я.

Лайонел ласково поманив своего кота. Или кошку...

— Кадвы [kadwa (протоурал.) — женская особь животного с мехом] мирные и дружелюбные создания, — пояснил Лайонел, ловким движением забираясь в седло на мощной лоснящейся черной спине. — Конечно, пока их не разозлят.

Мужчина протянул мне руку, дернув головой, указав на место позади себя. Я медлила. Идея спрыгнуть в реку с такой высоты, больше не казалось такой уж дикой. Особенно когда я поймала кроваво-красный взгляд исполинской кошки. Она изучала меня с явным невраждебным любопытством, но уверенности в том, что она меня не skinет, не было.

— Давай же, не бойся, — мужчина наклонился еще ниже.

Кивнула, закусив нижнюю губу, на которой ранка еще не зажила, чтобы хоть как-то отключиться от дрожи в коленках. Крепко держась за руку Лайонела, неуклюже вскарабкалась на спину Нео. Вибрации от дыхания существа щекотали кожу бедер, но больше меня беспокоил страх, что я просто соскользну вниз от любого сильного порыва ветра. Как только кошка размяла крылья и, отступив на шаг назад, взмыла ввысь, я изо всей силы вцепилась в королевский камзол — характерный треск просигнализировал, что я перестаралась. Но мне было все равно. Зажмурившись так, будто пытаюсь силой воли склеить веки, я чувствовала, как внутренности подпрыгивают, словно на американских горках с каждым незамысловатым виражом.

— Расслабься! — перекрикивая ветер, посоветовал Лайонел.

Легко говорить... Я хоть и не боюсь высоты, но не страдаю суицидальными наклонностями. Он бы еще попросил отцепить руки от его монаршей спины. Ага, сейчас. До конца поездки я — детеныш муравьеда. Так что, пусть расслабится и получает удовольствие. Но все-таки все тоже любопытство заставило меня приоткрыть один глаз, чтобы определить наше местоположение. А за ним — и второй. И вот не прошло и пары минут — а я уже вовсю разглядывала раскинувшийся подо мной пейзаж, чувствуя, как сердце сжимается от избытка заполняющего глаза великолепия. Сочные, зеленые насаждения в тени гигантов-деревьев и изогнутых акаций, сменялись желтыми островками. Проснувшееся солнце золотило водную гладь, хаотично разбросанных водоемов, делая их похожими на расплавленное золото. Птицы, летавшие на фоне далеких гор, казавшихся призрачным миражем, казались чернильными пятнами на небесно-голубом листе. Осторожно оглянувшись, провожая глазами водопад и скалу, любовно обнявшую королевский замок. Теплый воздух, еще не напитавшийся жарой, обдавал лицо с каждым взмахом исполинских крыльев. Но как только саванна осталась позади, я поняла, что нужно сказать Лайонелу, что вряд ли у него получится доставить меня домой.

Заметив мою дрожь и ерзание, вызванное дискомфортом от невысказанной правды, Лайонел чуть наклонил голову в бок, чтобы я лучше его слышала.

— До земель Трина, граничащего со Страной Маннов, не так далеко. Тебя, как и остальных, оставили в Хультском лесу. Я провожу тебя до границы, а дальше...

Фразы, звучавшие в свистящем ветре, звенели в ушах, ускользая от сознания. Одно я понимала четко и ясно: он не поможет мне. Для него я — досадное обстоятельство, с которым ему надо разобраться. И вряд ли он согласится сопроводить меня к знающему человеку — шаману, колдуну, порталыщику — по ту сторону границы. На враждебную для него территорию. А мне бы не помешала рука помощи, а то меня ведь первые попавшиеся романтики с большой дороги прирежут.

Крепче стиснула в руках плотную ткань. И, сжав челюсть, промолчала. Нет, я обрадую его, когда мы твердо будем стоять на земле. А уж потом... Подумаю, что делать дальше.

Казалось, прошло всего пару секунд, и гигантский кот приземлился на уже знакомой мне поляне. Огляделась. В дневном свете, она уже не казалась такой зловещей. В подсохшей от недостатка солнца траве, мелькали принесенные ветром осенние листья, сосны у кромки круглой прогалины ничем не отличались от тех, что росли в моем мире. В воздухе пахло осенью — той самой ее порой, когда погода может удивлять непривычным для сезона теплом. Бархатный сезон. Бабье лето. Можно было даже попытаться обмануть себя, что я просто в одном из лесов, ютившихся недалеко от окраины города. Достаточно выйти на шоссе и поймать машину. Разрушала обманчивую иллюзию крылатая кошка, принявшаяся весело прыгать, давя своим весом кусты, гонясь за несчастной полевкой, которой не посчастливилось облюбовать норку под кустом дикой малины.

Сняла плащ и протянула его молчаливому правителю звероловов.

Он принял его и, немного помедлив, спросил:

— Ты в порядке?

Уж не знаю, какая смесь отчаяния и растерянности отразилась на моем лице, но Лайонел понял, что что-то не так, а его густые брови почти соединились в одну ломаную линию.

Поджала губы и опустила глаза, будто в спутанной траве можно было найти складный

ответ. Чтобы объяснить весь бред, что со мной произошел.

На плечо легла рука, вынуждая поднять голову. И стоило взглянуть в янтарные глаза, не выдержала — и плотину прорвало.

Я рассказала ему все, даже то, как я попала в этот мир, прикоснувшись к дверце шкафа. Я сбивалась, судорожно глотала ртом воздух и смахивала влажный туман с глаз, отодвигая истерику до момента, когда черная кошка с наездником взмлет в небо и скроется из виду.

— Так что... — нервно дернула губами, в жалкой попытке изобразить беззаботную улыбку. — Скажи мне, в какую сторону топтать, чтобы добраться до людей. А там уж я разберусь.

Лайонел весь рассказ простоял в наряженной позе со скрещенными на груди руками, не проронив ни слова сочувствия или гнева. Но как только я закончила, сделал шаг, сокращая расстояние между нами, и вернул плащ обратно мне на плечи.

Ну, все... Сейчас пожелает мне удачи и...

— Я помогу тебе, — коротко ответил он. — Я верну тебя домой, чего бы мне это не стоило.

15

Прозвучавшие слова не просто ошарашили — выбили почву из-под ног. Споткнулась, почувствовав слабость в ногах. И когда сильные руки сжали предплечья, я поддалась порыву, утопившему разум в коктейле противоречивых чувств, потянулась всем телом к мужчине, и прежде, чем осознала, что произошло, мою щеку колола золотая вышивка на груди, а рука в перчатке почти невесомо гладила меня по голове. Лайонел позволил обнять себя, но его левая рука осталась прижата к телу — я ощущала неуклюжее скольжение, будто король хотел положить ее мне на плечи, но все не решался. Скрип кожи на костяшках пальцев — и нерешительность, пропитавшая его движения, испарилась. В его теле будто натянулась струна: я почувствовала, как он напрягся, но остановить поток слез, перемешивающийся с судорожными всхлипами, просто не смогла. Ускорившееся в растерянности сердцебиение, приглушенное плотной тканью камзола, поймало свой привычный ритм. Но мужчина помедлил, прежде чем убрать руку с моих волос и мягко отстраниться.

Он молчал. Что было к лучшему. Ведь банальный вопрос «Ты в порядке?», часто всплывающий в подобных ситуациях, просто добил бы меня. Пелена на глазах мешала разглядеть его лицо. Смахнув основанием ладони оставшуюся влагу, я посмотрела в медово-карие глаза, которые, казалось, стали цвета леденцовой карамели — столько тепла и терпеливого понимания в них было, что эти чувства словно выплескивались через край радужки.

— И что дальше? — тихо спросила я, опустив глаза. К щекам прилил предательский румянец — стыд красными пятнами прошелся по коже.

— Вернемся назад, — ответил он, поведя плечами, словно еще не принял окончательное решение.

— Назад? — округлила глаза, не представляя, как это все можно повернуть, без возмущения со стороны его подданных. Я, конечно, не знаю, насколько обширно его королевство, федерация, или что тут у них принято считать за государство. Но... В его замке находятся не слепые тушканчики, и даже если он запрет меня — в темнице или в тех роскошных покоях — они рано или поздно обнаружат меня. Королевский Анубис, уж если не закатит истерику, то точно не сможет вытерпеть присутствие в замке человека.

Пока я перебирала в голове варианты последствий такого решения, Лайонел проверял ремешки на черном седле своего исполинского кота. Я не решалась подойти — оставляя властителю звероловов шанс на отступление — скользя взглядом по верхушке дерева вдали. Возле него я и очнулась пару дней назад. А, кажется, это было давным-давно...

— Иди сюда... — поманил меня Лайонел. Интонация в голосе изменилась на вопросительную, намекая, что тут я должна назвать свое имя.

— Геня, — добавила, все еще сохраняя дистанцию между мной и... как он ее там назвал? Кадвой.

— Мое имя ты, я думаю, уже знаешь, — Лайонел прищурился, будто ждал какой-то особой реакции. Но я лишь сдержанно кивнула, стараясь собраться с духом перед очередной безумной поездкой и принимая протянутую руку. Мужчина с той же легкостью, как и в первый раз, угнездил меня между парных крыльев.

— Домой, Нео, — рука в перчатке мягко похлопала животное по голове. — Ты можешь звать меня Лай, — будто бы и не обращаясь ко мне, добавил он.

Он всем, кто ниже его по статусу разрешает к себе фамильярно обращаться? Или для меня уготована особа роль? Хотела спросить, но не успела. Как только кадва взмыла вверх, поток воздуха врезался мне в лицо, выбивая все мысли.

Второй полет в облаках прошел лучше — желудок уже не подпрыгивал, как сумасшедший, но голова выписывала пируэты не хуже, чем огромный кот, летящий так, будто где-то в облаках заметил юркую мышь.

Правда, я больше не мучила темную ткань мужского кафтана — просто прижималась к крепкой спине, взяв в кольцо рук мужской торс.

Приземлились мы раньше, чем я успела убедить себя, что я приняла правильное решение. Нет, я не думала, что Лайонел меня обманет, посадит в темницу или того хуже. Просто... не могла вообразить, как я буду жить в замке полном существ, что ненавидят людей. Хотя... В голове, будто пытаюсь опровергнуть данное утверждение, ярко вспыхнули образы. Сако, Мила, Ару... И даже стражник у входа в замок... В их глазах я не заметила жгучей неприязни, как ту, что волнами исходила от Амнона. Разумно предположить, что не все обитатели замка будут гореть желанием перегрызть мне горло. Пока что на моей памяти скверно поступили только люди, выдавшие меня за свою дочь и сдавшие наемникам.

Нео плавно опустил на парадное крыльцо.

— Амин, отведи Нео на задний двор, — обратился Лайонел к тому самому охраннику с собачьей головой. Второй округлил глаз, сморщил нос и показал зубы, будто собираясь зарычать, когда завидел меня. Но взгляд короля мгновенно остудил его пыл. Амин же, почтительно поклонившись, направился к коту, который, зашипев, взмыл ввысь, оставляя после себе клубы оранжевой пыли и стражника с растерянным лицом.

— Она у меня своенравная.

Короткий смешок разбавил обстановку — второй охранник перестал с агрессивным подозрением коситься в мою сторону и улыбнулся.

Лайонел сделал жест стражникам, чтобы они открыли двери. Скрип прошелся по сердцу, заставляя его спрыгнуть с насиженного места и рухнуть прямо в пятки. Невеселые кадры того, как я в первый раз оказалась здесь, закованная в кандалы, пронеслись в голове.

— Есть ли какие-то указания и пожелания, Светлейший Зиуданс? — из-за колонны вынырнул мужчина с лисьими ушами, покрытый рыжей шерстью в элегантном коричневом костюме с вышитыми оранжевыми орхидеями на лацканах.

— Акиф, пошли Сакорру и Милагреш подготовить покои Квенсы [qēns (гот.) — супруга, жена] и подай чай в Белую Гостиную.

Мужчина-лис переводил бегающий взгляд от меня к Лайонелу и обратно, делая какие-то выводы. Потом его лицо изумленно вытянулось, но надо отдать ему должное — он очень быстро взял в себя в руки, принял невозмутимый вид и учтиво откланялся.

Хотела узнать у Лайонела, что лиса так удивило, но он предвосхитил мой вопрос.

— Я все расскажу тебе за чаем, — легкая улыбка тронула его тонкие губы, взяв меня под руку, зиуданс — а именно так к нему обратился управляющий — направился в сторону парадной лестницы. Внутри меня бурлило искреннее недоумение. Я не могла понять, почему мой статус резко изменился: и из пленницы я вдруг превратилась в почетную гостью. Что-то подсказывало, что ответ мне не понравится, и я нарочно медлила с вопросом, вертевшимся на языке.

В конце первого лестничного пролета, прямо в центре, находилась резная дверь из темного дерева, такого же, что и парадная, только меньше, и резьба была другая. В левом углу располагалась та самая птица, чей остроклювый профиль можно было заметить в убранстве остального замка. Она будто сидела на золотой жердочке, распушив хвост — на конце каждого пера переливался драгоценный огненно-оранжевый мандариновый гранат. Я видела кольцо с таким камнем в интернете, когда папа попросил присмотреть маме подарок на годовщину. Помню, как у папы отвисла челюсть, когда он увидел цену.

Внутри все сжалось от непрошенных воспоминаний, но я решительно отодвинула их на второй план. У меня еще будет время поплакать и пожалеть себя, я надеюсь. Лакей, караулящий у дверей, сделал жест рукой, и они распахнулись, впуская нас в огромную, почти необъятную, бальную залу. Но не успела я рассмотреть ее как следует, заметив только алые портьеры, обрамляющие панорамные окна, выходящие прямо на саванну — где солнце ласкало изгибы зеленых акаций — Лайонел повел меня куда-то в сторону, к галерее с колоннами, обрамляющей зал. Там на широкой стене располагались несколько дверей, ведущих в другие помещения. Зиуданс потянул меня к двери, с тем же силуэтом птицы, только камни были другие, белые, напоминавшие вкрапления жемчуга, в сочетании с бриллиантами. За дверью, очевидно, располагалась Белая Гостиная — золотистые, приглушенного цвета шторы, белый потолок с замысловатой золотой лепниной, диванчики и стулья из белой кости с обивкой светло-песочного цвета. Возле уютившегося в углу диванчика со спинкой в элегантном золотом обрамлении стоял многоуровневый поднос со сладостями, рядом с чайником и двумя чашками с узором из нежных роз, овитых плющом.

— Голодна? — улыбнулся Лайонел.

Вместо ответа желудок застонал в предвкушении скорого наполнения.

Мы успели преодолеть половину расстояния к столу, как в гостиную ворвался взвинченный Аммон, позади которого испуганно жались знакомые мне служанки.

— Какого Ваурмса здесь происходит?!

16

Я застыла на месте, не зная, как реагировать. Флюиды ярости, что излучал Аммон, пропахли его желанием убить меня прямо на месте. Лайонел мягко подтолкнул меня к столу, будто бы сейчас над нами не висела зловещая грозовая туча с головой египетской собаки, готовая разразиться громогласными обвинениями и едкими словами.

— Садись, поешь, — добавил зиуданс, повернув голову ко мне: уголки его губ дрогнули

в мимолетной улыбке.

На ватных ногах проследовала к столу, когда в спину прилетело:

— Почему она все еще жива?! — холодный голос был полон глухого негодования, будто костер потрескивал на ледяной поляне, грозя либо растопить лед, либо затухнуть в мгновение ока.

Во мне поднялась волна возмущения. Извините меня, но я не таракан, чтобы обо мне с таким отвращением говорить! Вместе с возмущением, меня накрыли безразличие, усталость и голод. С комфортом расположилась на диванчике, не заботясь, что кровь, следы травы и грязи останутся на светлой обивке, и принялась маленькими глотками пить горячий чай с изумительным цветочным послевкусием. Правда, наслаждаться чаем и ванильными пирожными, тающими во рту в полной мере, мешал набирающий обороты спор. Лайонел отвечал спокойно и сдержанно, приведя довольно складные аргументы в пользу своего решения не убивать меня. Я же все-таки подложная жертва, как-никак, и обещанных графских кровей во мне нет ни капли. Амнон же с каждой секундой терял все больше своего холеного лоска и самообладания. И вот уже яростно сдернутый синий плащ бесформенной грудой валялся на одном из кресел.

— Ладно! — рыкнул Амнон, медленно вдохнув и выдохнув и с силой надавив пальцами на предполагаемую переносицу, разглаживая морщину между глаз. Анубис на секунду закрыл глаза и когда он продолжил, ему удалось взять себя в руки, и голос его снова вернул себе леденящие душу безразличные нотки. — Но скажи мне... Почему она еще здесь? Пусть Вулфссунусы, что привезли ее и получили вознаграждение, сами разбираются с возникшей проблемой. Или просто прикажи отвезти ее в ближайшую деревню Маннов. Не понимаю...?

— Есть причина, — ответил Лайонел тем же невозмутимым голосом. Подойдя к столу, где я уже допивала вторую порцию чая, он сел справа от меня. Тяжелая рука легла на плечи — и мужчина притянул меня к себе: благо в чашке не так много осталось сладкого напитка, а то от неожиданности я бы непременно пролила бы его на царские штаны.

Служанки, все еще стоявшие в дверях, смущенно отвели взгляд. Амнон, потеряв дар речи, опустился на кресло, рядом со своим плащом, и провел ладонью по вытянутой морде.

Я не сразу поняла их реакцию, но стоило сложить два и два, меня бросило в жар, а от невысказанного вопроса кусок пирожного застрял в горле, заставляя судорожно прокашляться, нарушая повисшее тягостное молчание.

— Зачем ты приказал приготовить покои Квенсы? — еле слышно проронил сгорбившийся советник, казалось, ему было все равно, какой будет ответ, ведь он даже не смотрел в нашу сторону, но кончики его острых ушей тревожно подергивались.

— Разве не очевидно? — ответил вопросом на вопрос Лайонел, прижимая меня к себе еще крепче, снова погружая в пряный древесный аромат. Кажется, у мамы была похожая приправа на кухне... Стало спокойно, даже тревожность и напряжение в воздухе перестали достигать меня.

— Нет. Ты скажи. Я хочу это услышать, — с нажимом проговорил Анубис, поднимая взгляд угольно-черных глаз, в которых тлели остатки жгучей неприязни, почти ненависти, направленной на меня.

— Она станет моей Квенсой.

Я уронила десертную ложку, и она звякнула об пол, подобно взрыву бомбы в глуши: настолько давящее и непроницаемое молчание повисло после сказанных слов — воздух стал похож на густой кисель и три пары глаз уставились на меня, наполненные непониманием, с

примесью страха и неверия.

Наклонила поднять выскользнувший из рук столовый прибор, но Лайонел меня остановил, жестом головы подозвав одну из служанок. Это была Сако — узнала ее по ленте в волосах и лицу, на котором каждую эмоцию можно было прочесть без труда, даже барсучья внешность не была для этого помехой. Девушка ринулась к нам и принялась выполнять немое указание.

— Еще ч-чаю, Светлейшая? — обратилась она ко мне, избегая смотреть в глаза. Если раньше она и отводила взгляд, то из-за чувства жалости и вины: ведь она думала, что меня принесут в жертву. Но сейчас в агатовых глазах, с едва заметным шоколадным отливом, читался страх.

— О чем это она, Лай? — почти повернулась к Лайонелу, но меня отвлек судорожный вдох: Амнон подавился воздухом от возмущения. Он открывал и закрывал широкую пасть, судорожно бегая глазами от меня к Лайонелу и обратно. Он даже отступил на шаг назад и покачал головой, будто отрицая то, что видит перед глазами.

Лайонел снова улыбнулся, пальцами убрал упавший мне на лицо локон и стряхнув крошку с моей щеки.

— Тебе стоит отдохнуть. Мы все с тобой обсудим позже, — расплавленное золото в глазах излучало такую ласку и тепло, что я почувствовала смятение. Захотелось оглянуться: вдруг, этот взгляд предполагался не мне? Мне было неловко, и, в то же время, уютно, похожее чувство возникает, когда подставляешь лицо теплему весеннему солнцу, зная, что его лучи не обожгут кожу.

Лайонел разорвал зрительный контакт, и нашел взглядом жавшуюся к косяку Милагреш. Нет, она не боялась, просто старалась быть как можно незаметнее, чтобы не мешать господам выяснять отношения. Зиуданс коротко дернул подбородком и указал глазами на меня.

— Проводите ее в покои.

Встала, чувствуя, будто из ног вытащили коленные чашечки и суставы: они одеревенели и перестали гнуться. Воспользовалась помощью Сако: от переизбытка событий и эмоций меня даже качнуло в сторону. В кожу будто вонзилась тысяча ледяных иголок, когда мы со служанкой прошли мимо Амнона. Который, наконец, совладал с собой и двинулся к столу: медленно и неотвратно, как айсберг на Титаник. Служанки поспешили ретироваться, я решила не отставать.

По слуху скользнула угасающая фраза, заставившая смутное предчувствие чего-то нехорошего мерзко лизнуть спину вдоль позвоночника.

— Ты сошел с ума. Твой народ никогда не примет ее в качестве Квенсы...

Я позволила себе вариться в котле собственных мыслей до момента, как ноги вступили на широкую лестницу, по которой спустился Амнон в нашу первую встречу.

— Кто такая Квенса? — спросила я, когда поняла, что сама со всем этим не разберусь. А знать значение ключевого слова сегодняшней беседы, мне просто жизненно необходимо.

Остановилась несколько ступенями ниже, сложив руки на груди, в надежде унять возникшую дрожь от ожидания ответа.

Сако нервно обернулась, и тут же уставилась себе под ноги. Милагреш же, к ее чести, выдержала мой растерянный взгляд, и ответила ровным голосом.

— Квенса Светлейшая — это спутница жизни Зиуданса. Его жена. И наша Властительница.

Четко прозвучавшие слова, без намека на переносный смысл, заставили отшатнуться. Только вот я забыла, что стою на скользких мраморных ступенях. Я оступилась и полетела вниз под обеспокоенные крики.

Темнота накрыла вместе с мыслью, что я стану... Королевой.

О, Боги! Надеюсь, я наконец-то проснусь!

17

Чугунные тиски сжимали голову, отдавая болью где-то внутри черепной коробки. Я слышала чьи-то голоса, ощущала мягкую перину, ласкающую кожу и ноющие конечности, но открыть глаза и подать признаки жизни — было почти невозможно. Поэтому я позволила себе просто плыть в темноте, почти не вслушиваясь в плывущие мимо слуха фразы. Как я устала...

— Лаизареис [laisāreis (гот.) — лекарь], что с ней? — обеспокоенный мужской голос обволакивал и, в то же время, странно будоражил, не давая полностью погрузиться в прохладную, бархатную тьму.

— Ушиб головы и переутомление. Никаких серьезных повреждений сфера Убилса не показала. Укрепляющий настой из корня либаинса [libains (гот.) — жизнь] и гронейскую [grōneis (гот.) — зеленый] мазь на место ушиба — и все будет хорошо, — мягкий монотонный мужской голос, с чуть растянутыми гласными дал ответ на тревожащий Лайонела вопрос.

И почему он обо мне беспокоится? Ах, да... Я же его будущая... Волна пробуждающего тока прошла по телу: едва сдержалась, чтобы не распахнуть глаза.

— Спасибо, Табиб. Можешь идти, — Лай отпустил второго мужчину. Услышала шуршание одежды, и он с тихим вздохом присел на край кровати.

Вся напряглась, а его присутствие ощущалось до невозможности остро, так, что даже кожу начало покалывать. А когда я почувствовала, что он сдвинулся, и горячее дыхание обожгло кожу лица, резко выпрямилась.

— Ай! — от неожиданного столкновения лбами, перед глазами заплясали звездочки.

— Прости, ты в порядке? — У Лайонела, наверное, был каменный череп, раз он и глазом не повел: зато обеспокоенно склонился надо мной, коснувшись кончиками пальцев моего покрасневшего лба. Даже сквозь кожу перчаток почувствовала легкий разряд, как от наэлектризованной шубы.

Отползла назад, пока не уперлась спиной в резное изголовье кровати.

— Тебе не нужно меня бояться, — по-своему расценил мою реакцию Лай. Если быть откровенной, я и сама не поняла, почему его невинный жест заставил меня отпрянуть. Такая реакция пугала, да. Но не сам мужчина-лев. Он-то как раз был больше похож на человека, чем другие встреченные мной зверолоды. Со своей специфической привлекательностью. Может, дело в этом? Он меня привлекает?

Подняв одну бровь и наклонив голову плечу, прошла от тяжелых надбровных валиков — не таких, как у австралопитеков или типа того, более утонченных, подчеркивающих глубину медово-карих глаз и утяжеляющих взгляд, когда это нужно обладателю. Скользнула взглядом по переносице и четко очерченным губам, которые не портила даже тонковатая верхняя губа.

— Что? — спросил он, опустив взгляд. Я его смутила? Поспешно отвернулась, сделав вид, что заинтересовалось вышивкой на простынях.

Повисло молчание. Старалась дышать спокойно через нос, но воздуха как будто катастрофически не хватало.

— Выпей отвар, — первым нарушил молчание Лай, протягивая мне серебряную пиалу.

Осторожно приняла ее: она чуть обжигала пальцы, даже сквозь ткань, в которую была обернута. Глоток напитка согрел напряженное горло. Сладкий и жгучий вкус, сменился горьковатым послевкусием. Благодаря ему я немного расслабилась, а туман, окутывавший голову, понемногу рассеялся.

— Легче? — спросил Лайонел, подсаживаясь ближе и лоя мой блуждающий по комнате взгляд.

Убранство покоев отличалось от тех, в которые меня поселили в первый раз. Стены были задрапированы в красный бархат с более темным орнаментом. Позолота, украшающая рамы картин, потолок, мебель с непривычки рябила в глазах и мешала сосредоточиться. Пытаясь собраться с мыслями, я перевела взгляд на кремовые складки внутренней стороны балдахина, что снаружи был в нежных тонах фиолетового и зеленого цветов с золотой бахромой и цветочной вышивкой. Пару дней назад я злилась, что родные не взяли меня с собой в Софию, и я не греюсь на солнышке у бассейна, попивая коктейль. А теперь... Теперь лежу на расшитых золотым орнаментом и синими цветами простынях. В комнате больше похожей на музейный зал. Мечты сбываются? Теперь мне следует прыгать до потолка и заставлять будущего мужа выполнять любой, даже самый нелепый, каприз? Так ведь в кино и в книгах героини делают? Но я...

Я чувствовала лишь смятение и страх.

Подтянула колени груди, пытаюсь не дать нахлынувшим чувствам вылиться в истерику. Лайонел терпеливо ждал, когда я скажу хоть слово. Странно, но это несколько не раздражало. Даже предавало уверенности, что я могу спросить у него что угодно и сказать любую пришедшую в голову чушь. И он поймет. Выслушает. И даст честный ответ.

Может, я и обманываю себя. Но мне кажется, я могу ему доверять.

— Зачем тебе фиктивный брак с такой, как я? — решила не ходить вокруг да около и не строить из себя дурочку. И так было понятно, к чему все шло. Шикарные покои, Анубис с пеной у рта на грани обморока... Да и ответ Милы не оставил место сомнениям.

Лайонел снова улыбнулся — мягко и понимающе — как улыбаются детям, прибегающим с вопросом из разряда «А почему трава зеленая?». Ответ был очевиден. Только вот не для меня.

Лайонел встал. В груди тревожно екнуло. Мне показалось, что он так и уйдет. Но он скрылся и из виду буквально на пару минут, а потом прикатил к кровати медный сервировочный столик на колесах. Дразнящие ароматы какого-то рагу, лепешек и чего-то искушающе-сладкого на миг выбили все жизненно важные вопросы у меня из головы. Хотела уже встать с кровати, но Лайонел мягко вернул меня на место. И поставил на кровать деревянный столик-поднос, имеющий красноречивые ассоциации с завтраком в постель. Эта мысль сковала сильнее, чем ножки стола, угнездившиеся по обе стороны от моих бедер.

— Ты поешь для начала, — тон был осторожным, никак не приказным. Но что-то в нем подсказало, что предстоящий разговор будет не из легких.

От осознания этого аппетит, если не пропал, но притупился. А предвкушение, которое вызывала дымящаяся еда пару минут назад, потухло. Казалось, что бы я ни положила в рот, оно покажется мне сейчас донельзя пресным и встанет поперек горла.

— Я могу и слушать, и есть, — с готовностью приняла серебряное блюдо с какими-то

замысловатыми овощами, некоторые кусочки даже имели странный кислотно-фиолетовый цвет, но запахи были настолько аппетитными, что я не удержалась. И не пожалела — идеально сбалансированное по соли блюдо, отдаленно напоминающее тушеную картошку с кисло-сладкой ноткой, заставило на мгновение отвлечься от происходящего и пропустить начала монолога.

Как же я давно не ела! Или это блюдо действительно божественное?

— ...и я ведь полукровка.

Вскинула глаза, впиваясь взглядом в Лайонела, полностью сосредотачиваясь на нем.

— Что?

— Я — полукровка. И не могу позволить себе брак с чистокровной хаимкой.

Словно в доказательство своих слов, Лайонел стянул перчатку, за которой прятались гладкая кожа и пальцы с квадратными ногтями. Вполне обычными. Человеческими.

— Но как? — вопрос вырвался сам собой, заставив мужчину вздохнуть и отвернуться.

18

Ложка опустилась обратно на серебряное блюдо и там бы и осталась, если бы не красноречивый взгляд моего собеседника и короткий кивок. Пришлось послушаться. И как только очередная порция здешнего рагу оказалось у меня во рту, Лайонел продолжил рассказ.

— Во время правления зиуданса Ария, моего отца, люди враждовали не только с Хаймом. Междоусобные войны вспыхивали в разных частях Страны Маннов, люди все больше разобщались, объединяясь только против народа, осененного сиянием птицы Люихаз. Жадные до наших плодородных земель и магии, что тогда буквально пронизывала воздух, они начали истреблять нас, как диких зверей. И если в открытое противостояние манны вступили лишь несколько раз, им не претило ставить ловушки в наших лесах, сжигать дома, отравлять воду. Меланту, мою мать продали военному наместнику соседней провинции. Договорная свадьба должна была послужить гарантией прочного союза. Но Меланта не хотела выходить замуж за жесткого правителя, который, по слухам, не просто охотился на хаимян в пограничных лесах, но и подавал их на стол, как диких кабанов...

Лайонел замолчал и, прикрыв глаза, провел пальцами по глубокой морщине на лбу, будто пытаясь прогнать головную боль этим незамысловатым движением или загнать гнев, мелькнувший в дрогнувшем голосе, обратно.

Я тоже перестала набивать желудок. Жуткая картина, представшая перед глазами, грозила полностью отбить аппетит. Я уже хотела задать вопрос, любой, лишь бы разбавить гнетущую атмосферу, повисшую в воздухе, но Лай, наклонив голову набок, снова красноречиво посмотрел на мою серебряную тарелку.

Кажется, ему легче было рассказывать, когда я жевала с набитым ртом. Ведь так меньше вопросов летело в его сторону: а они неизменно возникали у меня в голове с каждой новой порцией информации. Вздохнув, послушно отравила ложку в рот, правда, кусочки мяса я стала откладывать в сторону.

— Мама пыталась сбежать, но на границе ее поймали. Крики о помощи услышал мой отец. В то время он самолично укреплял границу, с помощью магии огня. Защитный барьер сжигал заживо тех, кто подходил к границе с недобрыми намерениями. Несмотря на ненависть, что испытывали манны к нам, Арий верил, что есть те, кто не поддерживает короля и его приближенных. Он не хотел лишать их возможности найти кров и пищу в

Хайме. Во времена его правления к бежавшим из Маннской Империи относились терпимее — по крайней мере, так было до сражения у подножия Плачущей Горы. Отец успел почти вовремя — Меланта получила серьезное ранение — один из сопровождающих стражников пронзил ее клинком. Арий тайно привез маннку в свой замок. О ней знал только Лаизареис Табиб.

Лайонел разлил чай по чашкам и одну протянул мне. Сам же, встав, пересел в кресло. Сделав глоток чая, с отчетливым острым привкусом имбиря, решила все-таки произнести и без того очевидный вопрос.

— И они полюбили друг друга?

Зиуданс кивнул, отставив чашку на столик, рядом с многоярусной тарелкой, заставленной сладостями такими же, что лежали на блюде с нежно-розовой цветочной каемкой на моем деревянном столике.

— Но Арий не мог официально сделать Меланту своей женой. Он скрывал ее, сколько смог. Они провели тайную свадебную церемонию за несколько месяцев до моего рождения. Мама выходила в свет всего пару раз — в закрытом платье, перчатках и плотной накидке, скрывающей лицо. Остальное время проводила в покоях отца либо в маленькой усадьбе в Садах в глубине Хультских Лесов. Про нее стали ходить разные слухи. Одни говорили, что молодая Квенса — божественно прекрасна, и поэтому Светлейший ревностно прячет ее ото всех. Другие — что она чудом сбежала из плена маннов, и ее лицо украшают уродливые шрамы — последствия долгих пыток. Правду, опять же, знали лишь двое — Табиб и Арий. Табиб заверил отца, что с моим рождением не будет проблем, ведь с такой «чистой» родословной, хаймская кровь определенно возьмет верх. Но случилось это, — Лайонел поднял руки, указав ладонями на себя.

Меня немного покорило это движение, будто он презирал или стыдился своего происхождения. Но я решила промолчать. Я знаю этого мужчину меньше недели, и не мне его судить. Но полностью затолкать в дальний угол свое любопытство я не смогла.

— И как он скрыл твоё рождение? — содрогнулась, представив маленького Лайонела, запертого в четырех стенах. Хотя часть меня понимала, что случись такое — сейчас передо мной не сидел бы правитель Хайма.

По лицу Лая скользнула мимолетная усмешка.

— Никак, — он отстегнул плащ, кинул его на соседний стул, и оттянул ворот своего костюма. — Арий с самого начала не был уверен, что я появлюсь на свет его точной копией. Видишь ли, наша страна довольна молода. Всего 5000 тысяч лет, — на этой фразе я подавилась печеньем, по вкусу похожим на кокосовое. Ну да, страна-мальшка. У нас столько же существует Персия, кажется. — Много легенд существует о происхождении Хайма и о сотворении всего мира. Единственное, что не меняется — главная фигура всех сказаний, Божественная Огнептица Фуглис Люихаз. Одной из самых забытых и отвергнутых является «Легенда о Великом Зиусудре». В общем, она непрозрачно намекала на то, что наш род произошел от маннов. Отец использовал ее и старые свитки, чтобы представить меня — как ребенка, благословенного Люихаз, сочетающего в себе черты обеих рас. Ребенок, что однажды объединит мир. Глупо, правда?

Лай хмыкнул, из-под опущенных ресниц не было видно выражения его глаз. Но я была готова поклясться, что и толики веселости в них не было.

— Совсем нет, — ответила, отодвигая от себя столик и садясь на кровати. Захотелось подойти к нему, сказать что-нибудь, убедить, в том, что быть полукровкой не так уж плохо, и

тут нечего стыдиться. Но... Подходящие слова разбежались по углам, и спрятались в самых затененных местах. Я не знала, что еще сказать. Для начала, мне надо перестать быть для мужчины, у которого и так полно проблем, обузой. Постараться стать другом.

Решила встать и вернуть столик на тележку, но опасно пошатнулась. Лайонел, как и в прошлый раз, быстро среагировал. Крепкие руки, необычайно теплые без своих перчаток, мягко придержали за плечо, от чего сердце пропустило удар, споткнулось и забилося с удвоенной силой. Я отстранилась, искренне надеясь, что такая реакция была вызванная принятыми лекарствами и недавним падением.

— Спасибо, — выдохнула, ища глазами то, во что можно было обернуться и унять дрожь.

— Послушай, — Лайонел отступил немного, чтобы не нарушать мое личное пространство, а заметив, как я ежусь, подошел к огромному — шириной почти в половину стены — шкафу, достал оттуда шаль и протянул мне. — Все очень запутано. Но у нас еще будет время все обсудить, и я отвечу на все твои вопросы. Но сейчас тебе нужно отдохнуть. Завтра тяжелый день. Мила и Сако переселились в комнаты личных служанок Квенсы. Ты можешь позвать любую из них, если что...

— А что завтра? — спросила, кутаясь в кашемировую шаль, мысленно складывая в ящики полученную информацию и составляя список вопросов.

— Завтра Совет, на котором ты должна присутствовать.

Не успела я и рта раскрыть, браслет на руке Лайонела замигал синим цветом, он поспешно надел перчатки и плащ и вышел за дверь.

Вот так раз...

Опустилась в стоящий рядом обитый тканью стул, чувствуя, как немеют ноги.

19

Совет? Он сказал «Совет», или я ослышалась?

За всей этой предысторией его появления на свет, я забыла спросить Лайонела об одной очень важной вещи. К чему все это? Почему он решил объявить меня королевой? Я понимаю, что он — полукровка, и ему крайне опасно связывать свою жизнь с чистокровной из его рода, но чем поможет женитьба на мне? К тому же, это ни разу не приблизит меня к возвращению домой! А я ведь стремлюсь съехать от родителей и найти сносную работу, а не выходить замуж за правителя звероловов из параллельной вселенной!

А тут еще и Совет... Представила раздутую от самолюбия и переполненную презрением к роду человеческому коллегия разных мастей и видов в белых париках, с клыками и когтями... Сразу стало дурно — я прямо почувствовала, как внутри меня рагу перемешивается с настоем из трав, приправленных местными сладостями.

Позволила спине расслабиться, и рухнула поперек кровати.

Голова начала пульсировать от избытка вопросов, ответ на которые сегодня я уж точно не получу.

Мне нужен был план. Четкий. Такой, чтобы я при первом же резком вопросе или косом взгляде не хлопнулась в обморок или того хуже — позволила членам Совета лицезреть содержимое моего желудка. У меня всегда есть план. И этот случай — не исключение.

Для начала... Нужно в правильном порядке вмести в черепную коробку полученную информацию, наклеить стикеры и разложить по шкафчикам. А то не дай Боже мне ляпнуть, что-нибудь компрометирующее моего спасителя. А для этого мне понадобятся книги,

свитки, интернет — что угодно. Хотя последнее раз в 20 облегчило бы задачу...

Вспомнив, что Лайонел говорил о служанках, встала и направилась к двери. Богатый ковер в тех же нежных тонах, что и внешняя сторона балдахина, глушил мои неуверенные шаги.

Выйдя в коридор, подпрыгнула, едва не завизжав: рядом с полутораметровым постаментом — напоминавшим узенькую греческую колонну с маленькой золотой пташкой наверху — неподвижной статуей стоял стражник, в темных одеждах и с накидкой, полностью закрывающей глаза, как у пустынного кочевника. Льдисто-голубые глаза пронзили насквозь, как только он перехватил мой взгляд. Поспешно отвернулась, не успев уловить выражение холодных глаз, но чувство, что он изучает каждый сантиметр моего тела, никуда не делось: оно противными иголками залезло под кожу. Надеюсь, он не проткнет меня мечом при первом же удобном случае.

Постучалась в первую попавшуюся на глаза дверь, проглатывая неприятную тревогу. И не прогадала — мне открыла улыбающаяся Сако. С распущенными волосами она выглядела иначе, но я уже научилась немного различать их с Милагреш — она была чуть худее, и полоски белого меха на ее лице чуть изгибались с левой стороны.

— Вы что-то хотели, Светлейшая? — спросила она, впустив меня внутрь. Отложив щетку для волос на туалетный столик, стоявший у стены, девушка снова повернулась ко мне. Стало неловко: Сакорру явно готовилась ко сну. А я ведь даже не знаю, сколько сейчас времени: падение, яркие свечи в люстре и закрытые ставни в моей комнате немного сбили с толку мои биологические часы.

— Мне бы... — замялась: внутри меня происходила борьба природного любопытства и привычки всегда быть подготовленной с вежливостью, что привила мне мама. Часть меня шептала, чтобы я извинилась и закрыла дверь с другой стороны. И со своим вопросом пришла утром. Но этот чрезмерно вежливый внутренний голос я терпеть не могла, и часто, даже не осознавая этого, поступала ему наперекор — правда, в рамках норм приличия, принятых в обществе. Но сейчас...

— Есть ли здесь библиотека или архив какой...? Хотелось бы побольше узнать о вашем мире... — вышло как-то слабо и неуверенно.

Захотелось стукнуть себя по лицу. Если ты, Гень, и завтра таким же тоном ответишь на любой, обращенный к тебе вопрос, члены Совета тебя живьем сожрут.

Приободрилась, вздернула подбородок, отрывая глаза от изогнутых ножек обитого тканью стула.

— Конечно, — Сако улыбнулась мне. И предвосхитив мой вопрос о том, в какую сторону мне топать, чтобы попасть в хранилище пыли и знаний, барсучиха ринулась к столу-конторке у самого окна.

Подхватив стопку книг, покоившихся на самом краю, она вернулась ко мне.

— Зиуданс предвидел, что Вы заинтересуетесь нашей историей и подобрал книги, что помогут Вам во всем разобраться.

— Спасибо, — поблагодарила служанку, радуясь, что не пришлось терять время на поиски нужной литературы.

— Не за что, — подхватила Сако привычный ритуал вежливости, и добавила: — В следующий раз, если я или Мила понадобятся, просто позвоните в колокольчик.

Девушка, опустив книги на стул, справа у входа, достала из кармана миниатюрный, не больше наперстка, золотой колокольчик, перевязанный красной лентой.

— У нас с Милагреш точно такие же, только медные — она подняла запястье, демонстрируя колокольчик на тонком кожаном шнуре. — Вы тоже можете прикрепить его к какому-нибудь украшению, если хотите. Чтобы позвать одну из нас, три раза позвоните в него и назовите имя.

Кивнула, чуть переборщив с уверенностью. Одно короткое пояснение породило кучу вопросов. Как они поймут, где я? А что, если колокольчик банально будет звенеть при ходьбе?

Перекрыла поток вопросов, решив отложить их на завтрашнее утро. С утра все равно придется их позвать. Мне же надо будет узнать, какой дресс-код на Совете Зверолюдов.

Сако подхватила книги и подтолкнула меня вперед кивком головы, когда я попыталась забрать у нее часть ноши.

Поджала губы, но настаивать не стала.

Мама всегда учила с уважением относиться к чужому труду и предлагать помощь, в пределах разумного, конечно: люди очень быстро садятся на шею чересчур уступчивым и безотказным. Похоже, за ночь мне придется взрастить в себе сноба.

Мельком взглянула на охранника, почти слившегося с темным деревом, которым были обиты стены. Он не смотрел на меня, но противное-липкое чувство покрыло кожу: и оно точно было связано с ним. Что-то в нем меня явно настораживало.

Книги приземлились на стол — и барсучиха удалилась, пожелав мне спокойной ночи.

Оставшись одна, я распахнула ставни, впуская в комнату воздух, наполненный прохладой летней ночи. Огоньки свечей в люстре под потолком потухли, словно испугавшись, а может во все виновато солнце, скрывшееся за горизонтом, оставив после себя тонкую полоску красно-оранжевого света.

Закат померк, и на столе зажглась лампа, похожая на старую керосиновую. Фигурные выемки на деревянном корпусе создавали причудливые тени на потолке. Взяла из стопки самую первую книгу. Ей оказались «Легенды Земель Хайм Люихаз». Отложила в сторону. Нужно что-то более... Информативное...

Обнаружила в самом низу «Историю Хаимского Королевства» и углубилась в чтение.

20

Почти в самом начале книги, на развороте третьей страницы, находилась карта земель Хайма, которая сразу привлекла меня своей яркостью. Цветные чернила казались живыми: ветер будто шевелил нарисованные деревья, ласкал острые изгибы гор, расположившихся на западе, играл с песком, заполнившим район вокруг саванны, в центре которой стоял знакомый замок. Даже снег на самом севере, казалось, искрился в чуть дрожащем свете настольной лампы. Водила пальцем по изломам, замороженно смотря, как климат перетекает один в другой, немного задержавшись на темнеющем месте в самом углу. «Выжженная Земля» гласила надпись. Этот район — единственный шел без каких-либо пояснений. Не было ни списка обитающих там рас, ни пояснений к климату, ни наименования главной отрасли производства, ни даже имени хаубиса [haubīr (гот.) — голова] — районного управителя.

Каждый управитель входил в Совет. И на них я бы хотела остановиться подробнее, только вот кроме сухих фактов и портретов основателей правящих кланов, ничего полезного не нашла. Ну конечно, это же не одноклассники и даже не фэйсбук. Решила, по крайней мере, запомнить названия айрзов [airþa (гот.) — земля] — основных земель. Кроме

загадочной Фонленд, «Выжженной Земли», и Ливахайма, района Саванны, где находилась резиденция короля, были еще шесть других. В Калдс Аусиде, Ледяной пустыне, правили зверолоуды, похожие на наших белых медведей. Глава — Эдер Ксейтс Байра. Его предок обладатель медвежьей головы и голубых глаз, пронизывающих суровым холодом. Байры защищают северную границу. Основная отрасль — добыча ресурсов Ледяного моря. Они единственные, кто может выдержать такие низкие температуры. Далее шел список редких рыб, растений и животных, которые я тут же пропустила. Ровно, как и жизнеописание Борей — первого из рода. Земля песков, Аусида управлялась Атоном Надрсом, и, судя по портрету предка, они происходили от какого-то вида кобр. Основная отрасль: строительство.

Хорошо, что не яды, подумалось мне.

Зачитавшись историей Атона Первого — в чьих жилах тек самый настоящий яд, и благодаря его жертве Хайм выиграл войну против Азгонов — я совсем забыла про другие аирзы. Перед глазами плясали пятна, а голова наливалась свинцом, и я сдалась. Пробежалась по остальным именам, мысленно дав управителям клички, в соответствии с животными, на которых они были похожи. Надеюсь, они не сорвутся с языка в неподходящий момент. Одно дело Ану Вулвз — глава Лесов. Понятно, что волк. А вот имя Софир Ауз мне ни о чем не говорило. Поэтому женщину с удивительными мягкими белыми кудряшками мне было проще называть овечкой. Надеюсь, на том Совете будет ее наследница или наследник, с такими же мягкими и располагающими чертами. Хоть чей-то вид не будет вызывать у меня дрожь в коленках.

Захлопнув книгу, я еще раз повторила про себя имена членов Совета и основные занятия в аирзах. Благо, что фамилии и названия рас у них были идентичные. Уверенности мне это сильно не прибавило, но общее представление о том, с кем я завтра встречу, облегчало давящий груз в груди.

На ванну сил не осталось — и я улеглась, в чем была, обратно в кровать. Все равно, завтра меня наверняка разбудят служанки, и в первую очередь затолкают в ту огромную чашу в полу. Я успела заглянуть во все помещения моей новой комнаты — и скромная позолоченная ванна, в которой меня искупали по прибытию, не шла ни в какое сравнение с вырезанной из мрамора нише в полу, увитой ползучим цветком, источающим тонкий аромат.

Прежде, чем закрыть глаза и расслабиться, запоздало осознала, что кто-то переделал меня, пока я была без сознания. Ведь вместо грязного белого платья с изорванным подолом на мне была легкая струящаяся кремовая юбка и блуза на лямках в тон, расшитая по краю розами нежно-розового оттенка. «Надеюсь, это был не Лайонел», — была последняя связанная мысль, поддержанная легким смущением.

А потом я провалилась в сон — душный и напряженный.

Липкое волнение толстым слоем ложилось на кожу, пробиралось под ребра, тяжелым налетом оседало в легких. Я стояла в огромном зале, а со всех сторон на меня взирали родоначальники шести кланов: Вулвз, Ауз, Хейтс Байра, Надрс и Хаурн. Их искаженные звериные лица выглядели жуткими в сгустившейся тьме, а глаза сияли хищным блеском. Змеиные шепотки, утробное рычание, лязг когтей раздавались в одном месте и плавно перетекали в другое, подобно зловещему туману. Я открывала рот, в попытке оправдать известные только им совершенные мной злодеяния, но связки будто были повреждены — из горла вырывались лишь бессвязные хрипы. Я судорожно мотала головой, в надежде разглядеть знакомую плечистую фигуру, облаченную в черный сюртук и пурпурный плащ.

«Он придет. Он обязательно защитит меня», — билась мысль в недрах черепной

коробки.

Но стоило поймать взглядом желанный силуэт, и он ускользал, растворяясь, подобно дымке.

Проснулась резко, рвано глотая ртом воздух — как только лучи солнца, скользнувшие в спальню, лизнули лицо.

— Просыпайтесь, Светлейшая, — Сако лучезарно улыбнулась, переходя к другому окну, продолжая впускать утро в комнату.

— Я уже приготовила купальню, — голова Милы показалось в пространстве между косяком и дверью с витражным стеклом.

И все вокруг завертелось. Я даже не успела, как следует, понежиться в молочно-белой воде с лепестками красных роз. Мысли, вертевшиеся вокруг предстоящего Совета, гнали время с бешеной скоростью, при этом неимоверно растягивая каждую секунду. То мне казалось, что девушки слишком долго возятся с моими волосами, пытаюсь наверх тяжелой прически приладить рогатый головной убор в духе 14–15 веков. То казалось, что все происходит чересчур быстро: не успела выдохнуть — и вот я уже нервно сжимала ткань королевского рукава, в тон моему платью фиолетового, почти черного, цвета с россыпью звезд и роз пурпурного цвета, такого же насыщенного оттенка, как и плащ Лайонела.

— Волнуешься? — Лай чуть повернул голову в мою сторону: я кивнула, заметив движение периферийным зрением: я слишком была занята тем, чтобы не поскользнуться в расшитых бисером и серебряными нитками туфлях. Радовало только то, что платье из органзы и тюли, со всей его пышностью, было без реброломающего корсета.

— Они ничего тебе не сделают, — шепнул зиуданс, наклоняясь ближе и обдавая горячим дыханием даже сквозь тонкую накидку, окрашивающую пространство вокруг в темные тона. — Я не позволю.

Впервые с момента, как меня раздели в пух и прах, я порадовалась длинной вуали, ведь она скрыла вспыхнувшие щеки.

21

Мы вошли в помещение, освещенное газовыми лампами, похожими на ту, что стояла в моей комнате, только они висели на стенах и были стеклянными с кованым корпусом. В центре комнаты, прямо над круглым столом, висела люстра: ее хрусталики сверкали в колеблющемся свете свечей. Зала была просторная и без проблем вместила дюжину стражников, немой стеной расположившихся вдоль стен с копьями, прижатыми к плечу. И в отличие от тех, что охраняли главные ворота, они были облачены в те же черные одежды, что и надзиратель у моей двери. Лишь два отличия сходу бросались в глаза. У того жуткого стража с холодным взглядом был изогнутый меч, похожий на турецкую саблю, с серебряным клинком и красными рубинами на рукоятке — слишком уж роскошное оружие для обыкновенного стражника, поэтому и запомнила. Правда, он накрыл выделяющийся меч полый накидки, как только проследил мой взгляд. Но я точно не ошиблась: его сабля не шла ни в какое сравнение с тусклыми тяжелыми полуторными мечами с оплетками из кожи на рукоятках. Наверное, тот парень заслужил особое оружие...

Отвлечшись на стражей, я не сразу заметила безмолвные фигуры, занявшие свободные стулья, с гербами на спинках. Со стороны дверей только три были повернуты к нам спиной. Они изображали животных, чью внешность разделили сидевшие за ними зверолоуды. Змея — по виду кобра — с раздувшимся капюшоном, волк, запрокинувший голову в протяжном вое и

белый медведь, едва различимый на фоне выкованных снежных просторов.

Засосало под ложечкой, а в горле пересохло: в сознании вспыхнули обрывки недавнего кошмара. Я бы точно споткнулась в непривычном платье и пропахала носом паркет цвета темной вишни, если бы не Лайонел, уверенно ведущий меня под руку. Взгляд зацепился за края цветных плащей: и хотя головы членов Совета были скрыты широкими капюшонами, по расцветке можно было догадаться, кто есть кто. На белом с меховой оторочкой вышитые цветы с оранжевыми тычинками перемежались с огромными рыбинами — похожими на странный гибрид тюленя и кита, хотя может это только с этого угла так казалось... Слева от Эдера Ксейтс Байры сидел, по всей видимости, отец Ару, Зеффа и Алима — Ану Вулвз. Его плащ был насыщенного изумрудного цвета, с вышитыми серебряными елями. С другой стороны от Эдера расположился потомок Атона Первого в плаще песочного цвета с золотыми изгибами причудливого узора, напоминающего древние иероглифы. Остальные трое, расположенные ко входу лицом, сверлили меня взглядами. Даже тени, скрывающие половину их лиц, не избавляли от вибрирующего чувства, от которого дрожали коленки и покрывались коркой льда внутренности. Поэтому я инстинктивно избегала смотреть на них — так стараешься не замечать спящую в будке соседскую собаку, краем глаза высматривая, сидит ли она на цепи. Кинутый короткий взгляд выцепил только белые кудри, выглядывающие из-под капюшона плаща цвета сочной травы. К моему облегчению Лайонел повел меня не к круглому столу, что вызывал ассоциации с рыцарями Артура, а к диванчику темно-алого цвета.

Когда он молча кивнул, послав мне напоследок ободряющую улыбку, я уж было открыла рот, чтобы спросить, зачем нужно мое присутствие, если я буду отсиживаться в уголке, но с нужной мысли сбил поднос, приземлившийся на небольшой столик — с ягодами, сыром и бутылкой, очевидно содержащей вино или другой алкогольный напиток.

— Спасибо, — улыбнувшись слуге с забавными ушами-кисточками и рыжим хвостом, откинула вуаль. Пара глотков прохладного, щекочущего язык напитка разбавила невротический страх, стягивающий синапсы и завязывающий их в узлы.

Вино, а это точно было оно: виноградное, с легким медовым послевкусием — позволило расслабиться. Откинувшись на спинку, я уже без особой опаски принялась разглядывать сидевших за столом. Зала была достаточно просторная: до меня долетали лишь обрывки фраз горячего спора. Надо сказать, Лайонел держался достаточно хорошо: его почти не было слышно, но я не сомневалась, что он говорил спокойно и уверенно, доказывая свою правоту. Вот бы мне хватануть его убежденности. Лично мне вся эта затея казалась весьма... странной, смущающей и... опасной.

Стоило лишь скользнуть взглядом по Атону, чья чешуя с этого ракурса отливала зловещим зеленым светом, снова возвращалось то давящее чувство из сна — когда любой шаг в сторону равняется смертельной опасности. Сделала еще глоток из кубка, отправив в рот кусочек тающего на языке сыра.

— Отличный сорт, 150-летней выдержки, — подавилась, услышав ремарку, произнесенную ввевшимся под кожу ледяным голосом.

Мой кашель на секунду отвлек хаубисов, которые явно были далеки от сдвига с мертвой точки: судя по тому, как Эдер реагировал на каждое сказанное зиудансом слово. Почти подпрыгивал, порываясь гневно встать и познакомить столешницу со своими массивными кулаками, покрытыми белоснежной шерстью. Его слова «Это немыслимо!», «Сумасшествие!», «Позор!» и другие вариации фраз, выражающих недовольство, звучали

громче всех, время от времени привнося хаос в более-менее цивилизованное обсуждение вопроса.

Вжалась в спинку, накинув вуаль обратно и поправив нелепый изогнутый головной убор.

— Не думаю, что Эдер Ксейтс Байра так легко смириться с подобным решением, — задумчиво проговорил Амнон, приняв у слуги второй кубок.

Более разумная часть меня, с обостренным инстинктом самосохранения, шептала, что я должна воздержаться от любых комментариев, сделав вид, что место справа от меня пусто.

— Конечно. Опуститься до того, чтобы сделать Квенсой грязную... — Анубис поморщил морду, но договорить не успел: не выдержав, я оборвала начавшееся оскорбление.

— Я, может, не самый лучший представитель из числа людей, но поносить себя не позволю!

Вино притупило чувство скованности, и получилось громче, чем следовало бы.

И снова я перетянула на себя внимание.

Амнон лишь презрительно хмыкнул. А вот Байра не выдержал.

— Почему она здесь! — зарычал медведочеловек — хотя от человека там были только голубые глаза, такие же холодные и суровые, как у его предка из книжки. — Это оскорбление! Ты, зиуданс, можешь впускать свои покои, кого заблагорассудится, но сделать Квенсой это низкое создание...

Лицо Лайя потемнело, он угрожающе приподнялся со своего места, но я разозленная таким отношением, с мясом сдернув вуаль, отшвырнула головной убор — отчего волосы тут же разметались по спине непослушной волной — и угрожающе, путаясь в воздушных юбках платья, двинулась на Эдера.

В голове не было ни одной здоровой мысли и разумного аргумента, кроме как доказать этому высокомерному хаимцу, что он не имеет права унижать меня и делать выводы, только исходя из моей принадлежности к людской расе.

22

Уж не знаю, что послужило толчком для такой реакции: вино, пренебрежение, граничащее с брезгливостью со стороны Амнона, или то, что этот раздутый от чрезмерного самомнения индю... медведь заочно записал меня не просто в любовницы, а сразу определил в один ряд с девушками легкого поведения. Я немного остыла только, когда столкнулась с объектом моей злобы нос к носу. А точнее — почти уперлась лбом в его грудь.

Влажное яростное дыхание обдало лоб и пришлось по пробору на голове. Я даже отступила под напором окутавшей вмиг паники. Но всего на полшага. Желание доказать его заблуждение насчет меня, и людей в целом, пульсировало так сильно, что толкнуло страх на задний план.

— Вы не правы, — пыталась говорить с нажимом, чеканя слова, но голос в конце все равно дрогнул. — Ваше отношение к людям слишком предвзято. Не все они... — обвела присутствующих взглядом, на секунду остановившись на Лайонеле: получив кивок одобрения, сглотнув, продолжила, — убийцы и грязные варвары. Вы считаете себя лучше их... Лучше нас, но одобряете жертвоприношения? Разве вы не хотите мира без взаимной неприязни. Или хотите каждый раз балансировать на грани войны? Я уверена, что не все люди видят вас жуткими монстрами. И ни за что не поверю, что хаимцы никогда не убивали людей без особой причины. В любом конфликте нет абсолютно правых и виноватых... Я

читала, что в войне против Азгонов люди и жители Хайма объединились, отложив все разногласия. Атон Первый, ценой своей жизни защитил вверенный ему легион, состоящий не только своих сородичей...

Змеиные глаза сверкнули из-под капюшона, а вертикальные зрачки чуть расширились. Почувствовала привычную при всплесках волнения дрожь в руках, и, сомкнув их у себя за спиной, продолжила, снова ловя медово-карий взгляд для поддержания хрупкого душевного равновесия в буре распатанных эмоций.

— И это не единственный пример. Борей разрешил использовать людям шкуры погибших жителей Калдс Аусиды, когда убийственный мороз сковал Ледяное Море, а люди гибли один за другим от обморожения..., — потомок Борей, нависающий надо мной, которого я старательно игнорировала, недовольно запыхтел. Но он молчал, как и остальные. Взмах царской руки — и он тяжелой, kloкочущей белой скалой опустился на свое место. Остались стоять только я и Лайонел.

Я запнулась, растеряно прошлась взглядом по краю столешницы. В глаза бросился ряд вытянутых, сцепленных в замке рук. Я забыла имя предка Овечки, что сидела слева от зиуданса. Лай, будто уловив ход моих мыслей, подхватил:

— Софира, — Лай повернулся к тонкой фигуре, облаченной в сочно-зеленый плащ. На обращение девушка — а судя по тонким грациозным запястьям, это была именно она — откинула капюшон: белоснежные упругие волосы рассыпались по плечам, а глаза лавандового цвета мягко скользнули по моему лицу, прежде чем обратить свое внимание на зиуданса. — Акайша, твоя прародительница, принимала в Акрсе [akrs (гот.) — луг, поле] всех — и маннов, и хаимцев. Даже мой отец... — Лайонел на секунду задержался взглядом на мне, уголки его губ дернулись, будто в полуулыбке, — ...пытался спасти маннку от преследователей. Безуспешно, но все же... Все наши принципы и убеждения значительно исказились после событий Великой Войны. Может, если мы дадим шанс человеку доказать, что он достоин стать одним из нас, мы сможем сдвинуться с места. Геня... достойная девушка.

И снова Лай просмотрел прямо на меня, вызывая бурю мурашек, пробежавших вдоль позвоночника.

— В любом случае, на решение, касательно моей личной жизни вы не в силах повлиять. Послышался шепот со всех сторон, грозящий превратится в нестройный гул. Недовольные интонации зычного голоса Эдера Ксейтс Байры смазывала общая волна глухого раздражения, смешенного с неуверенностью. Все шесть пар разномастных глаз уставились на меня таким пронизывающим взглядом, будто намереваясь содрать с меня кожу и посмотреть, из чего же я состою. Лишь огромные, как два фиалковых омута, глаза смотрели без давящей настороженности, а с искренним, даже доброжелательным, любопытством.

— Верно, — леденящий голос раздался позади меня. Вздогнула, но смогла подавить желание отступить, стиснув пальцы за спиной. — Мы не можем повлиять на Ваше решение в отношении Квенсы, Светлейший. Но Совет имеет право испытать ее, — угольно-черные глаза впились в мое лицо с нескрываемым торжеством. Внутренности скрутило, будто желудок набили ледяными камнями, когда остальные члены Совета закивали на утверждение фродаза Амнона, а Софира, поджав губы, сощурила глаза, будто силясь прочесть во взгляде цвета тлеющих углей намерения советника зиуданса. Аммон опустился на свободное место справа от Лайонела, заметно расслабившись. Лай нахмурился и, сухо кивнув, сел.

Хаубисы молча переглянулись, будто ждали словесное подтверждение согласия. Амнос же отпил из кубка, спрятав за этим движением промелькнувшую улыбку. Он победил. По крайней мере, Анубис так думал.

23

Молчание затягивалось. Лайонел задумчиво потирал подбородок, его глаза бегали по выжженному узору с силуэтом Огнептицы, будто зиуданс намеревался в темных изгибах найти ответ, который устроит хаубисов и не подвергнет меня опасности. От одной мысли о предстоящих испытаниях, что ждут меня, как номинальную невесту Светлейшего, по внутренностям пробежал холодок страха. Чтобы не ежиться, сцепила руки на груди и закусила губу, пожалев, что вуаль полупрозрачным пятном расплзлась по полу.

Спустя бесконечно долгие две минуты, Лайонел поднялся. Стрельнув взглядом в ряд стражников, служивших немим украшением стены, он подозвал одного ближе. За кивком головы зиуданса последовали тяжелые шаги, шуршание одежды и позвякивание металлических деталей о сталь клинка.

— Джабраил, проводи Брузу [bruþs (гот.) — невеста] в покои Квенсы, — Лайонел, оторвав взгляд от стража, в почтении склонившего голову, кивком головы указал на меня.

— Но... — запнулась: сердце в груди гулко стучало, а в голове плясали танго два противоположных желания: узнать, что меня ждет, и оказаться как можно дальше от Залы Биуза. [biuþ (гот.) — стол]

— Отдохни, — мягко произнес Лай, но я почувствовала, едва уловимую твердость в его словах, которая подсказывала: лучше не спорить.

— Идемте, Светлейшая.

Проследовала за стражником к двери, все еще вслушиваясь в голоса позади и ощущая, как направленные на меня взгляды прожигают кожу между лопатками.

— А мы с вами, гумеины... [gumein (гот.) — мужчина] и кина... [qinō (гот.) — женщина] обсудим детали...

Дверь захлопнулась, а за ней начали постепенно угасать слова предположений и удовлетворенные выдохи.

Я шла следом за мужчиной в темных одеждах, охваченная тревожными мыслями, от которых кожа рук, покрытых невесомыми слоями темно-фиолетовой и черной органзы, зудела, побуждая разорвать в клочья дорогое платье.

Интересно, что они заставят меня делать, в качестве претендентки на роль спутницы жизни короля Зверолодов. Прыгнуть ров со змеями? Сразиться на гладиаторской арене с женщиной-львом? Спеть?

Ну... последнее будет адской мукой для них, а не для меня... Из меня скверная певица. Брат клянется, что от моего визга дрожат стекла и трещат по швам барабанные перепонки.

Перебирая в голове варианты — одни других бредовее — не заметила, что мой сопровождающий свернул в полутемный коридор для слуг. И теперь мы шагали по проходу, ютившемуся между стен.

Заметила я это, только когда мой взгляд привлек блеск изогнутого лезвия, выглянувшего из-под хвоста черного кушака, повязанного на талии.

24

Развернувшись, стражник снял капюшон и открыл лицо. Кривая усмешка зазмеилась на

человеческом лице.

Отшатнулась, но мозг не успел подкинуть лучший вариант дальнейших действий.

Человек? Что здесь делает человек? Зачем он...?

Мысль оборвалась, когда голубоглазый незнакомец сдул с ладони мне в лицо черную пыль, серебрившуюся в слабом свете.

Сознание оборвалось, будто штекер выдернули из розетки...

Знакомая вибрация прошла по спине, а в нос ударил душный пыльный воздух. Казалось, прошло всего пара секунд с момента, как парень в черном припер меня к стенке узкого коридора, а после глаза заполнила странная пыль. И я уж точно сейчас находилась не в стенах замка...

Приподнялась на локтях, чувствуя легкое головокружение. И тут же завалилась на бок — обитую деревом телегу, по форме напоминавшую ту, в которой меня привезли, качнуло в сторону. Чувство дежа-вю накрыло с головой: резко села, вытянув перед собой руки, балансируя на деревянном полу, подскакивающем на ухабах.

Свободные от пут запястья и лодыжки сбили с толку. Зачем кому-то похищать меня, но при этом не связывать?

— Надень, — не успела я повернуть голову на резко брошенную фразу, как в меня полетел мешок. Невольно вскрикнув от неожиданности, взмахнула руками, отбрасывая холщовый тюк от себя. Мало ли, вдруг он под завязку набит змеями...

Мужчина вздохнул, взъерошив свои короткие русые волосы. Оттолкнувшись от деревянной обшивки повозки, он легким шагом направился ко мне, словно и вовсе не было никакой тряски. Полоска света, образовавшаяся от щели в потолке, осветила его лицо. Мягкие черты лица намекали на то, что похититель мой ровесник, а может, даже на пару лет младше. Четкий, даже красивый контур профиля портил шрам, разрезавший правую бровь, отчего один глаз, казалось, всегда подозрительно щурился. И как я сразу не заметила? Холодная и голубая, как горное озеро, радужка перетягивала на себя все внимание.

— Надень, — снова повторил он, выворачивая наизнанку мешок и уже кидая в меня чем-то похожим на обычную льняную ночнушку и коричневую накидку со шнурками. — В Тарре и ближайших городах могут заковать в позорные кандалы за ношение одежды диусов.

Говорил он четко, но не отрывисто и злобно, а, наоборот, спокойно, даже устало. Сказал — и отошел обратно в угол и принялся точить свой изогнутый меч, распространяя по затхлому, отдающему гнилым деревом пространству жуткий лязг лезвия о заточку. Как немое предупреждение.

Что ж, если он решил меня таким образом запугать — не получится. Большая часть страха и паники, отравляющая мозг и мешающая трезво думать, атрофировалась. Удивительно, но теперь я боялась меньше, чем в первый раз.

В голове скрипели шестеренки, пока я обдумывала план. Я была уверена, что Лайонел в этом не замешан. Поверить в то, что он решил меня отослать, как только запахло жареным — было почти физически невозможно. Не знаю, почему я так сильно прониклась к зиудансу доверием — это даже пугает — но с ним чувствовала себя спокойно и расслабленно, не ожидая ножа в спину. Может, это и глупо, но... Не могу заставить себя думать иначе. И раз в похищении не замешан Лай, он будет искать меня, как только обнаружит, что меня нет в покоях Квенсы. А значит, есть два варианта. Ждать. Или же попытаться сбежать. Только сделать это надо в момент, когда в меня точно не полетит начищенный до блеска изогнутый

меч.

В любом случае надо не подкидывать дрова в печь и не брыкаться, а то вдруг этот тип решит, что пара пальцев на руках мне не особо нужны. Да и в многослойном бальном наряде далеко не убежишь. Поэтому спорить не стала. Развернула смятые вещи — льняная рубашка с обшитым красной тесьмой воротом, действительно напоминала ночнушку. Но лучше расхаживать в ней, чем в нижнем белье из тонкого шелка. Не без труда выскользнула из платья — протяжный треск ткани не предвещал ничего хорошего для дорогого наряда, но даже от мимолетной мысли попросить похитителя помочь и развязать шнуровку на спине — пробрала неприятная дрожь. Еще раз яростно дернула, освобождая талию и быстрым движением натягивая нижнее платье с объемными рукавами. Сверху надевалась накидка из более плотной ткани — дешевый вариант двухслойного крашеного льна. Она надевалась через голову, и при тщательном рассмотрении походила на сарафан со шнуровкой на боках вместо швов. Справившись с одеждой, надела изношенные туфли с деревянной подошвой и тканевым верхом, не забыв стрельнуть завистливым взглядом на удобные сапоги, в которые был одет парень.

Да уж... В таких тапках добежишь ровно до первого поворота. В богато украшенной обуви, что я сняла, было удобно стоять: и если внутри нога чувствовала себя комфортно, то многочисленные украшения цеплялись за юбку, а подошва безбожно скользила. Хотя... Скользила она по мрамору... Проведя в уме необходимые расчеты, вернула на ноги мягкие туфли, которые точно не слетят во время спасительного прыжка, подтянула колени, и спрятала их под подолом платья.

— Когда приедем в Тарру, молчи — и я тебя не трону. Мне нужно забрать одну вещь из лавки Мортимера. Поможешь — и я отпущу тебя на все четыре стороны, — мой непрошенный попутчик даже не поднял головы, пересчитывая какие-то монеты, что он высыпал из маленького кожаного мешочка.

— Не понимаю, зачем было так рисковать? Похищать меня из замка? Для того чтобы я вместо тебя забрала какую-то вещь у лавочника? — вопросы сами полились в тишине, нарушаемой перезвыванием монет и скрипом колес.

Бывший стражник вскинул голову, нахмурившись. Поймав мой недоуменный взгляд, он тут же отвернулся.

— Я не ради тебя пришел в логово этих диусов... — парень рассеянно провел рукой по щеке — будто хотел схватить кулон, которого там не было. — Радуйся, что я оказался там. Денег с тебя не возьму. Поможешь с моим делом — и свободна. И «спасибо» сказать не помешало бы.

— Спасибо? — выпучила глаза, подавляя желание резко выпрямиться. Повозку как раз качнуло, да и не хотелось лишней раз светить королевской обувкой. — За что? За то, что ты похитил меня?

— Т...

Бывший стражник, запнувшись на полуслове, будто его что-то сбило с мысли, резко встал. Быстро преодолев расстояние между нами, он рывком поднял меня с пола, впечатав в балку, составляющую скелет транспорта. Ледяной, полный ненависти, взгляд обжег до мозга костей. Мозолистая рука с силой сжала шею.

— А ну, живо принимай свой настоящий облик, скользкая тварь.

Захрипела, отчаянно царапая его руку и пытаюсь вернуть доступ к кислороду, чьи запасы истощались с каждой секундой сопротивления. Перед глазами заплясали пятна, глаза

запекло. Волна слабости пронеслась по телу.

Я остро осознала, что, если он надавит еще сильнее или это продлится на пару минут дольше — мне конец.

25

Парень отпустил мою шею так же резко, как схватил. Рухнула на пол, кашляя и потирая пульсирующие мышцы.

— Ты... больной...? — прохрипела я, метнув в незнакомца с маниакальными наклонностями испепеляющий взгляд.

— Надо было убедиться, что ты человек, — блондин пожал плечами, взъерошил свои волосы цвета жженого сахара с золотым отливом, и вернулся к своему занятию.

Меня пронзило острое желание вырвать из его рук серебряный клинок, и вонзить ему в... Убить его у меня духу не хватит. А вот полоснуть лезвием по руке или ноге — вполне.

Горло саднило, из-за это ужасно хотелось пить. Будто прочитав мои мысли, или, может, заметив, как я облизываю губы, лжестражник швырнул мне под ноги кожаный мешочек с водой. Осторожно пригубила — но никого странного привкуса не было, обычная родниковая вода, без примесей хлора и железа, что течет у нас по городским трубам. Еле удержалась, чтобы не осушить бурдюк до дна.

— В первый раз встречаю человека, который питал бы нежные чувства к этим тварям, — пробормотал он, не смотря на меня. Можно было подумать, что он говорит сам с собой, но уж больно четко он произнес брошенную фразу.

— Слу... шай, ты... — язык все еще плохо слушался, в голове пульсировало, а каждый звук давался с трудом, но мой взгляд, я уверена, справился с передачей нужной интонации.

— Гавриил, — небрежно бросил парень. — Друзья зовут Ганя.

Гневная тирада, складно сложившаяся в голове, повествовавшая о нетерпимости и предвзятости, рухнула как карточный домик. Я запнулась.

— Э... Эм... Кхм. А я — Геня.

Геня и Ганя. Ну, надо же. Если это шутка Мироздания такая, то я ее не поняла.

— Ты все равно не прав, Гавр, — порядком подрастеряв свой пыл, продолжила, намеренно сократив его имя и не воспользовавшись прозвищем. Сцена знакомства, несмотря на его попытку задушить меня, сократила расстояние между нами. Ровно на шаг, не больше. Но... Я не могла злиться, не узнай причину ненависти этого парня к зверолодам. А причина должна быть.

Помедлив, он ответил. Его голос, чистый, лишь немного разбавленный низкими нотками, будто только недавно сломавшийся, вибрировал от раздражения.

— Не тебе рассуждать, прав я или нет, подстилка чудовища.

Пропустила грубость мимо ушей. Наблюдая уже знакомое движение — Гавриил снова сжал пальцы в районе груди так, словно хотел ухватиться за невидимый кулон.

— Ты кого-то потерял? — наклонив голову, спросила я, пододвигаясь ближе — между нами все еще оставалось приличное расстояние, насколько позволяла ширина повозки, но я уже не жалась к стенке, как в первые секунды после того, как он ослабил хватку.

Гавриил отвернулся. Так, как если бы слева от него было окно, и он силился рассмотреть что-то далеко за горизонтом.

Пауза затягивалась. Тишина, циркулировавшая по пространству, когда металлический лязг прекратился, начала давить на уши. Кусала губы, чтобы не разорвать ее в неуместном

вопросе — как-никак, оружие, способное оставить пару колотых ран на теле, имеется у моего похитителя, а не у меня.

— Да, — короткий ответ разрезал тишину так внезапно, что я невольно вздрогнула. — Ее отдали в жертву королю этих тварей в прошлом году...

Из-за накрывшего меня облегчения, я чуть не рассмеялась во весь голос.

Так это же отлично! Если ее сделали «жертвой» Лайонела, то она точно жива и здорова. Если, конечно, с ней не случилось что-то плохое... Я, наверное, ошарашу Гавра, если скажу, что ей, скорее всего, причинили вред люди, а не хаимцы...

26

— Что? — заметив изменения в моем лице, Гавриил пристально посмотрел на меня. — Хочешь что-то сказать?

— Да, — призналась, на языке так и зудело желание сказать правду. Только, вот... Обрадует ли она его... Ведь если девушка жива и здорова, и после того, как Лай отвел ее к границе, она не сообщила своим любимым, что в порядке... Интересно, как это происходило у других «жертв»? Они просто возвращались с радостными криками «Я дома!», вызывая лавину обмороков у скорбящих родственников? Даже не могу представить... Но не думаю, чтобы кто-то из людей добровольно избавлялся от своих детей...

Гавр терпеливо ждал, когда я вынырну из потока мыслей, продолжая сверлить меня взглядом, в котором горели искры нетерпения. Пальцы, сжимающие рукоятку заточенного меча, угрожающе подрагивали, готовые в любой момент обрушить на меня всю мощь этого оружия. Прямо смертельная викторина. Дашь неправильный или неподходящий ответ — и все. Кранты.

Сглотнула, остро чувствуя всю глупость неподавленного порыва. Попыталась увести тему в другое русло:

— А твоя... подруга... жила в хорошей семье?

— При чем тут это? — парень нахмурился и напрягся, как дикий зверь, готовый в любой момент напасть.

Ладони моментально вспотели. Вот что я за дура такая? Выразила бы сочувствие, как все люди... А он пусть сам справляется со своими проблемами...

— Да так... — отвернулась к стенке повозки, через щели которой проглядывал зеленый свет. Судя по усилившемуся запаху хвои и сорных трав, разбавленному медовыми ароматами цветов, мы ехали через лес. Дорога, на удивление стала ровнее, и повозка больше не подпрыгивала на каждой яме. И судя по тому, что извозчик стал напевать под нос какую-то песенку — он расслабился, а значит, мы приближались к границе. Ведь до этого сообщник Гавра, сидевший спереди, не произнес ни звука. Вообще, казалось, будто повозка едет сама.

Так... Надо решить, когда лучше дать деру, а не вести душевные беседы...

— Знаешь... — лязг металла о металл заставил поежиться: Гавриил провел режущей кромкой кинжала по лезвию меча, — меня раздражают лгуны. Настолько, что потом они гниют в каналах с перерезанным горлом. Говори.

— Ее не убили, — выпала сразу же после слова «перерезанным». Человек, который не боится ближнего с ножиком, либо бесстрашный дурак, либо имеет ножик в разы больше. А у меня даже шпильки нет...

На удивление Гавр не стал рычать, вскакивать с места или использовать мое парализованное на миг страхом тело в качестве мишени. А только усмехнулся.

— Это тебе твой женишок сказал?

В голубых глазах парня промелькнула тень застарелой боли.

— Я точно знаю, ведь...

Договорить мне не дал кучер, что все это время притворялся механической деталью повозки, отвечающий за направление и подстегивание лошади.

— Гань, приехали! Дальше пешком пойдете! Мне нужно в Святой Арсентий, по этой дороге не проеду...

Святой Арсентий? Это город такой? Хотя чему я удивляюсь, у нас такие названия населенных пунктов по стране гуляют... Чего стоят Хохотуй и Бухалово. Помню, папа в ступор впал, когда я их использовала в игре в города.

— Хорошо, — бессмысленный кивок и дернувшиеся желваки подсказывали, что возможно, я что-то зацепила.

Может, он мне поверит...

27

Бодро спрыгнула с повозки и угодила прямо в грязь: видимо, не так давно в окрестностях прошел дождь. И пока вытаскивала ноги из хлюпкой жижи — осторожно, чтобы не остаться босиком — нашла даже в этом своеобразный плюс. Теперь моя королевская, удобная по посадке обувь и убийственная в гололед из-за скользкой подошвы, неотличима от деревенской. Теперь можно газелью убежать от похитителя. Можно, но... Так хотелось рассказать Гавру, что с его подругой все в порядке, в чем я была уверена процентов на 90 %. Поэтому я подсознательно оттягивала этот момент, да и блестящий в лучах заходящего солнца клинок решимости совершить отчаянный шаг не прибавлял.

— Эм... — издала нечленораздельное мычание, попутно руками сохраняя баланс, перепрыгивая с камня на камень — Гавр такой ерундой не занимался, а просто пересек широкий ручей вброд.

Прикусила язык, когда поймала прилетевший в меня недовольный взгляд хозяина Ада — от него даже адские котлы от страха остынут. Это красноречивее всего говорило о том, что тема закрыта. Ладони опять в страхе вспотели, но, видимо, последние события серьезно повредили мой инстинкт самосохранения.

— Твоя подруга жива, — быстро произнесла, вскинув ладонь: надеюсь, что он даст мне договорить прежде, чем метнет в меня кинжал. — Да погоди ты...

Парень промолчал и, вместо того, чтобы вылить на меня чан едких слов, приправив их ножевыми ранениями, просто ускорил шаг. Да так, что мне пришлось его догонять. Видимо, Гавриил решил, что лучше бросить меня здесь на съедение...

Так...

Кто у нас обитает близ Трина? Там, где на границе протекает река... Вулвзы. Обширный клан, управляемый хаубисом Ану, отцом Ару, Зэффа и Алима. Значит, я могу попытаться сбежать и найти родственничков-наемников, если они не направились в Ливахайм вместе с отцом...

Остановилась, обдумывая все. Даже правда о «жертвоприношениях» отошла на второй план. К тому же, если ее узнает человек, ненавидящий Хайм, кто знает, что может случиться. Люди живут в страхе перед «ужасными монстрами, обитающими по ту сторону границы. Которыми правит жуткий зверь, пожирающий девственниц в полнолуние»... Уверена, подобная сплетня гуляет по все стране Маннов. То, что их король согласился на это,

странно, но... Что будет, если до него дойдет правда, что его водят за нос? Как он поступит? Пойдет войной? Или, наоборот, заключит мир? Кто знает....

Но одно было ясно — я не вправе выдавать чужой секрет. Даже если это значит, что один колючий парень так и останется с зачерстевшим, треснутым сердцем...

Может, если я помогу ему вернуть ту вещь...

Додумать мысль мне не дал звук топора, рубанувшего ствол, смешавшийся с победоносным кличем и мужской гоготом. Под ложечкой засосало.

Ну, все... Теперь на меня еще нападут дровосеки-разбойники...

Но звуки не приближались. Оглядевшись, нашла пострадавший дуб, от его кроны как раз взметнулась стайка каких-то пугливых птичек. И там же, меж разросшихся ветвей, гнущихся к земле, мелькнул знакомый меч, украшенный рубинами.

Ринулась туда. Сразу не подумав о том, что люди, чьи голоса я слышала, могут быть как друзьями Гавриила, так и настоящими бандитами... Хорошо, что я вовремя опомнилась, как раз у зарослей кустов, щедро усыпанных красными ягодами — чем-то похожими на кизильник — пригнулась, затаив дыхание.

— Ха, не думал, что ты вернешься, задохлик, — рыжеволосый здоровяк сплюнул на землю, поигрывая топором, будто бы тот практически ничего не весил. Именно он оставил внушительную зарубку на старом стволе, справа от плеча Гавра. Голову даю на отсечение, но дуб попал под удар случайно. А этот бугай целился именно в Гавриила.

— Соскучился по твоей кривой роже, Пирр, — парировал Гавриил, потирая покрасневшую скулу.

— Не шути со мной, — ощерился бородач, закидывая на плечо на топор, двое его дружков — тощий, словно скелет с впалыми щеками и мышинного цвета волосами, и кудрявый брюнет, почти таких же размеров, что и рыжий, напряглись, вскидывая свое оружие: лук и булаву.

— И не думал.

Гавр говорил спокойно, даже насмешливо. И пока по моей спине градом лился пот, а в голове мелькали картинки возможного скверного исхода событий, он расслабленно прислонился к шершавому стволу, словно и не существовало никакой потенциальной опасности.

— Слушай, мне некогда играть с вами, — ответил он, делая шаг вперед, непринужденно кладя левую руку на свой изогнутый меч. — Дай пройти.

Тут в ветвях, усыпанных листьями, уже наполовину поменявшими свой зеленый цвет на желтый, что-то мелькнуло. Я не расслышала, что ответил рыжий: кровь, в панике забившаяся в висках, заглушила все остальные звуки, как только я смогла разглядеть наконечник натянутой стрелы, направленной прямо на парня.

— Гавр, берегись! — заорала как потерпевшая, резко вскакивая.

К счастью, у прятавшегося стрелка сбилась прицел — от моего истошного крика или внезапного появления — и стрела лишь зацепила лжестража за плечо.

Дальше все завертелось: закончился обмен «любезностями» и мужчины вступили в схватку. Мелькали руки, ноги, лезвия, перемежаясь с криками и неизвестной мне заправской руганью, начинавшуюся с «Ах, ты...». Гавриил, казалось, превратился размытое черное пятно. И хоть его скорость явно была не сверхъестественная, за его движениями сложно было уследить. Надо признать, что, видя, как проворно двигается Гавр — успевая уворачиваться от стрел, сыпавшихся с двух сторон, и отражать атаки булавы и топора, будто

они были сделаны из картона — я усомнилась в разумности попытки побега. В меня тут же полетел бы один из метательных ножей, что сейчас вошел в лодыжку мужика с булавой, от чего тот потерял равновесие и повалился на землю. Завидев это, первый стрелок по комплекции явно не отличавшийся храбростью, тут же бросился наутек. А Пирр, получив порцию подсохшей грязи и палой листвы в лицо, уронил топор и рухнул рядом со своим товарищем.

Гавр остановился. И тут же пресек попытку Пирра — тот пытался продрать глаза одной рукой, а другой дотянуться до рукоятки топора. Раздался противный хруст ломающихся костей и крик, похожий на рычание яростного медведя.

— Это ты... Ты виноват... — почти прошипел Гавр, отталкивая кудрявого, пытавшегося защитить друга, ударом эфеса меча по носовой перегородке. Следующим был Пирр. Парень с силой пнул его прямо к корням могучего дуба. И занес меч.

Но тут его вдруг что-то отвлекло, и он вскинул голову. Дальше все словно превратилось в нарезку из стоп-кадров.

Шелест потревоженных листьев.

Свист рассекаемого воздуха.

И стрела, стремительно летящая мне в грудь.

28

Все случилось за долю секунды, я только и сумела что моргнуть. Сверкнуло лезвие, перебив стрелу и вонзившись в сырую землю в двух метрах от меня. Следующий нож полетел в темную фигуру, мелькнувшую меж деревьями. Стрелок со вскриком полетел вниз. Скорчившись на земле, он схватился за пораженное плечо.

— Идем, — Гавр дернул меня за руку, насильно вырывая из лап накатившего ступора.

— Куда? — спросила вскользь, все еще нервно оборачиваясь на поток проклятий и стонов.

— В Тарру, куда же еще, — ответил он, разжимая пальцы. Потерла запястье: оно еще пульсировало после крепкой хватки. — Где-то 30 верст в ту сторону.

— Сколько? — переспросила, не поверив ушам, проследив направление вытянутой руки, указывающей на другой конец прогалины, где заходящее солнце золотило плавные изгибы сопки.

— Это примерно часов 8 пути, — снимая головную накидку и ослабляя ворот, ответил он. Уходящие лучи сразу заиграли в его русых волосах, делая их на тон светлее.

Да уж... Восемь часов напряженного молчания? Я же столько не вынесу... И правда, стоило нам достигнуть другого края поляны, где начинался прямо-таки непроходимый бурьян, я не выдержала.

— А кто это был? — спросила, невольно обернувшись. Хотя это было и глупо: преследовать нас эта компания уж точно не собиралась. Ведь судя по тому, как Гавр ловко отбил летящую стрелу, он с легкостью мог убить их.

— Кто? — парень ловко проскочил над поваленным лысым деревом. — Пирр и компания? — ухмылка на миг озарила лицо Гавра, но была она горькая, словно в этот момент его одолевали грустные, болезненные воспоминания. — Гордый пограничный патруль Тарры. А на деле — те еще выродки. Ставят ловушки за пределами границы, охотятся на живущих там скадусов [skadus (гот.) — тень]. Скадусы мирные, обитают в кронах старых деревьев. Они ловят их, отрезают им хвосты и бахвалятся своими победами

над большими и страшными существами, — лицо с мягкими чертами скривилось, линия скул стала острее. — Попробовали бы они сразиться в честной схватке с байрой или вулвом, тогда и называли бы себя «Охотниками на диусов».

— Ты их осуждаешь? — вопрос напрашивался сам собой: на его лице все и так было написано. — Я думала, ты ненавидишь жителей Хайма...

— Не всех, — ответил он, осторожно отгибая ветки дерева, затрудняющего проход. Я только сейчас заметила, что в сгущающихся сумерках, Гавр передвигался по лесу достаточно свободно: как будто парень был близко знаком с этими местами. — До 12 лет я рос в клане вожака Ану. Моя настоящая мать бросила меня новорожденного в Хультском Лесу. Видимо, надеялась, что меня сожрут вулвы. Руфь, жена Ану, нашла меня и взяла к себе. В то время не было никаких безумных жертвоприношений, или же их проводили с меньшим пафосом.

— Ану? — вспомнился тяжелый и суровый взгляд желтых глаз, направленный на меня. Не верится, что он мог принять в свою семью человека. Тем более, что в нем, как и в Зеффе, было больше от волка, чем от человека. Чего только стоила вытянутая волчья морда.

— Он только на вид такой грозный, — на этот раз улыбка вышла теплой.

Я в очередной раз споткнулась, не заметив в потемках торчащий из земли корень.

— Что толку петлять по этим зарослям? Скоро окончательно стемнеет, — заметила, потирая ушибленное колено. — Мы ползком дальше пойдём?

— Привал будет только через пару часов. В чаще есть заброшенная сторожка, там и переночуем, — бросил через плечо Гавр, за секунду до того, как я налетела на него сзади: его черные одежды сливались на фоне темных стволов деревьев.

— Может, ты придумаешь, чем нам осветить путь? — поинтересовалась жалобно, сдвув с лица упавшую прядь. Сломать нос или подвернуть лодыжку как-то не хочется... — А то я, чего доброго, себе все кости переломаю.

— Легко, — Гавр не стал упираться. Тембр мужского голоса смягчился, в нем послышалась улыбка. Почти неосязаемая, как и его силуэт.

Остановилась, ожидая загадочные хитросплетения рук или магические искры. Или хотя бы театрально выуженный из-за пазухи фонарь. Но вместо этого Гавриил провел ладонью по ближайшему дереву. Инстинктивно отпрянула, как только вихрь красно-желтых огоньков пугливо взметнулся вверх и вперед через бурелом к следующему дереву. Живые искорки принялись беспокойно переливаться дрожащим светом на новом месте.

— Что это? — приросла к месту, захлопав глазами от удивления.

— Ламповые жуки. Они обычно прячутся под корой дерева тайрв [tairw (гот.) — сосна], и если их дом потревожить, они быстро перелетают на другое место. В этой части леса их полно.

— Красиво... — подошла ближе, разглядывая светящиеся козявок. Жучки были похожи на наших короедов. Только у этих было более округлое брюшко, и они мерцали, словно светлячки.

Парочка испуганно встрепенулась, на мгновение осветив голубые глаза парня. Стало неуютно. Нет, в них не было ни злобы, ни отвращения. Он смотрел так, будто бы моя реакция тронула его. Правда, длилось это всего секунду. После чего его лицо стало жестче, и он молча двинулся дальше. Мне даже подумалось, что обманчивый свет сыграл со мной злую шутку.

Больше мы не разговаривали. Когда лес значительно поредел, а луна вышла из-под облаков, засияв во всю силу своего блеклого света, я заметила покосившееся строение,

больше напоминавшее сваленные в кучу деревья или берлогу медведя, чем жилое место. В принципе ничего удивительного, это зимовье ведь заброшено...

Внутри пахло сыростью и гнилым деревом, щербатый потолок пропускал внутрь серебристые лучи, в щелях в стенах гулял сквозняк. Я не отдавала себе отчета в том, насколько продрогла в лесу, стоявшем на пороге осени, пока не оказалось в остывшей оболочке некогда гостеприимного лесного домика. Растирала плечи, пытаюсь вернуть ускользящее тепло, морально готовясь к долгой и холодной ночи.

Слуха коснулся стук камня о камень, когда я обводила взглядом темнеющие углы. Показалось, что даже дымом потянуло... Обернулась. Гавр стоял на коленях у старого, полуразвалившегося камина, в котором робко разгорался оранжевый огонек.

Парень взмахнул рукой, и огонь вспыхнул с удвоенной силой. В этот раз я сразу поняла, что это не магия. Гавриил использовал очередной порошок. Мешочки, тесно жавшиеся друг к другу, украшали его пояс, прятавшийся под широким кушаком, вместе с небольшой котомкой.

Села рядом на остатки какой-то лавочки или стула, протягивая руки приветливому огню.

— Вот, — перед самым носом появился чуть подсохший кусок хлеба.

В животе требовательно заурчало. Поблагодарив парня, вгрызлась в угощение, чувствуя, как бунт в желудке сходит на нет.

Может, я потихоньку сходила с ума, но последние остатки дискомфорта и страха куда-то испарилась.

Запив тревожный ком из непонятных чувств любезно предложенной водой из бурдюка, ощутила, как глаза слипаются от усталости. Съежилась на доске, на которой сидела.

Стыд за свое молчание вспыхнул и тут же погас.

Нет, я не могу выдать чужую тайну. Не могу придать Лая...

Касание легкой ткани — последнее, что я почувствовала прежде, чем провалиться в сон.

29

Утром, вместе с перекличкой птиц и звуками возни проснувшихся лесных обитателей, до моего слуха донеслось звериное рычание, крики и уже знакомый металлический лязг, противнее, чем скрежет вилки о зубы.

Выбежала наружу, до треска натягивая черную ткань на плечах: увиденная картина бросила в дрожь не хуже промозглого утреннего воздуха.

Мужчина-лев и парень, едва перепрыгнувший через забор зрелости, сцепились в яростной схватке. Деревья дрожали от каждого пропущенного удара, приходившегося на их влажные, после прошедшего дождя, тела. Потревоженные капли, висевшие на иголках рядом стоящей сосны, в беспорядке срывались с насиженных мест. Изрядная часть влаги обдала мое лицо, когда когти встретились со сталью. Столкновение было насколько мощным, что пошла искры, а сводящий зубы звук разнесся эхом среди деревьев.

— Прекратите! — согнав оцепенение — с примесью радости от того, что Лай нашел меня, и со щепоткой страха за Гавра — и прочистив горло, привлекла к себе внимание криком, испугнувшим тех зверей, что остались сидеть по своим норкам.

— Геня... — Лай обернулся, облегчение вырвалось из его легких вместе с воздухом. Который тут же сменился болезненным, шипящим рыком: зиуданс отвлекся и пропустил удар.

Рванула с места — да так стремительно, что сознательная часть все еще осталась наблюдать со стороны, стоя на разваленном крыльце. А как еще можно объяснить то, что в голове даже не промелькнула мысль, что контрольный удар занесенного изогнутого меча попадет прямо по мне? Куда делся мой рациональный страх перед потенциальной опасностью?

Все ушло на второй план, стоило коснуться его. Всего в пыли, грязи и каплях дождя. Моя ладонь легла на потрепанный сюртук, лишенный пару золотых пуговиц. Воздух будто застыл. Мое бешено колотящееся сердце отбивало ритм в висках, его — стучало в раскрытую ладонь. Кажется, этот стук заполнил все пространство, а я почувствовала, как тону в медово-карих глаз.

— Ты...? — начали мы оба, и тут же отвели друг от друга взгляд.

Лай снова посмотрел на меня — я кивнула. Было и без слов понятно, каков был так и не заданный вопрос.

Гавриил, стоявший позади, точно был потрясен: меч не располосовал мне спину, и никаких комментариев не последовало. Правда я слышала, как он дышит мне в затылок, словно бешеный бык: давя рвавшийся наружу словесный поток.

По ощущениям, скрипя, словно не смазанная дверь, развернулась. Я почти угадала: Гавра, и правда, распирало от переполняющих эмоций. Только вот, он не был растерян. Он был зол.

— Отойди, — его голос опасно зазвенел. Хотя ни на тон не повысился. От тяжелой атмосферы так и искрило вокруг. А мышцы на его ведущей руке в обрамлении ошметков убитого рукава, зловеще перекатывались под кожей, покрытой белыми полосками старых шрамов.

Лай, сжавший мои предплечья, будто готовясь в любой момент оттолкнуть меня в сторону, напрягся, подобно дикой кошке перед прыжком.

Я же страха не чувствовала, только давящую силу давних и долгих предупреждений, обильно поливаемых ксенофобией. Лайонел видел в Гаврииле охотника на его сородичей, вора, проникшего в его дом. А Гавр видел чудовище. Но одно было ясно на 100 % — пока я стою между ними, они не станут нападать друг на друга.

— Ты должен ему все рассказать, — произнесла, пытаясь установить зрительный контракт с парнем, сжимающим рукоять меча до побелевших костяшек.

30

— О чем рассказать? — Лай говорил спокойно, только его голос чуть подрагивал.

— Правду о жертвоприношениях.

Гавриил дернулся, будто ему иглу загнали под ноготь. Лайонел же, коротко сжал мои плечи, с шумом выдохнув. Ужасно захотелось обернуться и прочитать эмоции на его лице. Злитесь ли вы? Разочарованы, что я не смогла сохранить тайну? Или в его теплых глазах плещется глухое раздражение, за фасадом которого кроется желание побыстрее избавиться от той, что доставляет ему проблемы?

Съежилась, прикусив внутреннюю сторону щеки. Чтобы он сейчас не сказал или не подумал, я это заслужила.

Но вместо упреков, получила нежное касание. По затылку тут же пробежали мурашки. Зиуданс выступил вперед. Теперь от Гавриила меня загоразживала широкая спина.

— О ком ты хочешь узнать? — голос Лая был мягким и спокойным, словно и не было

той драки несколько минут назад. А с краев его разорванного в районе лопаток камзола не стекла кровь. Успокаивало одно — удар меча больше повредил костюм из плотной ткани, чем Лайя.

Шагнула чуть в сторону, чтобы Гавр оказался в поле моего зрения. Он побледнел, терзая зубами нижнюю губу. Руки, все еще державшие меч и кинжал, била мелкая дрожь.

— Как будто ты их всех помнишь... — прохрипел он.

— Конечно, — ответил Лай. Полшага — и вот я, снова нахожусь за живой каменной стеной.

Детский порыв запрыгать от возмущения вырвался недовольным фырканьем. Я бы, может, даже высказала бы свои претензии, но ответ Гавра сбил с мысли.

— Конечно? Конечно! — взорвался парень, принявшись расхаживать туда-сюда, порывисто дыша от нахлынувших чувств. — Еще скажи..., что тебя... мучают муки совести?! Ты, бессердечная тва...

Договорить он не успел. Лайонел одним рывком впечатал его в дерево.

— Послушай, мальчик, — его глаза оценивающе сощурились, а голосе похолодел на несколько градусов. — Я могу свернуть твою шею одним движением. Почему же я этого не делаю? — я потянула за рукав темно-фиолетового сюртука: Лай не стал сопротивляться и отпустил парня. — Раз я, как ты считаешь, монстр, пожирающий невинных девушек, почему же ты еще стоишь здесь — живой и невредимый, — Гавр возмущенно открыл рот, но зиуданс будто прочел его мысли и продолжил: — И не говори, что это благодаря твоему мастерству. Не спорю, ты хорош для своего возраста. Но если бы я хотел тебя убить, то убил бы.

Гавриил стрельнул глазами в мою сторону, будто через меня пытаюсь узнать, нет ли в словах правителя Зверолюдов подвоха и лжи.

— Хочешь сказать, она говорила правду? — парень кивнул в мою сторону. Стало неуютно, жар стыда обдал шею. А я-то думала, он игнорировал мои попытки сказать ему, что его подруга жива.

— Про кого ты хочешь узнать? — повторил свой вопрос Лай тем же мягким, тягучим тоном. Искры гнева и раздражения потухли, так и не разгоревшись в пламя.

— Артурия... — Гавр снова мазнул рукой по груди, будто касаясь кулона. — Если она жива... Почему она не вернулась в Тару?

— Артурия... — Мне показалось или в его голосе послышалась добрая ухмылка? — Помню, что она сказала. «Если собрался жрать меня — не стой столбом». Да еще таким тоном, будто в противном случае она сама бы мне голову оторвала. Столько смелости и ни капли страха...

Слотнула едкий привкус слабой обиды на языке. Я наивно предполагала, что я одна не визжала резаным поросенком. Моя уникальность упала процентов на 30 %. Словно уловив мою реакцию, Лай, даже не поворачивая голову в мою сторону, протянул руку и чуть сжал мои пальцы, прежде чем продолжить.

— Она сказала, что ее больше ничего не держит в родном городе. Там ее ждет скучная жизнь и ненавистное замужество. И «жертвой» она стала за то, что плюнула в лицо своему будущему жениху, — Гавриил в ответ слабо улыбнулся, но взгляд его по-прежнему блуждал где-то зарослях травы под ногами. — Артурия попросила отвезти ее в Стаирно.

Гавр, вонзив меч в землю, рухнул на колени, когда весь смысл сказанного достиг его.

— Жаль, что так вышло, — выдержав паузу, необходимую Гавриилу, чтобы справиться со

своими эмоциями, Лай протянул ему руку, помогая встать. — Ты отличный воин и можешь со временем заслужить чин у своего короля, если вступишь в его армию, — Гавр дернулся, скрипнув зубами, мысль о службе на короля была ему неприятна. От зиуданса это не ускользнуло, как и вежливый, сухой кивок парня. Лай едва заметно улыбнулся: — Или ты можешь стать одним из моих гадраутсов [gadrauhts (гот.) — охранник]. Как ты уже заметил, будущая Квенса нуждается в защите. Я был бы горд, иметь такого стража в своем замке.

31

— Светлейшая, вставайте, — нетерпеливый голос над ухом раздражал. Бессонная ночь усилила эффект в несколько раз. Накрыла голову подушкой и перевернулась на другой бок.

Еще пару минуточек... Какие же тогда плюсы в таких роскошных покоях, если нельзя лишний часок понежиться на королевской перине?

— Геня! — к строгому, но с ласковыми нотками, голосу Милагреш, добавились звонкие тона Сако. Ну, хоть она за эти две недели перестала звать меня «Светлейшая, свет очей наших и так далее». Что не скажешь о правильной Миле.

— Сегодня нельзя опаздывать, — с нажимом добавила старшая служанка. Почувствовала, как мягкий голос начинает твердеть.

А как будто в другой день можно... Никто из них и не подумал, что, если я пойду на ритуал Вызова — опухшая и не выспавшаяся, ни один уважающий себя обитатель Теневого Мира, просто не откликнется на мой зов. Вообще дурацкая затея... Человек, призывающий... Как их там Лайонел назвал... О, он даже любезно презентовал мне потрепанный изъеденный плесенью и временем томик Исчезнувших Тайкинов — чудо-животных, обитающих на землях Хайма. Согласно легендам и тому факту, что представители главных родов с переменным, но все же, успехом призывают подобных существ, они не вымерли, а обитают в Теневом Мире, вместе с Огнептицей, Фуглис Люихаз, исполняющей там роль небесного светила. И именно из недр этого неведомого мира и я должна буду призвать себе фриондса (друг), или фамильяра по-нашему.

Милагреш, уставшая ждать, когда я выберусь из-под одеяла, сорвала его и принялась распахивать ставни. Потянулась, зевая во весь рот и садясь на кровати. Сакорру упорхнула в ванную, откуда уже доносился плеск воды и цветочное благоухание.

Последний раз эти двое так суетились перед Советом, на котором зиуданс фактически объявил меня своей женой.

Вздыхнула, пытаясь глубоким вздохом восполнить запасы терпения и спокойствия. В тот раз меня приводили в «достойный», по словам Милы, вид целую вечность. В который раз посетовала на то, что здесь нет интернета и даже древних кассетных плееров. Все бы отдала, чтобы скоротать время, отведенное на изнуряющий королевский туалет, за чем-то интересным. Помню, я об этом заикнулась — и мне всучили нечто наподобие геометрической мозаики. Только узор был раз в десять сложнее: настолько мелкий, что без наглядной картинки, там черт ногу сломит, а при любом лишнем движении картина съезжала, и приходилось начинать заново. Если кого-то такое занятие успокаивает — то меня оно лишь раздражает. Дали бы еще ненавистные с 13 лет пальцы и вышивальные нитки.

Еще раз вздохнув, подгоняемая Милагреш, поплелась в ванную. Изумительная молочно-белая вода идеальной температуры согнала нервное напряжение, копившееся с момента пробуждения. Конечно, этот эффект вряд ли продлится долго, но я хотя бы могла

расслабиться в горячей воде, вдыхая ароматы масел: холодные, тягучие, дурманящие, разбавляемые нежными запахами плавающих в воде лепестков.

Закрыла глаза, погружаясь в вялый, распаренный в душном воздухе, поток собственных мыслей, вода пальцами по инкрустированному золотом и драгоценными камнями бортику купальни, то и дело, цепляясь взглядом за мраморную птицу, усевшуюся на ряд краников для подачи воды, масла и других загадочных смесей. Не успела я сполна насладиться инертным состоянием, как в помещение, вместе со сквозняком, влетели Сако и Мила.

Слава Богам, они не стали разукрашивать меня странной косметикой, от которой чесалось лицо. Вместо этого, обильно намазали его какой-то розовой глинистой жижей с запахом жженой редиски и чего пахучего, отдающего морской солью. Эта чудо-смесь освежила лицо, полностью убрав тени под глазами, придав коже более здоровый, бодрый вид. Кажется, даже в висках прекратило противно стучать. Волосы мне оставили распущенными, лишь приколов к ним заколку-вуаль, скрывающую чуть больше половины лица. На мою радость платье было довольно простым — похожее на то, в чем меня привели в тот подвал для жертвоприношений, только лив был выполнен из кружева и вышит белыми и золотыми нитками. И снова с преследующим меня силуэтом Огнептицы.

Понимаю, что у меня просто шалют нервы, натянутые в ожидании, но... Последние два дня образ Фуглис Люихаз мелькает везде с раздражающей частотой. Или я сама невольно выискиваю ее силуэт в предметах интерьера и одежды? Может быть, и на платье вышит какой-нибудь местный павлин, а не Божественная Птица...

Приглушенный спор за дверью отвлек от разглядывания наряда, в попытках убежать от то и дело вспыхивающего панического блеска в глазах моего отражения в зеркале.

Мои два телохранителя снова что-то не поделили... Ару, упросившая отца разрешить ей вступить в гвардию зиуданса, чуть не расцарапала Гавру лицо, стоило ей разглядеть в неподвижной фигуре, почти слившейся со стеной, своего друга детства и названного брата. Как оказалось, в детстве они были очень дружны. И когда Гавриил покинул клан Ану, ничего ей не сказав, это очень ранило девушку. Гавр же был рад тому, что Лайонел приставил волчицу беречь мою жизнь вместе с ним. Правда, виду не подал. Но с тех пор, на него все реже опускалась тяжелая завеса грустных воспоминаний об утерянной любви.

— Ты должен носить уставное оружие! — прошипела Ару, пряча выбившуюся косу за полу головного платка, напоминающего арабскую куфию (мужской головной платок).

— Хватит того, что я ношу эти дурацкие тряпки, — ответил парень, даже не подумав скрыть от глаз приметный клинок.

Ару рыкнула, помянув своего предка Зеэва и кинув что-то про упрямого асилуса (осел), которому однажды из-за треклятого клинка перережут горло.

Сако закатила глаза, а Мила попросила грозную стражу быть серьезнее, чем тут же понизила громкость привычной перепалки. Теперь Гавр и Ару перекидывались взглядами и многозначительными жестами.

Я же почувствовала себя немного лучше. Раз уж эти двое, что за эти две недели умудрились впасть в подростковый возраст, ведут себя непринужденно, как обычно перебрасываясь колкостями, тогда мне не стоит бояться предстоящего ритуала. Поежилась, поправив легкую накидку, из того же материала, что и вуаль. Идти одной — не считая своей неизменной свиты, состоящей из трех хаимок и человека — было неудобно. В прошедшие недели Лай лишнюю свободную минутку выкраивал, чтобы побыть со мной. Даже порой игнорировал нетерпеливое синее мигание браслета, которое означало, что фродаз Амнон

топчет ковер в его кабинете, в таком же темпе постукивая ногтем по столешнице. Обычно мы с ним катались на Нео, гуляли в Садах в чаще Хультского Леса, где отец Лайя создал для своей жены немислимый, просто волшебный маленький мирок, населенный растениями и деревьями со всего света. В самом центре находилась небольшая уютная усадьба, овитая сочно-зеленым плющом с фиолетовыми цветами-граммофончиками.

Вот бы сейчас оказаться там, а не вышагивать по едва освещенному коридору, с прячущимися по углам зловещими тенями.

Коснулась взглядом браслета на руке, похожего на тот, что был у Лайонела, рядом висел колокольчик, что дала мне Сако, и который я забыла одеть перед Советом, где собрались хаубисы Шести Земель. Камень, вставленный в металл, подмигнул приветливым янтарным светом. Это означало, что Лайонел ждет меня за дверью, чьи очертания в свете факела в руках Гавриила, с каждым шагом проступали все четче. Я даже не удивилась, признав в ней ту самую дверь с трещиной и головой Огнептицы посередине.

Ну, конечно. Других мест, чтобы провести ритуал, не нашлось...

32

Облизала пересохшие от волнения губы, проходя в скудно освещенный подземный зал. Я ошиблась. Не спорю, помещение явно похоже — такое же мрачно-серое, освещенное дрожащим светом свечей и факелов, с каменными скамейками у стен. Но это было не то самое место, в котором Лай каждый месяц запирался, чтобы скрыть ото всех, что он только наполовину хаимец — ни старых пятен крови, ни жуткой конструкции с металлическими желобами на полу.

Стоит столько вспомнить. Жуть... А Лай провел в нем не одну ночь... Ведь в полнолуние человеческая кровь его матери брала над ним вверх. Возможно, его подданные могли смириться с тем, что у их правителя по-человечески гладкое лицо — про другие части тела они вряд ли знают, ведь он носит наглухо застегнутые рубашки со стоячим воротником и перчатки. Да и я, если честно, видела только его «человеческие» руки, с одной оговоркой — ногти на них могут увеличиваться, и быть достаточно грозным оружием и легко выдержать удар клинка. Но даже в необычной внешности среди Зверолюдов в Лайе есть и общие с ним черты: помимо львиной переносицы и тонких губ с мелькающими клыками, кончики заостренных ушей — хоть я и не сразу это заметила из-за густых волос — были покрыты мехом. И глаза. Не знаю, я могу ошибаться — ведь видела я его в человеческом облике лишь раз — но у Лая-человека они чуть другие, более карие: в них меньше янтарно-желтых вспышек. И если эти изменения казались заметными даже мне, для остальных они будут как бревно в глазу, и поводом свергнуть своего правителя-полукровку.

— Встаньте в центр символа Ауго (глаз), — холодный голос Амнона в черном капюшоне, которых не очень-то скрывал его выдающуюся морду, пробрал до мурашек. Крутанула головой, разминая занемевшие в напряжении пальцы, в поисках упомянутого символа. Глаза невольно зацепили знакомый теплый огонек, мелькнувший из-под края капюшона. Голова многозначительно дернулась, указывая в нужную сторону.

Там на каменном полу слабо мерцал нарисованный мелом круг с пятиконечной звездой. На каждой ее вершине располагались четыре треугольника: левый направленный острием вверх, правый вниз, а два нижних были перечеркнуты горизонтальной линией. На самом верху ютился круг, разделенный лучами от точки в центре на восемь долей. В центральной части пятиугольника красной краской было начертано нечто похожее на глаз. Именно туда я

и должна была встать. Лай вчера раза три мне все повторил. Но я растерялась, попав в окружение десятка фигур в черных балахонах, обступивших со всех сторон, от чего просторная комната давила на меня, будто я была заперта в тесном ящике. Еще бы, чувство, что я попала на слет сатанистов и меня, единственную в белом — не считая накрахмаленных фартуков Сако и Милы, что сейчас притворялись настенными рисунками, теряясь за спинами стражников — собираются принести в жертву Сатане.

Сглотнула ком в горле, что ледяным камнем упал куда-то вниз, и двинулась на едва гнущихся ногах к центру. Прошла буквально пара минут, как я вошла в ритуальную залу, а, казалось, будто гораздо больше.

— Обычно, призывающий сам рисует звезду стихий, — Анубис невозмутимо продолжил, будто моя заминка входила в сценарий. Держался он отлично, учитывая его ко мне отношение, но в словах все равно сквозила издевка, вопреки тому, что интонации голоса были до скрипа уважительные. — Но Мы, — осязаемый акцент, собачья голова дернулась влево, где среди остальных стоял Лайонел, — решили... — снова пауза. Фродаз буквально рожал каждое слово, хотя, если не знать всей ситуации, могло показаться, что паузы придают веса его словам. — Упростить Вам задачу. В силу... — прикусила нижнюю губу, чтобы не фыркнуть. Готова поставить последний айфон, которого у меня нет, что под капюшоном его лоснящаяся черная морда сморщилась похлеще сушеной сливы, — ...вашего происхождения. Приступайте.

Мне бы выдохнуть — но сейчас как раз мой выход. Я должна обратиться к Фуглис Люихаз. Легкое смущение обдало кожу лица. Дело в том, что призывающий должен был сам придумать слова обращения к Великому Божеству — нельзя было просто вырвать строчку из кого-нибудь «Псалтыря» или из другой религиозной книжки. Надо было подключить фантазию.

— О, Великое Огненное Божество Возрождения, Фуглис Люихаз! — вскинула руки возведя глаза к небу, при этом чувствуя себя если не глупо, так до ужаса неловко. — Прошу услышь мольбу своей рабы, — что говорить, вдохновлялась я именно Библией. Бабушка у меня без конца смотрит «Спас», — позволь одному из своих приближенных покинуть твои небесные кущи. Даруй мне верного друга, соратника и грозного защитника от всех напастей.

Дальше дело за малым. Кровавая дань. Не такая, как принята у людей с их ритуальными кинжалами, но очень близкая.

Амнон оказался рядом, умудрившись подойти к центру и не смазать рисунок. И молча протянул мне подушечку из черного бархата, в которую была воткнута внушительная игла с оранжевым камнем на конце, похожим на огненный опал.

Хотела ляпнуть про перекись — мало ли где пылилась эта швейная принадлежность — но не стала. Молча приняла иглу, чуть склонив голову в почтении — Лай все-таки смог вбить мне в голову правила проведения ритуала — пока лишних телодвижений я не совершила.

Палец пронзила жгучая боль. Показавшаяся сильнее, чем на самом деле, из-за нахлынувшей дрожи: смесь предвкушения и страха.

Красная капля на пару мгновений задержалась на кончике пальца, а после рухнула вниз, впитываясь в покрытый пылью и мелом камень.

Присутствующие жители Хайма замерли в ожидании. Даже Гавр поддался вперед, покинув стройный ряд стражей с торжественно-пресными минами, чтобы лучше видеть происходящее.

Секунды шли одна за другой, будто тем самым наматывая мои нервы на кулак: ведь сейчас на мое тщедушное тельце была направлена не одна пара глаз, а десятки, скрытые за широкими капюшонами церемониальных плащей. Все свое терпение бросила на то, чтобы стоять на указанном Анубисом месте. Но когда секунды уже без зазрения совести начали превращаться в минуты, я была готова сорваться с места и выбежать за дверь. Я не видела лиц собравшихся: но чувствовала кожей как их сдерживаемое презрение, смешивается с облегчением — большинство из них расслабилось, кто-то даже принялся перешептываться. А от фигуры стоявшего у самого края круга Амнона, прямо-таки исходили флюиды удовлетворения и торжества. Или это его явно задранный нос на длинно морде, не скрытой полностью черной тканью, подавал мне сигналы?

Шаркнула ногой, почти разрушая целостность рисунка, поправив накидку на плечах. Вдохнула и выдохнула, собираясь мыслями. Надо же выдать что-нибудь приличное, вроде: «Может, а ну его? Давайте закруглятся что ли?»

Но только я произнесла «А» из фразы: «А что дальше?», как по контурам пентаграммы прошла искра, за клубился едкий дым, с примесью пепла, а комнату ощутимо трянуло — я еле сохранила равновесие — и то, мне кажется, в начавшейся суматохе меня кто-кто любезно поддержал. Кто-то в кожаных перчатках.

Стража распахнула двери, удушливое облачко устремилось к выходу, оставляя то тут, то там серебристо-черные кучки.

Откашлявшись и сморгнув пыль и пепел, попавшие в глаза, я наконец-то смогла понять, куда это все смотрят. В самой внушительной кучке, точно шиншилла, копошился птенец, серо-черный от золы и пепла.

Издав какой-то непонятный звук, он на нетвердых лапках поскакал ко мне.

И эта неоципанная курица — мой «грозный защитник от всех напастей»?

Спасибо, Божественная Птица, удружила...

33

Темный лес, с шуршащей под ногами листвой, влажной пеленой ложится на кожу, проникает в легкие, со своей множественной гаммой лесных ароматов, усиленных висящей влагой в воздухе: они смешиваются между собой, оставляя приторно-горький привкус на языке с травянистым налетом. Пальцы ног в открытых сандалиях немеют от прохлады, доносящейся вместе с шумом бегущей воды. Да и легкая ткань ночной рубашки не спасает. Я то и дело вздрагиваю и усиленно растираю оголенные плечи, с тоской вспоминая о теплом мраморном камине в покоях Квенсы. Ну, то есть в моих покоях.

Тусклое нечто, висящее в небе, почти не освещало окружающее пространство. Этому спутнику, или чтобы это ни было — хотя больше похоже на дыру в черном покрывале с бледно-сером подкладом — далеко до Луны и Мены — спутнику планеты, на котором располагается Хайм. Она, в отличие от нашей Луны, немного отдавала перламутровым сиянием, что делало ночи на Кишатуме (земля и огонь) воистину волшебными.

Впереди мелькнул огонек. Оранжевый, задорный и манящий своим теплом. Осветил ствол дерева и, вильнув, попытался скрыться. Я погналась следом: ведь еще немного и сковывающий меня холод проберется в костный мозг.

— Постой! — позвала, в надежде, что неведомое существо меня услышит.

Огонек замер. Но стоило приблизиться — как он отпрыгивал, словно солнечный зайчик.

Стало жарко: то ли от бега, то ли от смены климата. Теперь легкая одежда не беспокоила, а стала спасением. Шелудивая искра снова мелькнула, почти сливаясь, с заревом, окрашивающим кромку обрыва в багряно-желтые оттенки. Осторожно подошла ближе, чувствуя, как жар обжигает пазухи носа и горло при каждом вдохе. Внизу, в нескольких десятках метров подо мной разливалась река кипящей лавы. Было страшно и, в то же время, трепетно смотреть, как ее обжигающие потоки лижут темный камень.

Жидкий огонь настолько завладел моим вниманием, что я не сразу заметила, что рядом кто-то есть. А когда заметила, было поздно — чьи-то руки толкнули меня в спину, и я полетела вниз...

Резко очнулась, рвано хватая ртом воздух и ощупывая кожу лица на наличие ожогов. Понадобилось пару минут, чтобы понять, что я нахожусь в своей комнате. А щеку неприятно покалывает из-за неудобной позы, в которой я заснула. Ведь раскрытая книга — далека от подушки так же, как ворон от письменного стола, чтобы кто ни говорил.

Потерла щеку и размяла затекшую спину, слыша приятный хруст позвонков.

Так и знала, что засну. А я ведь даже и половины нужной мне главы не прочла. Уснула на нуднейшем описании исполинской ледяной фигуры Бьорна Слепительного — предка Эдера Ксейтс Байры. Мне нужно было подготовиться, чтобы суметь поддержать светскую беседу с ним на званом вечере.

Отодвинула стул, встала и подошла к окну. На ветру тихо покачивалось жилище моего нового друга, которому я еще не придумала имя, и, судя по всему, он — почему-то мне казалось, что это мальчик, хотя окраска у него была донельзя невзрачная, какая обычно бывает у самок — так и останется Птахом. Клетка у него была необычна, и не из-за золотого напыления — она была лишена прутьев решеток и дверей, лишь каркас и насест.

— И почему ты такой заурядный? — задала вопрос птице, зарывшейся в свои перья и спрятавшей голову под крыло. — Помощь бы не помешала...

Открыла ставни, вдыхая остывший воздух. Даже в Ливахайме чувствовалась осень. Конечно, не такая, как в моем городе на родной Земле, когда осенние листья застилают ковром тротуары, а пронизывающий ветер, сопровождающийся обманчивым теплом, намекает, что надо уже впрыгивать в сапожки и натягивать куртку. Здесь осень теплая, и только ночью начинаешь ощущать, что природа готовится к зиме. +13С° за окном — спасение от дневного зноя. Хотя в замке и так не жарко днем, но легкий ночной ветерок с прохладными нотками — приносящий густые запахи земли и высушенной на солнце травы — прогоняет пульсацию в висках.

Оглянулась на стол, где покоилась раскрытая книга. Вздохнула и направилась к кровати, напоследок, коснувшись металлического насеста, чуть качнув его.

Бесполезно среди ночи впихивать в себя книжные знания, иначе это неизбежно приведет к тому, что все смешается в кучу в моей черепной коробке. И не дай Боже мне перепутать первородного из клана Ксейтс Байра с Аату — предком и родоначальником клана Ану. Лучше поспать...

Забралась под легкое покрывало, максимально расслабившись и закрыв глаза. Но сон не шел. И дело было не в страхе и волнении перед предстоящим вечером. За последнюю неделю, это будет не первый мой прием хаубиса под крышей замка Ливахайм. Правда, честно сказать, Эдер — первый гость, с которым точно будет не все так гладко, в случае

любого, даже мелкого, промаха. Лайонел щадил меня, и первыми из списка пошли более лояльные к его решению главы Аирзов. Софир была мила, и даже не оскорбилась, когда я выхватила у нее из-под носа чашку с супом. Просто я заметила, что в овощном бульоне плавают куски мяса — а подать такое вегетарианцам в первый же вечер знакомства было бы тем еще провалом. И видимо, кто-то на это и рассчитывал...

Смутная тревога превратила взбитую мягкую перину в мешок с камнями. Ерзала и вертелась с боку на бок, пытаясь выкинуть из головы бесцеремонно ломившиеся в нее подозрения.

А ведь случай с мясом не единственный...

Странности повторились, когда приехала чета Хаурнов, что обитают в Хулыт-Аусиде (лес и пустыня), в Пустынном Лесу. Судя по картинкам из книги, этот район напоминал нашу Тундру. Главой был Адгур, на вид суровый житель степей, имеющий сходство с северным оленем, правда, лицо по форме было человеческое, покрытое мехом, с внушительными рогами на голове. Сопровождала его жена, с нежными чертами лица, которые не портил даже пепельного цвета короткий мех с темным отливом. А чего стоили украшенные цветами витиеватые рога, смотревшиеся со стороны изящной короной, и большие сине-зеленые глаза с оранжевыми крапинками. Аглайда сразу прониклась ко мне дружелюбием, нисколько не смутившись моим видом, и пока Лай и Адгур, обсуждали строительство плотины на реке Хаубисбанди (лента), она показывала мне сколы первых рогов ее детей, без умолку болтая о своих шести любимых сыновьях и седьмой, долгожданной дочурке. Я не все понимала из ее речевого потока, но мне было приятно, что она относилась ко мне, как к равной, как к своей. И в принципе, вечер прошел бы гладко, если бы слуга не внес меха — якобы подарок от моего имени. Аглайда побледнела и рухнула в руки своего свирепевшего на глазах мужа. Но я смогла выкрутиться и здесь. Я знала, что они, в отличие от того же клана Байры категорически против любых мехов. Для них это так же, как для нас носить пальто, сшитое из кожи человека — отталкивающе и просто невыносимо. Я смогла убедить их, что это ошибка. Ведь я приготовила им вышивку с символом их клана — рогами, украшенными россыпью голубики, брусники и морошки — что вышивала без продыху три дня, вместе со своими служанками. Все пальцы исколола.

Встреча с кланом Вулзов обошлась без происшествий, но... Помню, я так разнервничалась под цепким и пронзительным взглядом Ану, что уронила на пол запеченную утку — да-да обычную утку, каких и у нас полно. Блюдо было загублено: Алим шлепнул себя по лбу, как если бы он самолично учил меня подносить еду, и мой провал касался и его, Зефф тихо прыснул в кулак, а Гавр с Ару, одновременно, будто сговорившись, встали по обе стороны от меня, готовые защитить от любых нападков большого и страшного Вулва. Но Ану тогда даже бровью не повел. Стряхнув с плаща попавшие на него ошметки гарнира, повернулся к Лайю и спокойным голосом спросил, точно ли он уверен в своем решении. Получив уверенный кивок, продолжил пить вино. А если и в его блюде было что-то не то? Какой-нибудь аллергический ингредиент, слабительное или даже яд...?

Подобные мысли сжали сердце в тисках. Резко села, оглядывая полутемные углы просторных покоев, под кожей завозилось неприятно чувство, будто за мной наблюдают.

Я уже решила, что сон загублен, бросив взгляд на занявшийся рассвет, разгоняющий туман, стелившийся по земле. словно почувствовав мой страх, маленький защитник вспорхнул со своего насиженного места и устроился у меня на коленях. Крохотное сердечко быстро билось под моими пальцами, а само тельце было теплое, будто я держала в руках

крохотную грелку. Это меня успокоило, и сон мягкой пеленой накрыл меня, а Птах угнезвился на соседней подушке.

Засыпая, услышала незнакомое ворчание в мыслях: «Спи, несмышленная человеческая девчонка! Все как-нибудь образуется...». Но списала все на недосып и растревоженные нервы и решила не предавать этому значение.

35

— Подайте на стол мясо, — отрывисто бросил Эдер, продолжая сверлить меня взглядом, будто в мыслях заживо разделявал меня, а в его фразе крылся другой смысл. Что-то вроде это: «Подайте на стол мясо этой маннки».

Галиасфар — тот самый слуга, похожий на рыжую белку, яркий представитель таггскадусов, засуетился, исполняя повеление белого медведя. Он один, без свиты и семьи — внушал трепет, как если бы посреди обеденного зала разбил лагерь целый полк военачальников с тяжелыми взглядами.

Сглотнула, облизав пересохшие от волнения губы, поправила нелепый рогатый головной убор, нервно проведя рукой по складкам пышного платья: как же мне повезло, что хаимки не признавали корсетов и кринолина. А белая вуаль кремового платья, придававшая всему вокруг молочный налет, сейчас стала спасеньем: Ксейтс Байра не видел выражения моих глаз, в которых так и переливалась паника.

Осложняли все, как минимум, две вещи. Первое, что Эдер Ксейтс Байра, наплевав на все нормы приличия, сел не на свое законное место на другом конце вытянутого стола, а по правую руку от меня — нас разделял лишь пустующий стул Лайонела. Он, конечно, не первый, кто решил, не церемонится, если подумать. Стоит только вспомнить, как резво — буквально спустя пять минут после того, как нас представили — ко мне подседа Аглаида... Нечему удивляться. Но не думаю, что Эдером двигало желание лучше узнать меня.

— А где Его Светлейшество? — Эдер кивком головы указал на пространство между нами. Вежливой учтивости в вопросе не наблюдалось: он даже намеренно исковеркал титул зиуданса. Возникло чувство, будто тут вообще проходили дикие дружеские посиделки, а не официальный визит.

— Он... — протянула я. Мысли в голове разбежались от резкого голоса байры: и придуманная реплика смазалась, — приболел.

Лай попросил сказать что-то о срочном указе, который нужно было подготовить. Но о каком, вообще не вспомнить. Весь складный план сегодняшнего вечера начал трещать по швам, когда Эдер выдвинул стул на расстоянии вытянутой руки от меня. Все мои выученные, подготовленные фразы были рассчитаны на то, что он будет максимально далеко от меня. Да еще и Лай не смог присутствовать. Из-за своей «особой проблемы». Сегодня же полнолуние. В этот день Лайонел предпочитает не рисковать: запирается в том жертвенном подвале уже после шести вечера. Он раза четыре извинился за то, что вынужден оставить меня одну с Эдером: и не думаю, что это был какой-то хитрый трюк. За этот месяц я изучила его достаточно хорошо, чтобы убедиться в том, что зиуданс Лайонел — самый искренний, заботливый, добрый и понимающий мужчина, из тех, с кем я была знакома. Не чета тем парням, с которыми я встречалась в школе и в Универе: их, правда, было всего два, но все же. Они оба мне лгали. Саша врал, что болеет, или его нет дома, чтобы лишний раз порезаться в свои компьютерные игрушки. А Антон... соврал один раз. Но о том, за что не прощают. Между нами не было большой любви — но мое сердце все равно надколосась. Не

думала, что я вообще смогу вот так, всецело и безоговорочно, верить мужчине. Пусть он не совсем человек, но я...

— Эй, ты уснула, что ли? — крупная рука, покрытая мехом, с увесистыми кольцами на пальцах появилась в поле зрения. Эдер помахал рукой перед моим лицом, и стоило мне вынырнуть из омута мыслей и повернуться к нему, он повторил свой вопрос: — Чем болеет-то?

— Док... Лаизареис должен знать.

Вот тут я не соврала. Придворный лекарь Лайонела знал все.

— И ты даже не поинтересовалась? — смешок, вырвавшийся из его горла, был похож на рык. — Скверная из тебя будет Квенса.

От неожиданности поперхнулась. И не от самого заявления, а от смены интонаций. Это насколько я ушла в свои мысли, что пропустила момент, когда я из ненавистного недруга превратилась в закадычную подругу?

А именно это и витало в воздухе. Может, не совсем дружелюбие, но доброжелательность точно. Без примеси скрытой агрессии.

36

Но с чего бы ему менять отношение ко мне?

— И вы ничего не имеете против? — невольно дернула край вуали, борясь с желанием ее содрать: в глазах из-за нее жутко рябило. И я плохо смогла рассмотреть выражение лица Эдера. Но, кажется, он ухмыльнулся.

— Ты ведь справилась с испытанием, так? — глаза цвета замороженной воды скользнули к чаше с хлебом, возле которой прикорнул мой Птах.

— Так это... — смешалась, чувствуя, как краска заливает лицо, будто от стыда. Как бы я ни дорожила своей птичкой, размером чуть больше моего кулака — ей сильно не похвастаешься. Она только и отличалась тем, что ее оперение днем приобретало рыжий цвет. Так себе способность.

— Хиленький фриондс, согласен. — Открыла рот, чтобы возмутиться, но сбила промелькнувшая в голове мысль: «На себе посмотри, медведь облезлый!». Странно, чувство, будто она совсем не моя, будто кто на ухо шепнул. Оглянулась, но стражники и слуги, составлявшие остальное окружение этого странного банкета, стояли в отдалении у стены. Мой птенчик лениво повернулся во сне, на секунду приоткрыв один глаз, как раз в момент, когда в голове пронеслись эти слова. Неужели...?

— Так или иначе, испытание ты прошла, — как ни в чем не бывало, продолжил Эдер. Ну, конечно, не он же слышит непонятные голоса в голове. — Плох тот Светлейший, что не может настоять на своем, даже в таком мелком вопросе как женитьба. И это у вас там браки по расчету, свадьбы ради денег и положения. У нас дают шанс доказать чувства.

— Но я... — хотела возразить, что я не влюблена в зиуданса, но промолчала. И не только потому, что это нужно было для сохранения легенды, но... Я уже сама не была уверена, что к нему равнодушна.

Эдер даже не заметил мое смятение, продолжая говорить.

— Я тоже в свое время, воспротивился воле отца и женился на Дуане. В клане Ксейтс Байра, в том числе мой отец и братья, не особо прониклись речью предыдущего короля о том, что те, кто сочетает в себе признаки двух рас — благословлены Фуглис Люихаз. Так же, как когда-то получил от нее благословение Зиусудра. А я выбрал невесту, совсем непохожую

на наших изначальных предков. Ее мех черный, как ночь, нет ни медвежьих когтей, ни клыков. Хотя топором может зарубить любого, кто сравнит ее с маннкой, — Эдер мечтательно вздохнул, в то время как я против воли вздрогнула, представив эту живописную картину. — Моим испытанием была дуэль с собственным отцом. Я победил. А вот Дуана швырнула ведро с рыбой, любовно добытой для нее, мне прямо в морду. Представляешь? — заразительный громкий смех волной пронесся по помещению. Я тоже улыбнулась, как и несколько служанок. За что сразу получили грозный рык от хранителя замка Акифа.

Скадус принес мясо, и разговор прервали ароматные запахи, исходившие от него.

— Знаешь, я почти сразу понял, что ты не изворотливый змей, что Лайонел пригрозил на груди. У меня есть особое чутье. Стоит только приглядеться к собеседнику чуточку внимательнее, я вижу его суть.

Так вот что означал тот тяжеловесный взгляд...

Мысль прервалась, как только я поняла, что не проверила еду.

Эдер как раз принялся разрезать кусок сочившегося жиром и кровью мяса. Забрала блюдо прямо из-под его носа. Поймав вопрошающий взгляд с поднятыми вверх бровями, пояснила, шепотом, чуть поддавшись вправо, ближе к Байре, и откинув вуаль.

— На других званых ужинах случались не... непонятные вещи. Я не хочу рисковать.

Принюхалась: странного запаха не было.

Эдер молча наблюдал за мной, пока я не поднесла кусок ко рту.

— А это глупо. Тебя не убьет, но пару дней плохо будет.

— А? — дернула бровью, не понимая, о чем речь.

— Видишь? — Ксейтс Байра показал на россыпь ягод на тарелке. Байрадаурус (погибель). Смертельно для таких, как я.

От прозвучавшего заявления я даже выронила ложку. Хотела наклониться и поднять. Но Эдер перехватил руку и в упор посмотрел на меня.

— Я устойчив к этому яду, но... Дуана... Если бы... — медведь нахмурился и отвел взгляд, тут же убрав руку, как только заметил, что Гавр и Ару отделились на полшага от стены с руками на эфесах мечей. — Это мог сделать кто угодно, из стражи и слуг. Они могут свободно заходить в кухню. Присмотришься к тем, кто тебя окружает...

Застыла, не зная, что и ответить, чувствуя кожей чей-то недобрый взгляд, но вокруг лишь одинаковые служанки-барсучихи и безликая стража со скрытыми под платками лицами.

— Ты справишься, Светлейшая, — уже громче сказал Эдер. — Не зря же Ару очарована твоей смелостью настолько, что стала стражником. Хотя... она всегда питала слабость к людям...

Тут хаубис Ледяной Пустыни бросил взгляд на нашу парочку. Последние слова были как раз для Ару, дочери Ану. Она смутилась, судя по тому, как забежали ее глаза, лишь бы не встречаться взглядом с Гавром, что так и пожирал ее глазами, ожидая ответа. А девушка даже на шаг отступила, чтобы доказать обратное.

«Представление похлеще, чем танец в День Огня».

Снова этот ворчливый голос...

Посмотрела на своего фамильярчика, а Птах как раз наблюдал за Ару с Гавриилом.

«Птах?» — пронеслось в голове, а нижняя челюсть сама опустилась вниз.

«Птах?» — клянусь, моя птичка брезгливо распушила перышки, оглядев меня уничижительным взглядом. — «Я гордая птица Ишум, а не какая-то там пташка!»

Пока спускалась по лестнице, ведущей в подземелья замка, где находилась ритуальная зала, думала о словах Эдера.

«Это мог сделать кто угодно, из стражи и слуг».

Эти мысли омрачали предвкушение скорой встречи. Но не настолько, чтобы согнать улыбку с моего лица. Я улыбалась — не как привыкла, скованно с закрытым ртом, ведь мне не нравилась моя улыбка из-за тонких губ — а во все 32 зуба. Не могла сдержаться, хоть и пыталась. Сердце колотилось в груди, и, чтобы хоть как-то успокоиться, крутила плетеную ручку. Представляю, как он удивится, увидев меня, да еще с корзиной, полной еды. Я хотела сама что-нибудь приготовить, но Долгоон, розовощекая свейнка (кабан, свинья) с пятачком вместо носа, главная кухарка, даже близко не подпустила меня к огромной печи.

Тогда... Как же кто-то смог добавить ядовитые ягоды в пищу Эдера... и мясо в суп вегетарианки Софиры? Может... тот, кто разносил еду? Галиасфар? Парнишка, в костюме-тройке с чужого плеча и бегающими нерешительными глазами? Не похож он на злодея или хитроумного комбинатора. Но... да кто ж его разберет...

Зашагала дальше под дрожащий свет факелов. Но уже не так уверенно, и улыбка пропала.

Стоит ли мне поделиться подозрениями с Лайонелом? Он не глуп, и сам наверняка заметил, что кто-то саботирует встречи с хаубисами Аирзов. У меня и так шаткое положение, и серьезный конфликт окончательно нарушит баланс. И Лай должен это понимать... Его все это не волнует, или у него есть какой-то план...?

Нет. Это не то, о чем я хочу думать сегодня. Не сейчас. Я планировала провести вечер тихо, за чашкой чая, без безумных предположений...

Остановилась перед дверью и принялась дергать за кольцо. В этот раз дверь легко поддалась. Подняла глаза и растворилась в медово-карих глазах. Всполохи удивления в них сменились тихой, робкой радостью. Хотя... Может, мне самой хотелось верить, что Лай рад меня видеть.

— Проходи, — мужчина вежливо придержал дверь и чуть отступил, пропуская меня внутрь.

Начала расстилать клетчатый шерстяной плед прямо встык с ритуальной пентаграммой с железными желобами. Густая черная бровь в удивлении дернулась. Видимо, он ожидал, что я приду с чем-то важным, а не булочки пожевать при тусклом свете свечей. Неловкость тут же сковала меня, и я отвернулась, в надежде, что краска, залившая лицо, так же быстро схлынет.

— Я подумала, ты голоден...

Хлопнула себя по лбу и провела ладонью по лицу. У нас тут и без того проблем хватает — не до того сейчас, чтобы беззаботно чай гонять.

— Жутко, — мужчина приземлился на расстеленное одеяло и потянулся к корзине, стоявшей чуть поодаль. Прежде, чем жадно откусить кусок от булочки в форме бутона розы — присыпанной чем-то, напоминавшем розовую сахарную пудру — Лай, откинув со лба волосы, благодарно мне улыбнулся, сверкнув ровным рядом белоснежных зубов.

Присела рядом и разлила из серебряного кувшина, похожего на глиняную крынку, темный напиток в чашки, разрисованные синими цветами с позолоченной обводкой.

Я не спешила накидываться на содержимое корзинки, игнорируя сосущее чувство

голода — на ужине с Эдером не смогла пересилить тревогу и съесть мало-мальски приличный кусок запеченного мяса. Вместо этого пила горячий чай маленькими глотками, наблюдая за Лайонелом.

Его растрепанный вид — спутанные волосы, закатанные до середины лодыжек штаны, небрежно застегнутая рубашка — это было так непривычно... и мило. Невольно улыбнулась.

— Таким я тебе нравлюсь больше? — спросил мужчина, не поднимая глаз и по-детски ковыряя румяный сдобный бок.

— А? — округлила глаза, склонив голову на бок. В первую секунду искренне не поняла, о чем он.

Для меня между Лайонелом-львом (или «ливой», на местном диалекте) и Лайонелом-человеком не было существенной разницы. И дело было не только в том, что лицо его не было покрыто толстым слоем шерсти, не было лап, когтей и широкой звериной пасти. Да, его лицо сейчас выглядело мягче, нос аккуратнее, губы полнее, не было клыков, а за резкие черты, отличающие Лайя-льва, не цеплялся взгляд. Но и до этого меня притягивал его медово-карий взгляд — сейчас глаза были лишь на тон темнее — а не тяжелые надбровные валики, тонкая верхняя губа и широкая переносица. Смотря на него, понимаешь, что внешность — как фасад дома, и, если обстановка внутри ужасная — крысы, вонь, гниющая мебель — больше не захочется заходить внутрь. Если человек, каким бы ангельски привлекательным он ни был — подпорчен изнутри, он отталкивает от себя, вызывает омерзение. Лайонел был добрым, понимающим, честным, благородным... С ним мне было спокойно и легко (конечно, пока он не подходил слишком близко, тогда на меня нападала странная аритмия и бросало в жар).

Я никогда такого не чувствовала...

— Можешь не отвечать, — тихо проронил Лай, сдвинувшись на самый край пледа.

Вздогнула, выныривая из размышлений.

— Нет! — энергично замотала руками, будто пытаюсь разогнать загустевший от напряжения и недопонимания воздух. Лай повернул ко мне лицо, с подозрением прищурил глаза. — Для меня нет особой разницы. Ты в любом облики... для меня — самый лучший!

Прозвеневшие в тишине слова прогремели словно гром. Воздух как будто изменил состав, и стало трудно дышать.

Откусила внушительный кусок булки, чтобы не пояснять сорвавшуюся с языка фразу.

— Ладно... — протянул Лай, вдруг заинтересовавшись скучным серым потолком, с паутиной по углам.

Наступившее молчание давило на грудную клетку, я ерзала на своем участке одеяла, раздираемая противоречиями: хотелось придвинуться к мужчине чуть ближе, и в то же время — сорваться в другой конец и забиться в угол.

Облегченно выдохнула, когда голос Лайонела разорвал тишину.

— Следующим испытанием будет танец на День Огня. Я велю служанкам и танцовщицам из Асиды помочь тебе... — он говорил, уставившись в чашку и болтая по ее стенкам остатки чая.

— Спасибо.

Улыбнулась — наши глаза встретились, и я ощутила, что неловкий момент растворился в тепле его глаз...

Я буду скучать по этим глазам, когда я...

Внутри, что-то вздрогнуло, не давая даже про себя произнести «вернусь домой».

Неужели, я не хочу...?

Резко мотнула головой из стороны в сторону, прогоняя такие мысли.

— Расскажи что-нибудь, — попросила у Лайя, пополняя кружки: мысли в голове, кричавшие то, что меня пугало, были слишком громкие.

— Что?

— Может... — задумалась. За время, что я провела в Хайме, я слышала от Лайонела много историй: об Аирзах, их легендах и сказках. Его рассказы были живее, красочнее, чем в тех пыльных книгах. И тут я вспомнила: — Помнишь, ты упоминал ту легенду, с помощью которой твой отец убедил всех, что твой получеловеческий облик — благословение Фуглис Люихаз?

— Хорошо, — Лайонел тепло улыбнулся, подсаживаясь ближе.

38

В далекие времена шла кровопролитная война, с существами, что заставили враждующие народы объединиться. Азгоны. Они были подобны самому пламени, пожирающему все на своем пути. Под их ногами выжженная земля гнила, а по жилам кристально-чистых рек и ручьев начинал бежать яд.

Зиусудра — был самым прославленным, могучим и верным полководцем маннского верховного правителя. Желая защитить свой дом и народ, он обратился к Создателю и попросил его о силе, способной поразить сотню его врагов. Создатель услышал и даровал ему силу ливы — самого опасного хищника. Теперь он мог обращаться в него по собственному желанию.

Когда все битвы завершились, а от Азгонов остался лишь кусок бесплодной земли — воцарился мир. Но Зиусудре — ни человеку, ни зверю — не было место в том мире, что он сохранил. Он вернулся к могучему дереву, окутанному огнем, где Создатель ответил ему. В надежде, что он и на сей раз не останется глух к ее просьбе. И там он встретил полубогиню невероятной красоты, она была прекрасна в его понимании, даже несмотря на ее звериные черты. Они полюбили друг друга, вопреки различиям, что должны были оттолкнуть их. Создатель, видя их любовь, и непоколебимую преданность друг другу — одарил их потомством, что сочетало в себе кровь двух рас. И их потомки основали Хайм...

Легенда, рассказанная ночью в полнолуние, не хотела отпускать меня, пробираясь в голову вместе с бархатистым голосом — вкрадчивые и неспешные нотки повествования придавали ему загадочности.

Было ли хоть что-то из той легенды правдой? И что за Создатель, к которому обратился Великий Воин? Имеет ли он параллель с Огнептицей? Горящее дерево, сила ливы, таинственная полубогиня... Казалось, что здесь надо смотреть между строк, чтобы понять основной посыл...

«Соберись!» — ворчливый голос раздался в голове. Птах, он же — Ишум, приземлился мне на плечо. — «Или ты хочешь опозориться?»

Вяло помотала головой из стороны в сторону. Нервного возбуждения я не чувствовала — лишь усталость и легкий протест моего тела. Руки и ноги налились свинцом, когда я ступила на раскаленный песок, ласково укрывающий развалины, отдаленно напоминающие египетский храм из учебника по истории, у него еще название было такое странное... Комбо или Ком-Обо, что ли... Правда, храм, или лучше сказать — его покрытые песком останки —

почти не сохранился. Остались лишь семь толстых колонн, с нацарапанными на камне символами. Они образовывали круг — такой идеальный, что невольно подумаешь, что их переместили на теперешние места уже после запустения постройки. Разве можно поверить, что колонны стояли в таком положении с незапамятных времен, и ни одна не покосилась и не упала?

Палящее солнце, вызывало пульсацию в голове, хоть голову и покрывал плащ с капюшоном, похожий на тот, что был на Ару и Гавре, неизменно остававшихся в тени, пока я изучала сцену для представления. Две танцовщицы семенили за мной. Буквально став моими тенями. На них тоже были накидки, только из более легкой ткани, что не мешало их чешуйчатой кожи сиять на солнце. Вразрез с, казалось бы, отталкивающей внешностью — чешуйки, лысые головы, раздвоенный язык, оранжево-желтые глаза цвета раскаленного песка — их грация завораживала. Даже когда они почти невесомо шагали за мной, позвякивая ножными браслетами на босых ногах. Небольшой ветер закручивал песок у их ног, и Захра с Амизи, из племени черных надрсов, казались эфемерными, слово песчаные духи.

Оставалось час с небольшим до начала. В движениях вроде бы не было ничего сложного — никаких шпагатов и балетных па. Этот Танец Огня был похож на наши восточные танцы: круги бедрами и грудью, изгибы, тряска животом, кружение на месте и все такое. Главное — чтобы тело не было деревянным, как у Пиноккио: все движения должны быть плавными. Предположим, что повилить бедрами, тряся браслетами — так как показывали сестры — я смогу. Думаю, публика — а сегодня она будет ого-ого — придет, прежде всего, поглазеть на меня, как на будущую королеву-маннку, а не на то, как я делаю прогиб спины назад. Я больше переживала (хотя, из-за ломоты в теле и пекла над головой, волнение шевелилось, как полудохлая гусеница) запутаться в пяти длинных полосках ткани. Они были повязаны на талии, поверх короткого платья из тонкой кожи, похожей на змеиную, или имитирующей ее. Я надеялась на второе. Ведь в первом случае — на мне сейчас было платье из кожи хаимца. Во время танца я должна была снять все пять юбок. Конечно, грациозно, а не просто швырнуть в толпу, как грязные тряпки в корзину для белья.

— Волнуешься? — Ару подошла ближе: кончик заплетенной косы выглядывал из капюшона.

Кивнула, даже сквозь усталость, тревожное возбуждение, хоть и слабое, пульсировало под кожей.

— Вышей, — девушка протянула мне бурдюк, располагаясь улыбнувшись.

Послушалась, и осторожно пригубила жидкость, надеясь, что там что-то вроде рома. Но по горлу потек мягкий прохладный напиток, прохожий на чай с мятой и медом.

— С-с-светлейшая, — привлекла мое внимание Зарха (она была чуть выше Амизи). Сережки в ее ушах в форме плоских монет с оранжево-красными камнями позвякивали при ходьбе, а из-под непримечательной серой накидки выглядывала юбка в тон инкрустированных камней. — С-с-коро начнем. Главное с-старайтесь повторять за нами.

Моргнула, оглядевшись: и правда, хаимцы стекались отовсюду, окружая площадку, где мне предстоит выплясывать, в кольцо.

Тело онемело на секунду, и как только я немного отошла, встала в центр, между девушками, скинувшими плащи. Я на их фоне выглядела нелепо. Их расшитый лиф и юбка со слоями ткани на бедрах смотрелись гармонично, а я как будто купила на Алиэкспресс дешевый маскарадный костюм «Змеи-танцовщицы». Чешуя — именно чешуя, а не странный

наряд, ее имитирующий — была важным составляющим элемент представления — и без нее эффект не тот. Поэтому «Танец Огня» исполняли только представительницы рода Нардсов. Но, как оказалось, этот танец вполне можно использовать в качестве обряда просвещения для Квенсы...

Девушки начали вертеть филейной частью под звук браслетов: серебристый отблеск чешуи даже меня заворожил: Захра и Амизи будто светились. Я замешкалась и вступила позже, чем должна была.

Я знала танец — три дня без устали его повторяла. Но мои движения, в сравнении с ними, казались деревянными, мне мерещилось, что я слышу скрип моих костей: будто бы я робот, танцующий вальс.

Первый слой — багряная с рыжим отливом полупрозрачная ткань (в нее была вставлена по типу кулиски расшитая золотая нить: чтобы я не перепутала, и ее удобнее было отвязывать). Потянув за кончик и развязав слабый узелок, встряхнула полотном в том же жесте, что и девушки: только при повороте на пятке, я оступилась и шлепнулась на свой почти королевский зад.

Звяканье браслетов прекратилось: по толпе прокатился шепот, грозящий перерасти в волну негодования.

У меня была одна задача.

НЕ УПАСТЬ.

И я провалилась...

39

Зажмурилась, слыша слабый свист ветра в ушах. Мысленно приказала себе: «Считаешь до трех и поднимаешься».

Один. Два. Два на ниточке...

«Ты заснула что ли?» — знакомый скрипучий голос ворвался в мысли.

Открыла глаза.

По песку голубиной развалочкой шагал мой Птах. Его рыжие (дном его оперение насыщалось цветами красного и желтого спектра) перья чуть топорщились, когда встречали на пути редкие порывы ветра.

«Вставай, не позорься. Или хочешь, чтобы тебя на костре зажарили как шашлык?»

Я бы даже засмеялась, если ситуация не была такой серьезной — его забавная походка и нравоучительный тон вступали в просто умопомрачительно забавный контраст.

Сложила ладони лодочкой, позволяя ему запрыгнуть в них. Что-то мне подсказывало, что он проковылял от спасительного тенька до центра площадки не для того, чтобы пожурить меня.

Подняла друга на уровень своего лица.

«Дуреха...» — мысленное оскорбление смешалось с непонятным птичьим курлыком.

Мощный взмах крыльями — и его покрытая перьями голова с размаху врезалась в мой лоб. Я даже пошатнулась, но больше от неожиданности и разряда тока, прошедшего по нервным окончаниями — как будто к голове присоединили аппарат «Амплипульс-5». В глазах потемнело, а по обратной стороне век побежали вспышки воспоминаний: разноцветных, смазанных, наполненных какофонией различных звуков. Пока все не остановилась.

Я оказалась у края озера, круглого как блюдце. Перед глазами немного плыло, как от

недостатка сна или выпитого.

Стоило нахмуриться — длинноволосый человек в отражении повторил движение бровями. Это был мужчина. Хотя... точеное смазливое личико могло оказаться и женским, тем более что сумерки, разгоняемые лишь светом, плавающих по воздуху фонарей, немного исказили черты этого человека.

— Эа! — позвал он кого-то, обернувшись. Но вокруг никого не было, помимо слабых источников света непонятного мне происхождения — то ли масляные фонари круглой формы за что-то подвешенные в этой темноте, то ли свободно парящие бумажные фонарики. — К чему мне все эти тряпки?

Я почувствовала, как его мускулы — или мои — напряглись. Прыжок — и он завис прямо над центром озера, при этом стоя на воздухе, как на земле.

Стянув с себя красно-оранжевую накидку, похожую на зимний плащ, почему-то закрывающий только правое плечо, он взмахнул ей так яростно и в то же время грациозно, слово матадор, занимающийся балетом.

И начался танец. Похожий на «Танец Огня», которому меня пытались научить Захра и Амизи. И все же он был другим: естественнее, живее, подобно танцу языков пламени, движению воздуха, завихрениям воды...

Я вернулась в реальность так же быстро, как и вышла в нее. Мелькавшие образы рассеялись, но танец, подсмотренный тайком и прочувствованный до самой крохотной клеточки моего тела, все еще был во мне: извивался в нетерпении, вырываясь на свободу.

Ишум перебрался на мое плечо, цепляясь когтями в широкую ляжку из гладкой кожи.

«Покажи им, как надо танцевать...» — впервые голос Птаха-Ишума стал чище, без этих раздражающих стариковских ноток, он даже показался знакомым...

Глубоко вдохнула и выдохнула, позволив бушующей во мне энергии вылиться на свободу.

С первым движением и звяком браслетов, все замерли. Сотни глаз уставились на меня. А я лишь улыбнулась. Дерзко, как тот молодой мужчина, выплясывающий над водной гладью, и сдирающий и себя одежду. Как если бы он овладел мной в эту секунду. Движения, изгибы, повороты сменяли друг друга, выполняясь на автомате: это было даже легче, чем ходить или дышать.

Последним движением был — прыжок с вращением, в котором срывается последний покров — жемчужная ткань, переливающаяся перламутром и символизирующая пятый элемент — бессмертную душу. Завершение стало бы идеальным, если бы меня не сбил мощный порыв ветра.

Удар о землю, выбил из меня дух. Судорожно вздохнула и закашлялась: взметнувшийся песок попал в глаза и рот, и теперь скрипел на зубах, раздражая заслезившиеся глаза.

Проморгавшись, я смогла разглядеть то, что представляло собой мутное белое пятно, заслонившее солнце. Это была огромная крылатая кошка, кадва, такая же, как Нео Лайонела, только ослепительно белая. В седле находилась львица, облаченная в доспехи. Рыжеватые волосы пламенным ореолом окаймляли ее покрытое кремовой шерстью лицо. Закинув правую руку за спину, она стиснула темное древко копья. Я почувствовала волны неприязни и жажды крови, исходившие от ливы и ее питомца — хоть и не видела выражения ее лица: я болезненно щурилась из-за солнца, отражавшегося от начищенных до блеска золотых пластин.

— Афдаузийан! (убить) — прокричала она.

Я чудом успела откатиться к колонне, прежде чем в то место, куда я приземлилась, вонзилось остроконечное копьё.

Женщина спрыгнула с кадвы и оказалась всего в двух метрах от меня. С такого расстояния даже слепой попадет.

— К-кто ты? — прокудахтала я: вызова добавить в голос не получилось.

Воительница сморщилась, будто с ней мокрица заговорила, такая же кислочая мина почти каждый раз наплывала на лицо Амнона, при взгляде на меня. Несмотря на явное отвращение, она продолжала пристально наблюдать за мной, передвигаясь, как дикая кошка, готовящаяся к смертельному броску. Стоило мне отодвинуться с траектории копья, лива угрожающе вскинула свое оружие.

— Не дергайся, — процедила сквозь зубы низким, почти мужским голосом. Она подошла на шаг ближе, и я смогла разглядеть ее костюм: крепкая и, в то же время, грациозная и гибкая фигура была обтянута толстой кожей, на которую крепились золотые металлические пластины. — Попаду в сердце — умрешь быстро и безболезненно, чуть промахнусь — и предсмертная агония тебе обеспечена...

— Кейсара! — от толпы отделился хаимец. Он стремительно приближался, обгоняя Гавра, который очнулся после того, как потерял сознание, врезавшись в колонну. Ару готовилась уже метнуть короткий клинок — или что там у нее в руках было. Ветер сорвал капюшон с незнакомца — и я, ахнув, признала в нем Лайонела. Его же не должно было здесь быть... По правилам, он должен провести ночь в молитвах в какой-то там аскетичной пещере до самого рассвета.

Лива обернулась на зов. А я почувствовала, как что-то приземлилось мне на колени.

«Птах?!»

«Ишум», — поправил так, будто из нас сейчас не собирались сделать мясо на вертеле.

— Не смей! — ветер снова принес яростный и обеспокоенный крик моего защитника.

В любом случае он бы не успел...

Закрывает глаза, чтобы не смотреть, как копьё летит в меня. Я хотела жить, но шансы выжить уже оценила. Ноль. Эта Кейсара права. Не буду дергаться — хотя бы умру быстро. И может, непостижимым образом очнусь в родном мире.

«Улетай», — не хотелось, чтобы мой друг пострадал потому, что я не умею летать, как птица, и прыгать, как горный козел.

«Дура ты...», — ответил он все тем же спокойным, чуть скрипучим голосом.

Вспыхнул свет, такой сильный, что даже проникал сквозь мои закрытые веки. Зажмурилась сильнее. Было страшно: вдруг это знаменитый «тот свет»?

«Учти, дуреха, сила Фуглис Люихаз не любит дрожащих от страха птенцов. Испугаешься эту облезлую кошку и отступишь — Великий Огонь пожрет тебя...»

40

Обернулась на звук голоса, распахнув глаза, но вместо яркого света, до этого так слепившего глаза сквозь тонкую кожу век, меня окружила тьма — густая и непроглядная. Слабое очертание приближающегося ко мне человека — все, что я видела. Мои неуверенные шаги навстречу были беззвучны, а воздух был неподвижен и бесцветен — ни посторонних запахов, ни порывов ветра: ничего, что помогло бы определить, где я.

Слабая аура позволила рассмотреть незнакомца, еще до того, как мы поравнялись: это был тот самый мужчина из видения, что выплясывал, сбрасывая с себя раздражающие слои

одежды. Он был замотан в белую ткань, концы которой закалывались на плече массивной булавкой, напоминающей римскую фибулу.

«Кто ты?» — поинтересовалась я вслух, но ни звука не вылетело из моего рта. Попыталась снова — но моя попытка только вызвала улыбку на идеально пропорциональном, вытянутом лице.

«Ишум. Но ты можешь звать меня Ишу»

Голос в моей голове был мелодичным и завораживающим. И в нем было нечто знакомое...

«Моего Птаха зовут так же...», — подумала я, за что получила щелчок по лбу. Но он даже не почувствовался.

«Ишум», — повторил сребровласый мужчина, откинув волосы и задрал нос (На самом деле нос он не задирает, но от него так и веяло высокомерием).

Наклонила голову, рассматривая его от макушки до пят: скользнула взглядом по прямому носу, с ровной спинкой без горбинки, зацепилась за четко очерченный квадратный подбородок, и уставилась прямо в большие овальные глаза, с янтарной радужкой с прожилками медного цвета, в обрамлении длинных пепельных ресниц...

Что-то в этих глазах было знакомо... Не цвет, а выражение. Мужчина не смотрел на меня настороженно или с любопытством — как обычно смотрят на чужака. Он ждал. Ждал, когда я догадаюсь... Даже руки сложил на груди, нетерпеливо вздохнул и уставился в несуществующий потолок.

«Ты... Мой... Фриондс? Птах?» — осторожно спросила. Голос так и не появился, но мы неплохо общались мысленно.

«Ты бы еще назвала меня своим комнатным зверьком. Это скорее не я — твой питомец, а ты — мой. По силе тебе со мной не сравниться»

Фыркнула, опять беззвучно.

И это говорит мне тот, кто заперт в теле невзрачной птички?

Судя по тому, как Ишу нахмурился, он уловил промелькнувшую в моей голове мысль.

«Я — Бог!»

Невольно отступила: интонация в его голосе внушала какой-то первобытный трепет. Мне даже и в голову не пришло усомниться в его словах.

«Не бойся. Я держусь нейтральной стороны. Не собираюсь никого наказывать или возносить»

«Но ты помог мне с танцем!» — было несложно сопоставить одно с другим.

«Больно было смотреть, как ты убиваешься из-за такой ерунды. Учитывая, что этот их церемониальный «Танец Огня» — плод пьяной выходки. Любят же смертные из маленькой искорки раздуть целое пламя»

«Все равно спасибо», — благодарность была почти бесцветная: я запоздало поняла, перед кем стою. И это буквально сковало меня.

Фуглис Люихаз. Огнептица. Божество, создавшее этот мир.

«Не совсем. Я не создавал этот мир. Но это долгая история. А у нас на это нет времени», — поправил меня Ишум, нарезавший круги вокруг меня, потирая подбородок.

«Но... а как же... Все эти легенды... Про Зиусундру, про твою битву с Ваурмсом...»

Ишу наклонился ближе, я ступевалась: кончики наших носов почти соприкоснулись.

«Я не могу вмешиваться лично. Не хочу, чтобы за мной таскались толпы прихлебателей. Но могу одолжить свою силу. Согласна?» — желтые, с красными и оранжевыми всполохами,

глаза немигающим взором уставились прямо на меня, препарируя слой за слоем.

Желание выжить затмило страх, выплывший на поверхность. Откажусь — и меня убьет та львица. Зачем врать себе. Как человек — я никудышный боец, я даже до следующей колонны не добегу. С силой Огнептицы у меня хотя бы будет шанс. Надеюсь, что последствия такого решения будут минимальными.

«Согласна», — резкий кивок головы должен был скрыть сомнения, что плескались в моем взгляде.

«Чудненько. Повеселимся же...»

Кривая усмешка и озорные вспышки в глазах Ишума, чуть не заставили меня пойти на попятную. Неизвестно, что он задумал...

Я даже отступила на полшага.

И тут он обхватил ладонями мое лицо, и быстро припечатал целомудренным поцелуем лоб. Его губы обожгли кожу чуть ниже линии роста волос. И огонь не прекращался, он расползлся дальше, принося невыносимую боль. Я беззвучно кричала, извиваясь на полу (правда, по ощущениям подо мной не было твердой поверхности: я будто зависла в невесомости), царапала кожу пытаюсь добраться до источника, что намеревался выжечь меня до костей. Огонь с жадностью вгрызался в податливую плоть, плавил ее словно воск, пытаюсь сотворить из меня нечто иное.

Спустя бесконечно долгих минут агонии, будто растянувшихся на часы: я уже просто молила о том, чтобы отключиться и не испытывать этой боли. Мне не нужно было ни победы, ни возможности вернуться в свой мир. Лишь покой.

Тут все прекратилась, и я резко распахнула глаза.

Кейсара с занесенным для броска копьем, вдруг дернулась и отступила: ее глаза увеличились в размере и беспорядочно забегали.

Гавриил, Ару и Лайонел, бежавшие навстречу, остановились и замерли.

Я поднялась, легко и грациозно: спина до этого отдававшая легкой болью из-за удара и трехдневных тренировок, прошла. Ишум восторженно и уселся на мое плечо, хватаясь коготками за ошметки обгоревшего кожаного платья.

Огонь. Он был повсюду, даже в легких. Но он больше не обжигал, а бархатом стелился по коже и игриво перебирал растрепанные пряди волос.

Я сделала шаг навстречу ливе. Она отступила: тень страха, отразившаяся на ее суровом волевом лице, заставила меня улыбнуться.

— Геня! — голос Лайонела разрезал образовавшуюся тишину, прерываемую лишь перешепотом изрядно поредевшей толпы.

Кейсара дернулась и обернулась. Между нами и моими друзьями осталось меньше десяти метров.

Когда львица снова повернулась ко мне, черты ее благородного, немного резкого, лица исказила злоба.

Замах. Бросок. Копье со свистом пронзило воздух.

Перехватила его у лица: металл чуть царапнул щеку. Повернула древко вертикально, замороженно смотря, как огонь с аппетитом пожирал дерево. Вдохнула щекочущий ноздри дымный запах горящего дерева, чувствуя, как сила жидким огнем растекается по венам. Песок подо мной плавился, превращаясь в грязно-серую жидкость. Каменный столб, на который я опиралась, почернел и сморщился с одной стороны.

— Геня... — Лай обеспокоенно глядел на меня. Между нами все еще оставалось

приличное расстояние: по крайней мере, жар, исходивший от меня, не коснулся его.

«Сожги... Все сожги...» — шептало пламя. Ему было мало. Оно жаждало поглотить все, оставив после себя тлеющие угли.

41

— Геня... — снова позвал Лай, не отрываясь, смотря в мои глаза. Он топтался на месте — жар не подпускал ближе, да еще и Ару тянула его за руку, убеждая не рисковать. Она тоже бросала в меня смешанные взгляды: наполовину состоящие из благоговейного восторга, а на другую половину — из страха.

Лайонел стряхнул ее руку и шагнул вперед, щурясь от огня, что слепил глаза, пытаюсь лизнуть кончики его растрепанных черных волос.

Еще шаг — его кожа начала краснеть, и теперь я отчетливо слышала душный запах паленых волос и обгоревшей ткани.

Голос внутри шептал, что это не будет концом... А новым, лучшим началом. Из пепла и золы возродится другой мир. Без войн, ненависти и неравенства. Этот голос был тихим, вкрадчивым и... усталым. Слово сам мир молил спасти его, прижечь незаживающую рану...

— Геня... Это же не ты. Не знаю, что с тобой случилось, но я помогу... — его голос был ласков, и ненавязчиво проникал внутрь сквозь толщу навязчивого желания высвободить сгорающую от нетерпения силу и увидеть, как она пожирает все, сглаживая различия между обитателями этого мира, превращая все вокруг в груды серого пепла.

Наклонила голову, разглядывая зиуданса. Из-за нарастающего жара воздух дрожал, а край плаща, до которого медленно, но верно добиралась пламя, начал дымиться.

Еще шаг — и он точно получит тяжелые ожоги или вспыхнет, как пересушенная ветка.

Я уж было сама сделала шаг вслед за любопытным, озорным и беспощадным огнем. Но вдруг я заметила неясный силуэт, отражающийся в глубине его зрачков. Мой. И в то же время — нет. Объятая пламенем фигура — разве это могу быть я? Я ведь даже муху прихлопнуть не в состоянии без особой надобности...

Остановилась. Голос внутри зашептал с нарастающей настойчивостью, но я его проигнорировала. Сила — есть сила, но, если ее цена — жизнь невинных и дорогих мне людей, она мне не нужна.

«Ишум?» — позвала своего притихшего друга.

«Я думал, ты про меня совсем забыла», — прозвучал знакомый ворчливый голос, со скрипучими нотками.

«Как погасить огонь?»

«Огонь Фуглис Люихаз — пожирает слабых, как я уже говорил. Ты лишила его жертвы в виде той трусливой львицы, не став сражаться с ней», — мысленно хмыкнула. Как можно сражаться с тем, кто не горит желанием, в буквальном смысле, подпалить собственную шкуру? — «Покорми его. Или обуздай»

Проворчал и ушел со сцены. А я теперь должна как-то утихомирить огонь.

Нетерпеливый зуд снова прошелся под кожей.

Выпусти меня...

Ага, разбежалась.

Но мой гнев и досада за собственное слабование только подлили масло в огонь, распалила его.

Дай возродить этот мир. Лишь в огне природа обновляется...

Встряхнула головой: может, так я изгоню этот шепот? Но нет. Назойливый, вкрадчивый голос и не думал смолкать.

Постаралась отстраниться. Представила себя максимально далеко. У себя дома. На кухне. Мы сидим все вместе: мама, папа, Толик. Ведем бессмысленный разговор, разбавляемый неуместными шутками брата. Свежий вкус жасминового чая оседает на языке, сладкий аромат окутывает, успокаивая, как и голос мамы, заботливо интересующийся, хочу ли я еще добавки малинового пирога. Я дома. Мне нечего бояться. И не надо ломать голову над непосильными задачами.

Покой и умиротворение тонким слоем опустились на мою кожу. Остужая и возвращая здравый рассудок: в голове теперь стало очень тихо, и чужие желания больше не отдавали нетерпением в кончики пальцев рук и ног.

Осторожно открыла глаза. Напряжение с лиц Ару, Гавра и Лайя заметно спало. Затаптывая уныло тлеющий край плаща, Лайонел ринулся ко мне. Сделала шаг, поскользнулась — остывшая жижа из песка остекленела. Мужчина успел меня подхватить одной рукой — другой накинул плащ мне на плечо. Сменил руки, укутал меня плотнее — закрывая все неприличные прорехи в обгоревшем наряде — и прижал к себе.

Оказавшись в кольце крепких рук, вдохнула горький запах горелой ткани и дыма, совершенной скрывший тонкий аромат мускатного ореха, что неизменно сопровождал зиуданса. Позволила себе расслабиться: и тут многотонная усталость свалилась на меня, и я провалились в забытие, даже не потрудившись зацепиться сознанием за вопрос, заданный резким голосом. Видимо, эта Кейсара требовала возместить убытки за испорченное копье...

Проснулась я не сразу. Каждый раз, когда я выныривала на поверхность, а в глаза сквозь закрытые веки лился мягкий свет, меня толкало назад в уютный темный уголок сознания без тревог и забот. В третий раз я сделала над собой усилие, стоило услышать голос Лайя, звавшего меня по имени.

С трудом открыла глаза, щурясь от теплого света горящих факелов и последних солнечных лучей заходящего солнца, проникающего через массивное квадратное окно, без ставен, с льняными шторами, сдвинутыми к левому краю.

Огляделась: я явно не в Ливахайме. Интерьер разительно отличался: не было ни вычурной мебели, ни стен, обитых деревом, ни узорчатых арок, ни резных пилястр. Правильные простые формы дверей, окон и мебели (даже колонны были не сглаженные, прямоугольные) компенсировались богатыми узорами и сюжетными картинками, их украшавшими. Все это вызывало стойкую ассоциацию с египетской культурой, правда, сцены на стенах были мне незнакомы.

— Все в порядке, — Лайонел поддался вперед, сжал мою руку и помог сесть. Не успела я и «А» сказать, у меня в руках оказалась пиала с дымящейся жидкостью с травяным запахом. — Выпей. Помогает при изнеможении, быстро восстанавливает силы.

Покорно отпила глоток. Мягкий кисловатый вкус, с едва уловимой перчинкой окутал саднившее горло.

— Где мы? — задала вопрос, бегая взглядом по разрисованным стенам, со сверкающими в дрожащем свете позолоченными контурами. Наткнулась взглядом на похожий сюжет битвы Фуглис Люихаз с Ваурмсом и содрогнулась. Забегала глазами в поисках своего компаньона-тире-местного бога, и нашла его все той же серой птичкой,

мирно спящей на соседней подушке. Если скажу Лайю, КТО на самом деле Птах, если он мне не соврал (а судя по моей трансформации в некое «огненное существо», Ишум — и правда воплощение Огнептицы), не поверит же. То же самое, если бы кто-то ткнул пальцем в худосочного жалкого бомжа и заявил, что это сам Господь Бог, или на худой конец — Сын.

— Мы в Куалэат-Алрамл (Замок на Песке). Это Цитадель Первого Надрса, сейчас в ней обитает немногочисленное племя, во главе с Хаубисом Аусиды, Атоном Надрсом.

— Я думала, мы отправимся домой... — протянула я. На что Лай дернулся, а я испытала легкое смущение, которое можно было списать на жар, приливший к лицу из-за горячего напитка. Дом... Впервые я назвала Ливахайм домом. Странно, но эта мысль совсем меня не пугала, наоборот. Даже вопреки случившемуся, мне хотелось растянуть оставшееся у меня время. Это такая загадочная огромная страна! Как же хочется посетить в ней каждый уголок вместе... С ним.

Снова заглянула в эти теплые медово-карие глаза. Мне будет не хватать наших разговоров, прогулок по Садам, полетов на Кадве, то, с какой заботой он относится ко мне и как спокойно становится на душе от одного его присутствия.

Представила, что все это разом исчезнет, и я вернусь к своей серой, однообразной жизни и предстоящей работе секретаршей.

А может... Мне и не стоит возвращаться...?

— Пока нет, — ответил после паузы Лай и отвел взгляд. — В Песках обитает племя Грейма (маска). Я надеялся, что у кого-то из них осталась древняя реликвия времен Зиусудры, когда в наших землях царила настоящая магия, а не жалкие ее остатки.

— Что за реликвия? — сонливость мешала искреннему любопытству, но мне не хотелось, чтобы он уходил.

— Акрам (плод) Ишу, — Птах-Ишум беспокойной заворочался на льняной подушке. — Способная истончить ткань мироздания. С ее помощью я надеюсь отправить тебя домой...

42

Натянула улыбку и закивала, чувствуя, как все во мне сопротивляется такому скорому развитию событий. И куда делось мое желание поскорее вернуться в родной город, на планету Земля? Нет, я, конечно же, скучала по семье, даже по надоедливому брату. Только от мысли, что я больше не ступлю на земли Хайма, не узнаю больше о традициях этой страны, о ее людях, загадках, что скрывают дверные строения и ветхие книги. А еще, при таком раскладе... Я больше не увижу Лайонела... Щемящая тоска разлилась в груди, и уголки рта предательски дрогнули.

— В чем дело? — цепкий взгляд Лайонела заметил изменения в моем лице.

— Я... Я просто... — слова застряли в горле, а я отвела взгляд. Легкий стыд накрыл с головой: почувствовала себя бродяжкой, загостившейся у влиятельных господ. Как мне ему сказать, что... возможно, я... Не хочу возвращаться...

— Ты можешь рассказать мне обо всем, что тебя беспокоит, — Лай поддался вперед, сжимая мою ладонь легко и ненавязчиво.

Стиснула в кулаке свободной руки нежную хлопковую ткань тонкого одеяла — она была настолько гладкой и приятной на ощупь, что легко могла посоперничать с шелком. Набрав воздух в легкие, с шумом выдохнула, как перед прыжком. Но все равно трусливо медлила с ответом. Лайонел принял беспокойство в моем бегающем по углам взгляде на свой счет.

— Племя Грейма обитает почти в самом сердце пустыни. На Нео я туда вряд ли доберусь. Песчаная буря, если она нас настигнет, собьет с курса, — Лай говорил так, будто рассказывал об увеселительной поездке в Океанариум. Если он хотел меня успокоить, расписывая предстоящую дорогу — то у него не получилось. Я еще больше воспротивилась, как всей этой идеи, так и моему возвращению в целом. Не прощу себя, если он пострадает. — К нашей удаче, Гавр бывал у них, и он знает проход через Глиняный Лабиринт Ахджия (загадка). Мы задержимся всего на день-два, а после... Я надеюсь, ты сможешь вернуться в свой мир...

Последняя фраза больно резанула по сердцу. Вывернув руку, выбралась из просторной кровати, потревожив Ишума, и отошла к квадратному оконному проему. Положив руки, на массивный, расписной подоконник, вдохнула еще не остывший воздух, в котором гуляли знакомые нотки: смесь пыли, раскаленного камня и едва различимого аромата сухих трав. Так пахла окружающая меня пустыня. Солнце, утопающее в песке, окрашивало ее в золотисто-багряные тона, превращая безмолвные дюны в застывшие волны гигантского моря, с редкими островками растительности и изогнутых деревьев. Жара пошла на спад, и в висках больше не стучало, но все равно я не могла здраво мыслить — ни скудный, но по-своему таинственный, пейзаж, ни такая неожиданная смена обстановки — ничего не подталкивало меня к решению главного вопроса.

Лайонел встал со стула с изогнутым сидением и перекрещенными ножками, напоминающими собой извивающихся змей, и подошел ко мне. Я не оборачивалась, но почти сразу почувствовала его дыхание на своем затылке.

Сердце подскочило к самому горлу — когда его ладони, лишившиеся перчаток, сжали мои плечи — и принялось беспорядочно прыгать внутри. Дрожь прошла вдоль позвоночника, и ее причиной был не остывающий от отсутствия солнца ветер.

— Тебе не о чем беспокоиться, все будет...

Резко развернулась, не дослушав и, прежде чем Лайонел закончил, кинулась к нему, крепко сцепив руки за его спиной: правда ширина плеч позволила соединить лишь фаланги пальцев.

— Я не хочу... Не хочу возвращаться... — невнятно промычала, вдыхая пряный бальзамический аромат, исходивший от его белых одежд.

Слезы обожгли глаза. Я сильнее прижалась к мужской груди, пытаюсь уйти от реальности, вслушиваясь в сбившееся сердцебиение.

Тяжелая рука осторожно прошла по волосам.

Молчание затянулось, прерываемое моим судорожным дыханием, в попытке успокоиться, и стуком сердца.

— Я тоже...

Подняла голову, давая желание переспросить. Убедиться в верности догадки. И попала в капкан его глаз. Увязла в янтарной трясине. Меня неудержимо потянуло к нему, губы обожгло желание прикоснуться, ощутить, понять...

Мысли начали путаться. Лишь одно маячило перед глазами с кристальной ясностью.

Поцелуй все расставит на свои места: либо рассеет иллюзию, либо подтвердит мои чувства.

Руки Лайонела сомкнулись на моих плечах, рывок — и между нашими лицами остались жалкие несколько миллиметров. Дыхание смешалось. Я прикрыла глаза, не в силах вместить всю гамму нахлынувших чувств: страх и нетерпение болезненно пульсировали под кожей.

Мужские губы неуклюже мазанули по уголку моих губ: Лай отпустил меня, схватившись за голову и пронзительно застонав.

— Что с тобой?

Подхватила пошатнувшегося зиуданса и усадила на кровать. Он снова застонал, сгорбившись и ногтями впиваясь в кожу лица.

— Кожа горит... — выдохнул он.

— Я налью воды, — забегала в поисках кувшина с водой или умывальника: и зацепилась взглядом за невзрачный сосуд из необожженной глины в противоположном углу. Рядом стоял расписной стакан с гербом Аукиды — коброй с раздувшимся капюшоном.

Схватила его — жидкость внутри всплеснулась о стенки. Никаких запахов кроме небольшого болотистого душка мокрой глины. Ринулась обратно — стараясь не споткнуться и не расплескать воду.

— Лай, — позвала мужчину, не зная, что делать дальше, плечи его чуть расслабились, но ладони все еще закрывали лицо. — Вот.

Протянула ему кувшин с водой. Он сделал лишь один глоток, а остатки вылил себе на голову.

— Ох... — приложила руку ко рту: и поразило меня не пустая трата ценных ресурсов в пустыни (вода тут точно на вес золота), а лицо. Его лицо лишилось всех звериных черт, а сегодня определенно не полнолуние...

— Лай, твое лицо...

43

Расхаживала взад-вперед, нервно обгрызая кончики ногтей. Дурная детская привычка напомнила о себе. А я думала, что избавилась от нее в 12 лет, когда надоели издевательства и подколы одноклассников. Но я не могла спокойно смотреть на то, как Табиб обследовал Лайонела, и с каждой новой строчкой в своей пожелтевшей от времени тетрадке в кожаном переплете, его лицо становилось все мрачнее.

— Что с ним? — не выдержав, спросила я, когда старый лекарь вздохнул, убрав от вздымающейся груди, сферу, светящуюся холодным голубым светом. Он встряхнул рукой, и прозрачный шар потух.

Я с надеждой заглянула в покрытое плотными чешуйками, как у рептилии, лицо с черными глазками-бусинами.

Лаизареис потер переносицу и снова вздохнул, собираясь с духом. После поднял голову и бросил вопросительный взгляд на зиуданса.

— Скажи ей, — кивнул он.

— Дело в том... — Табиб чуть подвинулся, чтобы я могла сесть напротив него. — Что наш Светлейший, как Вы знаете, необычный хаимец. Я много лет ломал голову, над тем, чтобы понять, как работают его полуночные превращения. Ведь за свою долгую жизнь я поведал немало. Во время Войны и после, я встречал полукровок, живущих в самом сердце Хульского леса, в заснеженных пещерах Калдс Аукиды, на бескрайних просторах Акрса, где к ним относятся благосклоннее всего. И никто из них не обращался в человека в полнолуние. Они росли такими же, как и остальные дети жителей Хайма, лишь в 13 лет их черты могли немного измениться: кто-то из них терял часть шерсти, на лице или на руках, у других же укорачивались клыки, и лицо приобретало человеческие черты, мог даже поменяться цвет глаз. Но чтобы полностью стать человеком — никогда. Я пришел к выводу, что Лайонел сам

не может решить, кто он. Его превращения — результат нестабильных эмоций, что накапливаются в течение месяца, ведь ему каждый день приходится делать выбор. Решать, кто он.

— То есть... — не совсем поняла, к чему клонит Табиб, но нить я уловила и решилась задать вопрос: — Лайонел может обращаться по собственному желанию?

Такой исход был бы самым благоприятным.

— Если бы так, — Табиб снова вздохнул. — Видела, что бывает, когда масло попадает в воду? Две материи не смешиваются, и масло остается плыть на поверхности. Если взболтать емкость — масло распадается, вода вырывается из своей тюрьмы, но через какое-то время все становится на свои места. Так и с Лайонелом, «масло» — его сущность ливы, «вода» — человек в нем. Его страх быть разоблаченным подавлял все, что могло «встряхнуть бутылку» и выпустить человека на свободу. И это случалось только в полнолуние. А после — все приходило в относительную норму. Но сейчас, судя по показателям сферы Убилса, его второй сущности будто бы и нет.

— Насколько я помню из курса «Физики», — протянула, вдумываясь: я все еще размышляла об аналогии с маслом и водой, и меня не очень напугали последние слова Лаизареиса, — Вода выталкивает масло, потому что у масла меньше плотность. По этой аналогии, выходит, что Лай — больше человек, чем хаимец. Погодите-ка... Как второй сущности больше нет?!

Встревоженно забежала взглядом от Лайонела к Табибу и обратно.

— Сфера показывает, что он абсолютно здоров. Раньше, во время его полнолуний, ее поверхность была подернута красной дымкой. Сейчас нет. Может, это временно. Но сейчас наш зиуданс — человек, как любой другой полноценный житель страны Маннов. Больше я пока ничего сказать не могу.

Старик раскланялся и вышел.

На душе сразу потяжелело.

Это я что-то сделала? А может, на него как-то повлияла сила Фуглис Люихаз, которую я позаимствовала? Или я его расстроила своим «Не хочу возвращаться»?

В любом случае меня не покидало стойкое чувство мое причастности.

— Гень, — позвал Лай, заставляя меня оторвать взгляд от собственных рук, лежащих на коленях и судорожно сжимавших тонкую ткань белого платья. Лайонел сдвинулся на другую половину кровати, жестом головы указывая на опустевшее место. — Иди сюда.

Сердце пропустило удар. Ладони тут же вспотели, а вина сразу трусливо забилась в дальний угол. Махнула рукой на все сомнения: неуклюже забралась на огромную кровать и сиротливо пристроилась на самом краешке. Да уж... В голове это выглядело как-то решительней и сексуальнее что ли: кошкой забраться на кровать, загнать мужчину в угол и сорвать поцелуй — вот как это должно было быть.

Лай цыкнул, сгреб меня в охапку и устроил на середину кровати, а сам лег рядом, не разжимая объятий: чувство дискомфорта сразу же прошло. Облегченно выдохнув, поерзала, устраиваясь поудобнее, положив голову на крепкое плечо. В его объятьях было тепло и уютно, отвлекали только мелкие разряды электричества, гулявшие по коже от близости, наперегонки с мурашками.

— Я думал, ты обрадуешься... — горячее дыхание коснулось виска, вместе с коротким поцелуем.

Резко развернулась, нарушая хрупкую атмосферу единства.

— Чему? — округлила глаза.

— Ну... — Лай на секунду смешался, — тому, что я теперь такой же, как ты.

— Мне это не важно, — улыбнулась, взъерошив его волосы: после скомканного откровения мне теперь было легче к нему прикасаться. — Меня больше беспокоит, что ты теперь будешь делать дальше. Не уверена, что все твои сородичи примут тебя в новом виде с распростертыми объятиями...

— Что-нибудь придумаю. Позже, — Лай присел, изогнувшись, как кошка, разминая конечности. Я хотела воспользоваться моментом и целомудренно переползти на краешек кровати, но он обхватил мои плечи и потянул на себя.

Наши взгляды встретились, когда я буквально упала на мужчину. Не удержалась от судорожного вдоха, когда его пальцы принялись медленно пересчитывать мои позвонки сквозь тонкую ткань. Лайонел потянулся за поцелуем, но я резко выпрямилась: в голову пришла абсолютно безумная идея, но я очень захотела ее озвучить.

Не могла сидеть: спрыгнула с кровати и принялась расхаживать по комнате, сортируя мысли, чтобы изложить их в складном виде. Лайонел с коротким вздохом пересел в кресло и соединил кончики пальцев, приготовившись слушать — подлокотников не было, и фигура выглядела немного сутулой. Он молча ждал, когда я заговорю.

— Может..., — закусила губу в нерешительности, но потом кивнула и выпалила как на духу, — представить все как болезнь? Это даст немного времени, чтобы разобраться. Только надо придумать название... А может... Сказать, что тебя человек укусил, и вот результат, — обрисовала его силуэт ладонями. — А что? В моем мире от укуса собаки можно бешенством заразиться...

Бросила короткий взгляд на единственного и внимательного слушателя. Непроницаемое серьезное лицо Лай будто лопнуло: он рассмеялся во весь голос.

Я немного растерялась, не зная, как реагировать: смех был не едкий, язвительный, а легкий и заразительный.

Я сама улыбнулась и смущенно отвела взгляд.

Ну я и дура... Такое ляпнуть.

Отсмеявшись, Лай встал и подошел ко мне, мягко развернув к себе лицом.

Все пропало, стерлось: проблемы и тревоги отошли на второй план. Я буквально утонула в медово-карих глазах.

Преграды, что возводились между нами, таяли с каждым преодоленным сантиметром. Его губы накрыли мои, и меня поглотило чувство такое же жаркое и необузданное, как безмолвная пустыня за окном, безобидный песок которой так легко превращался в неукротимую бурю.

44

Амнон рвал и метал, яростно расхаживая по тускло освещенному ритуальному залу, именно здесь из-за завесы Теневого Мира явилась невзрачная птичка, ставшая моим защитником.

— Да как... Да ты... О, Фуглис Люихаз, Защитник Миров! — долетали обрывки фразы взбешенного мужчины с головой египетской собаки.

«Да этого беднягу сейчас кондрашка хватит», — заметил Ишум, плавно приземляясь на мое плечо. Сако и Мила тут же заохали, боясь, что когти птицы испортят тонкое кружево моего красного платья. И не просто платья, а Снага Квенс — «Облачение Королевы», или

наряд невесты по-нашему.

— Все в порядке, — улыбнулась я, но Сакко все равно вручила мне сложенную вчетверо кроваво-красную салфетку. Пришлось послушаться и укрыть ею плечо.

— Волнуешься? — тихо спросила Сако, стеля кусок красного бархата на каменную скамейку. Тяжесть платья — изобилующего дюжиной, а то и больше, юбок разных оттенков красного спектра — от темно-алого, почти черного, до оранжевого — тянула меня вниз. Мила категорически запретила мне его пачкать — вот Сако и носилась со мной.

— Немного, — призналась я. Но, на самом деле, чувствовала себя немного выбитой из колеи, будто это все не со мной происходит.

Пока летели до Ливахайма мы с Лайонелом обсуждали, что делать дальше: правда мне трудно было сохранить трезвую и хладнокровную голову в полете на огромной кошке без ремней безопасности. Сколько раз мы на Нео облетали обширный оазис, на котором стояла скала с замком зиуданса, но я так и не смогла полностью заглушить панические мысли и изгнать из головы сцены падения с такой высоты. Тогда мы пришли к разумному выводу: объявить, что Лай болен, а власть, временно передать мне в руки под руководством фродаса Амнона. Дикость. Но это был единственный вариант, помочь всем жителям Хайма свыкнуться с тем, что ими будет управлять человек. Если они проникнутся ко мне доверием и уважением, то и изменения в Лайе примут не так остро. Но для того, чтобы встать во главе страны — даже если я всего лишь буду мозолить глаза, а основную работу будет выполнять советник — я должна стать настоящей Квенсой. А для этого надо провести обряд Га-Лиуган.

«Я тебе точно говорю. Он копыта отбросит, когда твой женишок скажет, что ему вас венчать предстоит», — снова проворчал голос в голове. Представила, как Ишум в своей изначальной форме наклоняет голову к плечу, и, вытягивая дугой пепельно-серую бровь, изучает Амнона. Который сейчас стоял спиной к Лайонелу, опершись ладонями вытянутых рук о стену, и тяжело дышал: казалось, еще чуть-чуть и он начнет биться головой о каменную кладку.

«Где ты таких слов понабрался? Ты бывал в моем мире?» — с подозрением прищурилась, повернув голову, но разглядела только острый чуть крючковатый клюв. Если еще скажет, что все это полный швах — то он точно побывал на моей родной Земле, причем не так уж и давно.

«Да в твоей головушке и не такие фразочки вертятся. А в этом мире нет лингвистических преград. Ты можешь воспринимать любой язык. Кроме языка Первых, скагтс (сокровище). Но если тебе не комфортно, что я роюсь в твоих мозгах, то я могу переключиться на свой родной язык»

«Да ладно», — меня как-то это открытие даже не удивило. За день в моей голове проносятся тысячи мыслей, ясно же, что при телепатической связи, часть из них мелькают и в его голове. Раз он с такой легкостью и быстротой реагирует на любые мои немые вопросы и невольные фразы. Обидно только, что эта связь односторонняя. Вот бы узнать, что варится в голове Бога, которому 5 тысяч лет, а может, и больше. — «Уж лучше я буду знать, что ты думаешь и понимать твою речь».

«Уверена, что не пожалеешь?» — голос в голове звучал озабоченно, и я улыбнулась.

«Ты о ритуале?» — молчание стало знаком согласия. Мой новообретенный друг переживал за меня. Это было даже мило. «А есть чего опасаться? У вас тут разводов нет? В любом случае я не откажусь. Лай помог мне, а я — помогу ему. И еще...»

«Ты любишь его»

— Я... Эм... Он мне очень-очень нравится... — прозвучало по-детски, и я замолчала, закусив губу.

— Геня, подойди сюда, — Лайонел подозвал меня. Я встала. И шум тут же вспорхнул с плеча и уселся на выступающем камне над головой, где пустовало кольцо для факела. Шелестя юбками, направилась к мужчине. Сердцу в груди с каждым ударом становилось все теснее. Легче стало только, когда Лай ободряюще сжал мою ладонь.

— В центр, — почти рыкнул Амнон, не смотря на меня.

Встала уже на знакомый мне «глаз».

— Фон... Вато... Виндс... (огонь вода ветер) — Анубис наступал на символы на верхушках звезды, и каждый загорался особым светом: оранжевым, голубым, белым. — Аирза... Сайвала... (земля дух).

Все это напомнило мне про мой танец: те же цвета. И, как я догадалась, знаки означали 5 основных элементов: огонь, вода, воздух, земля и дух.

Амнон отошел к стене. Пара манипуляций — и открылась ниша. Когда он развернулся, я увидела в его руках деревянную шкатулку, со знакомым птичьим профилем. И тут Огнептица... Даже кружевная на шелковой подкладке вышивка на лифе моего платья и то повторяла силуэт перьев и крыльев.

«Не завидуй», — услышала в голове и напрягла челюсти, чтобы не съязвить. Такой важный момент. Не до этого сейчас.

Щелкнул замок — и в свете факелов заблестел инкрустированный драгоценными камнями кубок в форме львиной головы: аметисты служили глазами грозному животному.

Амнон опустил пустой ларчик на пол. Выпрямившись, он сжал в ладонях кубок и вытянул руки. Потянулась, чтобы взять чашу — Анубис шлепнул меня по руке, словно маленького ребенка.

— Амнон... — нахмурился Лай.

— Не мешай, — Амнон закрыл глаза, запрокинул голову, как в молитве.

Поднялся ветер, языки пламени, служившие освещением, задрожали. Воздух наполнился запахами земли и пепла, а в следующую секунду я услышала плеск воды.

Амнон открыл глаза.

— Теперь Вы... Светлейший, — в голосе Амнона сквозило глухое раздражение.

Лайонел начал перебирать складки своей церемониальной одежды: кроме парадного камзола, на нем был объемный черный плащ с разрезами для рук.

Он извлек на свет маленькую коробочку: обтянутую красным бархатом. Сердце екнуло. А не кольцо ли...?

Но нет. Там была серебряная игла.

— Да руку, — попросил Лай.

Короткая боль, и на кончике указательного пальца выступила рубиново-красная капля. Лайонел повернул мою руку тыльной стороной вверх и поднес ее к сосуду. Капля с тихим плеском столкнулась с жидкостью, чудесным образом наполнившую кубок.

Зиуданс поднес мою руку к своему рту и облизал пострадавший палец: вздрогнула, чувствуя, как низ живота сжался.

Затем Лай передал мне коробочку. Несложно было догадаться, что теперь моя очередь. Прodelала то же самое: Лайонел резко выдохнул, когда я слизала кровь с его пальца.

Амнон, наблюдавший за сценой, закатил глаза.

— Напоите друг друга, — подсказал Анубис, передав львиную голову Лайю.

Лай обхватил кубок руками и поднес его к моему лицу. Сделала глоток: горячая, чуть острая жидкость обожгла язык, а после пожар на языке сменился онемением, как будто от мороженого.

Перехватила серебряную ножку: был мой черед.

Как только мужчина сделал глоток, я почувствовала, как жар обдал руку. Я даже вскрикнула от неожиданности.

С опаской подняла конечность к глазам, боясь увидеть огромный уродливый волдырь. Но на запястье красовался силуэт львиной головы с буйной гривой.

45

Ерзала на стуле в кабинете Лайонела, чувствуя себя крайне неудобно. Сегодня был мой первый день в качестве квенсы — жены зиуданса, правителя всего Хайма. Пока лаизареис Табиб искал способ вернуть Лайю прежний облик, я должна была выполнять его обязанности.

«Из тебя королева, как из меня — огнедышащий дракон», — колко заметил Ишум, все еще прибывая в облике серой невзрачной пташки: солнце едва показалось из-за горизонта, и порыжели только кончики его перьев.

— Ох, не знаю... — ответила на замечание вслух, от волнения забыв, что озвучивать мысли моему пернатому другу необязательно. Он может без труда прочитать их в моей голове. — Что-то мне беспокоит...

Лайонел сказал, что в последнее время в Хайме все тихо и мирно, и хаубисы сами справляются с проблемами в своих Аирзах. И все, что от меня требуется — присутствовать на собраниях Совета и каждый Устасс принимать в замке просящих. Дни недели в Хайме получили названия от пяти главных элементов мироздания: Фон, Вато, Виндс, Аирза, Сайвала. Устасс, 6 день недели, приходился на повсеместный выходной. Этот день был значительно длиннее других, почти в 1,5 раза, и в переводе с древнего языка означал «Возрождение». По легенде, в этот день из пепла восстал Фуглис Люихаз, раненный в смертельной схватке. Поэтому-то этот день и дольше на целых восемь часов — мир замер, скорбно ожидая, что будит с ним дальше без Создателя. История впечатляющая. Только судя по рассказам Ишума — спустившись на брэнную землю, он только и делал, что развлекался с женщинами и устраивал пьяные выходы. Так что это эпичное «Возрождение» может всего лишь означать тяжелое похмельное утро. Хотя... Может, он просто мне врет, чтобы не пугать. Если жители все преувеличили — откуда тогда пошла история Великой Битвы между ним и Поглотителем Миров, Ваурмсом? А покрытое завесой тайны происхождение Выжженной Земли, оскверненной загадочными Азгонами... Что-то было скрыто в прошлом этого мира, о чем Ишум не хотел мне говорить...

Амнон зашел в кабинет отрывистым шагом и тут же замер, увидев меня. Его пасть скривилась в подобии усмешки: меня даже пробрало. Не от отвращения — этот тип даже с головой египетской собаки умудрялся сохранять образ холеного аристократа-сноба — мне пугало то, что могло последовать за этим выражением.

— Я думал, придется тебя вытаскивать прямо из нагретой ночными утехами постели, — Анубис сделал шаг, но в кресло напротив не сел, лишь положил на него свою черную с острыми когтями руку.

Открыла рот, чтобы возмутиться, но решила, что разумнее промолчать. Он не должен был знать, что у нас Лайонелом брак — фиктивный. Не то, чтобы я не хотела... Или боялась

— опыт в таких делах, хоть и скудный, у меня имелся... Просто что-то Лайя останавливало. После того спонтанного поцелуя, который чуть не закончился вполне ожидаемым образом — Лайонел старался лишний раз ко мне не прикасаться. Может, я что-то сделала не так...? В момент, когда мы, не отрываясь друг друга, рухнули на кровать, а мои руки в поисках тепла забрались под слои белой ткани, в которую он был обернут, мужчина вдруг остановил меня, придумал нелепое оправдание и ушел. Я боялась поднимать эту тему и придерживалась нашему изначальному договору о фиктивных отношениях. Ведь правда мне могла не понравиться...

— Не твое дело, — наконец выдавила я, вырываясь из клубка запутанных чувств и воспоминаний.

— Как скажешь, — Амнон равнодушно пожал плечами, но его глаза с подозрением прищурились. — Как бы там ни было, мы не практикуем ритуалы консумации брака. Бред, придуманный маннами, любящими загонять себя в рамки.

Мужчина сел в кресло и пасанул мне книгу, которая, при повторном рассмотрении, оказалось стопкой прошитых листов. Взяла импровизированную папку в руки, где в письменном виде излагались просьбы жителей Хайма — с ними предстояло ознакомиться до аудиенции. Но странные письма и глифы, трансформировавшиеся в завитушки и крючки русских букв, расплывались перед глазами. Другое мне было интересно сейчас, совсем другое...

— Так у вас популярна свободная любовь и многоженство? — поинтересовалась небрежным тоном, перелистывая страницы. Хотя под ложечкой засосало в ожидании ответа. Не хотелось бы стать частью гарема... Или после проведенной вместе ночи узнать, что для Лайя это пустой звук, еще одна звездочка в дневничке завоеваний.

Амнон скривился.

— Это вы, люди, — из его уст безобидное слово прозвучало, как оскорбление, — изощряетесь, как можете. У нас все просто. Близость — это одно из проявлений любви, способ познать друг друга. Мы не пытаемся извлечь из этого выгоду, мы просто любим. А если любовь заканчивается, что бывает, хоть среди моих сородичей это и редкость, мы не изливаем друг на друга потоки желчи и злобы.

— Ну... Теперь понятно, почему Кейсара встретила меня так дружелюбно, — не удержалась и вставила шпильку. Уж больно он все представил таким идеальным.

— Это другое дело, — Амнон наклонился через стол, опершись руками о полированное черное дерево. Неприязнь в таких же темных глазах обожгла холодом. — Кейей двигала не ревность, а оскорбление всего ее рода. Пойми, Га-Лиуган — не просто обмен безделушками, как у вас, которые можно снять и забыть, — слушая, коснулась метки на запястье, цветом она походила на родимое пятно, только контуры четче, как у тату. — Это серьезно. Я бы пережил, если ваши... — он снова скривился, будто проглотил лимон целиком, — отношения были всего лишь минутным помутнением, блажью. Но сделать маннку... Квенсой....

Анубис неверующе покачал головой, но тут его лицо неожиданно смягчилось. Как если бы он надел маску. От такой резкой смены настроения — захотелось оказаться от него максимально далеко, и я вжалась в спинку стула.

Улыбнувшись мягко и снисходительно — от чего паника схватила меня за горло: Он что-то задумал? — Амнон выпрямился, поднимаясь с кресла.

— Нам пора. Можете не бояться, Светлейшая. Я буду рядом все время. Все-таки я —

фродас зиуданса.

Встала, прижимая к груди бумаги.

«Слушай, а этот типчик — занятный. Может, тебе надо было за него выйти?»

— Ишум! — возмущенно выкрикнула, забыв, что достаточно было подумать.

Амнон обернулся, вопросительно дернув почти незаметным надбровным валиком. Я отвела взгляд, а его глаза тут же переключились на Бога в птичьей шкурке.

— Не клич Создателя понапрасну.

Уж не знаю, догадался ли местный Анубис, о том, что Птах не такая уж простая пташка, но виду не подал.

46

В первые пятнадцать минут встречи с подданными Хайма, я чувствовала себя хуже, чем на госэкзаменах: голова кружилось, к горлу подкатывала тошнота, а ладони покрывал холодных пот. Мы находились в бальном зале — в глубине галереи, окаймляющей стены, прятался вход в Белую гостиную, где мы с Лайонелом пили чай. В центре поставили трон, такой же как в холе замка на первом этаже, только чуть ниже. И постелили к нему бархатную дорожку, на которой топтались хаимцы разных мастей, пришедшие к зиудансу со своими просьбами. Фродас стоял справа от меня и, несмотря на свою острую неприязнь, помогал мне как советник: подталкивал к нужному решению деликатно и осторожно и даже не пытался выставить меня невеждой, какой я в действительности и была по отношению к законам Хайма и к быту его жителей. Да, я много читала в свободное время, но мне не хватало визуальной составляющей. Одно дела читать про тех же милуксов — домашней скотине, что в день дает больше галлона молока. Другое — в живую увидеть это шестиногое нечто размером с большую корову, похожее на помесь кота и козы. У меня даже челюсть отвисла от такого чудо-юда: и, если бы не Амнон, пришедший мне на выручку, вопрос «Что нам делать? Ведь из-за неурожая хави, милуксы перестали давать молоко...» остался бы без ответа.

— Светлейшая, какие ваши предложения? Я думаю, неплохо было бы разрешить Арцею пополнить запасы хави из нашего хранилища... — голос Амнона был притворно нерешительный, что позволяло мне выглядеть, как подобает Квенсе, чье слово — закон.

Кивнула в знак согласия, но на ум пришла идея из моего мира, и я решила ее озвучить.

— Да... Да... Но ведь это только временная мера, не так ли? — фродас кивнул, поджав губы: он явно хотел, чтобы я без лишних слов согласилась с ним. Но... Может, я много не знаю об этом мире — о сортах растений, видах животных и многом другом, но я знаю одно — все зависит от климата. Стоит зиме затянуться или весне стать слишком холодной — и урожай выходит скудным. Здесь, конечно, климат в каждом Аирзе свой, но это не значит, что нельзя приспособиться. Человек изобретает для того, чтобы жить было комфортнее и легче.

— Насколько я помню, хави похожа на траву, с фиолетовыми цветами и съедобными клубнями?

— Да, Светлейшая, — Арцей склонил голову: его кивок большой походил на поклон.

— И где вы ее выращиваете?

— У каждого из нас вокруг жилища разбит небольшой садик. Там и выращиваем самое необходимое. Обычно, изменения в погоде у нас несущественные и урожаю не вредят. Но в этом году, у нас неожиданно стало холодно, как в Калс Аусиде, даже привычный дождь

превратился в лед..., — в голосе мужчины с рогами и козлиной бородкой засквозила тревога.

— А у нас, на границе с Аусидой, начали таять снега, — вставил байра с бурым мехом и медвежьей пастью. — Хотя такого раньше не случалось...

— А из Трина ушли черные мимсы...

— Мы, верно, провинились перед Фуглис Люихаз...

— Или это козни маннов...

— Успокойтесь. — Фродас даже голоса не повышал, а все, до единого, замолкли.

Минутная зависть схватила за горло: я бы так точно не смогла. — Такое случалось на протяжении всей истории. Это временно. Надо просто пережить этот период.

— А можно... — начала и осеклась: столько пар глаз впились в мою тщедушную фигурку, жаждая продолжения, что меня сковал страх совершить ошибку.

— Мы внимаем Вам, Светлейшая, — в голосе Амнона зазвучала едва уловимая язвительность.

— Я... — прочистила горло, — подумала, что раз уж климат меняется, надо меняться и нам. К примеру, чтобы больше не было проблем с вымершими культурами можно построить теплицу, — правый глаз Анубиса дернулся, и я решила пояснить: — Это такое... помещение для растений, покрытое пленкой или застекленное, чтобы поддерживать определенную температуру, благоприятную для посадок. Я знакома с общими чертами таких строений. И могу...

— Я договорюсь с Кассией. Она наш зодчий. Поможет с конструированием этой... теплицы, — подхватил Амнон. Язвительный тон испарился из голоса, и, кажется, в нем промелькнули слабые нотки уважения.

— А как быть с мимсами? — спросила женщина из рода Вулвз, в жилетке из сыромятной кожи, с капюшоном и в высоких сапогах. И как ей не жарко?

— А вы не пробовали их приручить? Построить хлев с загоном... начать разводить их?

Вроде бы, мимс — это гибрид парнокопытного с черным мехом и выступающими клыками, смутно напоминавший кабана, только с крыльями и птичьими когтями вместо передних лап. Вполне сойдет за одомашненного вепря.

— Приручить? Мимсов? — со смешком переспросила волчица. — А что, это вызов!

Другие из рода Вулвз поддержали ее дружным смехом и воинственным кличем: выражая готовность хоть сейчас вернуться в Хультский лес и начать отлавливать летающих хрюшек.

Нервное напряжение, которое заставляло меня ерзать как на иголках, испарилось. Никто из присутствующих не желал мне зла — все они просто пришли за советом. В этот момент, можно сказать, отпала надобность в стражниках, выстроившихся в шеренгу позади меня, и в Гавре с Ару, стоявших по левую руку.

Оставшийся отведенный час прошел спокойно: я, не без помощи Амнона, конечно, выслушивала проблемы хаимцев — и это больше было похоже на взаимное обсуждение, вроде мозгового штурма. Меня начала греть мысль, что я могу хоть чем-то помочь жителям, приютившей меня страны. Да, я не смогу изобрести компьютер, провести газ и соорудить сеть телефонных коммуникаций, но я хотя бы могу помочь построить теплицу.

Ишум пригрелся у меня на плече и уснул, уткнувшись в крыло.

Когда все закончилось — слуги накрыли швейцарский стол. Устав сидеть, принялась прогуливаться среди присутствующих, ловя их смягчившиеся взгляды. В начале, они

смотрели на меня с недоверием и даже страхом, но теперь я могла с уверенностью сказать, что большинство из тех, кто пришел на «Устасскую встречу», были в нескольких шагах от того, чтобы принять выбор своего зиуданса. Конечно, в зале присутствовали и те, кто с каменными лицами простояли в отдалении и не задали ни единого вопроса. К примеру, один лива даже не притронулся к еде и напиткам: стоял в углу и сверлил меня тяжелым взглядом. Решила первой пойти на контакт. Подцепив бокал с вином и взяв тарелку с хлебом и сыром, направилась к нему.

Навязываться не буду, просто угощу.

— Вот держ...

— Умри, фальшивая Энтум-Ишу!

Он кинулся на меня, сжимая в руке нож. От неожиданности я застыла на пару драгоценных секунд. Но до того, как нож вошел в незащищенный живот, пространство между мной и обидчиком утонуло в ярком свете. Лива отшатнулся, уронив свой изогнутый кинжал. Прищурившись, я разглядела светящуюся фигуру: грациозная птица парила в воздухе, излучая сияние, смешанное со вспышками от пылающего пышного хвоста.

«Ну как?» — в вопросе было столько самодовольства, что я закатила глаза, но все же я протянула руку, и обновленный Ишум медленно опустился на ребро ладони: ни его огонь, ни свет не причиняли вреда. — «Таким я тебе нравлюсь больше?»

47

— Жаль, что я не могу поехать с тобой...

— Тебе не о чем волноваться, — в очередной раз заверила своего абу. Аба... Муж... Какие непривычные для меня слова. И хоть я всеми силами старалась убедить себя, что это всего лишь сделка, необходимая для пользы дела... Я не могла не чувствовать душевный подъем от этого незатейливого, но очень значимого, слова.

Зашла за ширму из рисовой бумаги, чтобы переодеться в походный костюм, состоящий из плотных штанов темно-бордового цвета и корсета со вшитым китовым усом — ими обычно в Хайме не пользовались, но раз я решила навестить к правителю Маннской Империи, нужно что-то соответствующее. Корсет одевался поверх платья с кружевным верхом и юбками из муслина цвета спелой вишни. Я справилась почти со всем, даже ловко зашнуровала элегантные башмачки, но вот корсет оказался для меня непосильной задачей.

— Тебе помочь? — послышался голос Лайя: он перестал шуршать картами, разложенными на столе с ножками в форме львиных лап. Приближающиеся шаги оповестили о том, что мужчина услышал мое тяжелое пыхтение, в попытке затянуть шнуровку самостоятельно.

Руки легли поверх плеч, очертив пальцами оголенные ключицы. Я почувствовала его напряжение — будто бы Лайонел хотел обнять меня, но словно непреодолимая сила останавливала, мешала. А может, это всего лишь чушь, и мне только кажется. Мы спим в одной постели — и даже не спиной к спине — а в разных ее углах. Будто тот поцелуй в Цитадели Первого Надрса обрезал все тончайшие нити, что соединяли нас. Нет, нежность и его взгляде и забота никуда не ушли, только вот на большее мне не приходилось рассчитывать...

— Нет, — упрямо помотала головой, закусив губу, чтобы спазм обиды, сковавший горло, не вырвался наружу судорожным всхлипом. Какая же я мягкотелая дура... — Я попрошу Сако и Милу помочь мне. Все-таки они мои служанки...

Дернулась, вынуждая его убрать руки, и ринулась к двери, прежде чем Лай меня остановил или попытался отговорить от безумной идеи.

Все правильно. Если он хочет держаться на расстоянии, значит, так нужно. Какой от меня прок, как от Квенсы? Я — человек, и мне жизни не хватит понять всех тонкостей, что каждый хаимец впитывает с молоком матери. Возможно, я всегда буду для них чужой... Этого не изменит даже титул «Энтум-Ишу», жрицы Огня, прилепившейся ко мне после собрания в день Устасс, и почтение в голосе подданных и, как бы ни было удивительно, мягкая снисходительность — бледное подобие симпатии, но все же — в глазах фродаса Амнона.

Милы в покоях служанок не оказалось — ушла собирать припасы в дорогу. А Сако увлеченно щебетала про какого-то Джиро и не заметила моего упавшего настроения.

— Джиро... Мне кажется, я уже слышала имя...

И действительно, в черепе заскребло от зудящего чувства, будто я знаю, может, не самого хаимца, но его имя точно.

— Этот прохвост мял простыни с Медейрой в гостевой комнате, в которую мы тебя привели, когда... — Сакорру смешалась, подбирая подходящие слова: я знала, что ей до сих пор было неуютно от того, в каких обстоятельствах мы познакомились.

Я улыбнулась и попыталась сменить тему, чтобы она не напоминала об одном из самых жутких дней в моей жизни, что по иронии судьбы стал теплым воспоминанием. Ужас и безысходность, что я испытывала все те часы, перекрыли янтарно-желтые глаза и ощущение крепких ладоней на моей талии. Лай не дал мне упасть тогда. Но я...

— Что с тобой?

Сако заметила, как моя ободряющая улыбка, предназначавшаяся ей, начала увядать, как только мысли угодили в трясины противоречивых воспоминаний. А слова «Все уже в прошлом» застряли в горле.

Тряхнула головой, покорно садясь в кресло перед зеркалом, на которое указала девушка.

— Расскажи, что... — Сако не унималась. Я даже на секунду пожалела, что Мила ушла на кухню. При ней Сакорру чувствовала себя скованней.

— Ничего, — опустила взгляд на серебряную пудреницу с высеченной на крышке розой.

— Лучше расскажи ты, чем тебя так привлек этот бабник?

Служанка смущенно хихикнула и принялась в два раза быстрее перебирать мои пряди расческой.

Было приятно видеть ее такой счастливой. Это даже немного подняло мне настроение.

— Ну, скажи... — просяще протянула я. Впервые за прошедшее время ощущала себя на свой возраст. На моей родной Земле девушки в возрасте 21 года ходили на тусовки и обсуждали парней, многие даже тянули с выбором работы, ведь до сих пор жили у родителей. А не вставали во главе страны, о которой имели только общее представление.

— Я знаю, что он тот еще повеса, — признала девушка, ее черные глаза смущенно заблестели. — Но он такой притягательный. Эта буйная черная шерсть, пронзительные глаза... Он похож на благородного почившего зуиндауса Ария, отца Светлейшего. Разве можно такому отказать?

— Рада за тебя, — лаконично ответила я, решив не озвучивать свои мысли. Будем надеяться, что этот Джиро наделен не только внешним благородством, но и внутренним...

Когда с приготовлениями было покончено, я вышла коридор, где столкнулась с Ару и Гавриилом.

— Я поеду с Вами, — произнесли они в унисон. Переглянулись, и тут же смущенно отвели глаза друг от друга.

Почесала нос костяшками пальцев, скрывая улыбку.

«Старик Ану в могилу сляжет, если узнает, что его дочь бежит за безродным человеком», — заметил Ишум, приземляясь ко мне на плечо.

Завидев мою невзрачную пташку, оба вытянулись, как по струнке.

«Уже жалею, что вступился за тебя», — скорбно вздохнул Ишум про себя. Я не поверила в искренность его досады — ведь тогда, на собрании, он мог бы всего-навсего передать мне силы, как при нападении Кейсары.

Гавр протянул мне невзрачный плащ, грубо сшитый из крашеного льна.

— Лайонел сказал, что тебе лучше не выделяться. Мы поедем в одной из крытых повозок, что используют торговцы в Империи. С нами отправятся с десятков гадраутсов. Во главе с капитаном первого ранга.

— У Вас есть время, чтобы попрощаться со Светлейшим, — Ару оглянулась на широкую лестницу за нашими спинами. Поглощенная мыслями, я и не заметила, как мы уже оказались на улице.

Ветер, сметавший песок с массивных мраморных ступеней, пытался пробраться под складки куфии, которой я обмотала голову — правда помогла мне с этим Ару, а иначе у меня получилось бы жалкое подобие старушечьей косынки на голове.

— В этом нет необходимости, — ответила сухо. Даже резко. На что девушка-волчица нахмурилась, но промолчала.

У подножья лестницы нас ждал, небольшой отряд, облаченный в такие же черные плащи, со сверкающими на солнце мечами — конспирацию нарушали рваные движения воздуха, игравшие с полами их одежд и выставляя на всеобщее обозрение весь их арсенал, состоящий преимущественно из колюще-режущего оружия. Стражники отдали честь, коснувшись лба и поклонившись.

Самый высокий, стоявший в отдалении, снял капюшон. Фиолетовые глаза пробрали до озноба, будто меня окунули в ледяную воду. Или, может, дело было не в глазах, а в том, что на меня смотрел чистокровный лива, с тем же жестким волевым взглядом, как и у зиуданса Ария, чей портрет висел в главном коридоре, ведущем на балкон.

— Я — Джиро Свартслива, — он поклонился: я дернулась. Показалось, будто он собирается напасть. Слишком резкое было движение. — Нам лучше поторопиться, если не хотим, чтобы Ингив (яд, аналог пустынного ветра Самума) настиг нас.

48

Тряслась в повозке, отдающей слабым запахом камфоры, и никак не могла выкинуть из головы слова, сказанные Джиро в момент, когда Гавр и Ару готовились к отбытию — загружали в повозку все необходимое на эти три дня: еду, воду, одеяла, сменную одежду, оружие дальнего боя. Хотелось бы все списать на свист ветра в ушах, на натянутые нервы, на постоянные мысли о том, что кто-то в замке хочет меня подставить. Но...

«Хороший трюк ты выкинула на Устасской встрече, но этот жалкий фриондс, выдающий себя за Огнептицу, не сможет вечно защищать тебя. Тебе лучше вернуться назад, красавица»

Я в тот момент так растерялась, что пробормотала нечто нечленораздельное и уткнулась взглядом в свои пыльные ботинки. И даже не смогла пересилить себя, чтобы

заглянуть в его холодные аметистовые глаза. А по голосу было непонятно угрожал ли он мне, или это просто был такой способ выразить свое презрение.

Вздыхнув, прислонилась к деревянной стене. Пока Гавриил, Ару и даже Ишум — угнездившийся у меня на коленях — спали, я тревожно ерзала в своем углу, не в силах выкинуть из головы то, что сказал капитан первого ранга.

Что он имел в виду? Знал ли, что я не из соседней страны маннов, а из мира, совершенно непохожего на этот? Почему он не верит, что мой Птах — и есть та самая Огнептица, Фуглис Люихаз? Или он своего рода атеист?

Столько вопросов... Но у меня не хватит духу задать их в лоб этому Джиро. Было в нем что-то опасное... Я на инстинктивном уровне боялась его. Даже раздражение и ксенофобия со стороны Амнона не тревожили меня так сильно. Анубис проявлял чувства ярко, даже когда говорил ровным голосом, испепеляя своим угольно-черным взглядом. А этот Джиро... Внешне ничем не проявлял свою неприязнь ко мне, но... Что-то было за фиолетовой завесой его радужки, что-то в глубине его зрачков бросало в дрожь с одного взгляда.

Мотнула головой, прогоняя видение. И невольно дернула рукой, потревожив Ишума. Он расправил перышки, дернув головкой — по его расцветке было понятно, что близился закат.

«Выбрось всякую чушь из головы», — буркнул он, и, вспорхнув с моих колен на пол, попрыгал к миске с недоеденным хлебом.

Его присутствие напомнило мне, что у меня есть друг — ворчливый, язвительный, с претензией на всемогущество (ну... или на суперсилу). С ним мне не страшен никакой двухметровый человекоподобный лев. Данное умозаключение успокоило развороченные чувства, и я уснула.

Следующие два дня пути прошли спокойно. Мы держали путь через обманчиво бескрайний лес, пополняя запасы воды и стреляя мелких животных. Все гвардейцы зиуданса были из плотоядных, поэтому никто особо не вредничал, кроме Ишума — что начинал причитать после каждой подстреленной птицы.

Утром третьего дня мы выехали из чащи на широкую проселочную дорогу, опоясывавшую плотный ряд деревьев разных мастей от высоких сосен до худосочного молодого тальника. Дорога поднималась все выше, оставляя лес и земли Хайма позади — я, если честно, даже не поняла, в какой конкретно момент мы пересекли границу. Вдали на открывшейся равнине с посеревшей травой и промерзлой землей, открывался вид на Тарру. Приграничный город, в котором жила бывшая любовь Гавриила. Именно в этом городке, что находился ближе всего к пограничной линии, меня ожидал правитель Империи Маннов, написавший мне письмо 4 дня назад и пригласивший на встречу.

У главных ворот нас остановили караульные, но как только Гавр, сидевший на козлах, показал пропуск с сургучной печатью, что был в том желтом конверте, нас без проблем пропустили (через щербатый корпус повозки было видно не так много, но было несложно догадаться, чем вызвана задержка).

Повозка остановилась. Дверца на другом конце повозки открылась. Стражник, стоявший ближе всего, протянул руку, я приняла ее и содрогнулась, когда фиолетовые глаза хищника царапнули по лицу. Вместо «спасибо» сдержано кивнула — я знала: поблагодарю вслух, и голос предаст меня.

Ишум приземлился на плечо — вместе с ним вернулась часть уверенности. Выпрямилась и огляделась. Глазам предстала белокаменная усадьба с просторным подъездом. Мощеные дорожки огибали длинное здание и уходили вглубь сада. Главный

въезд заканчивался широкой лестницей, ведущей в портик с колоннами, где располагался центральный вход. Даже в сером, в преддверии зимы, окружающем пейзаже, здание поражало своей белизной, множеством пилястр и балюстрад на балкончиках и позолоченной лепниной. Закралась мысль о том, что это одна из резиденций императора.

Интересно, что он за человек...?

— Мы Вас ждали, — дверь открылась еще до того, как мы достигли верха лестницы.

Лощеный старик с зализанными назад седыми волосами поклонился.

— Пройти могут только трое, — мужчина поднял руку в белой перчатке в запрещающем жесте, когда пятеро из моей свиты, включая Гавра и Ару, уверенно шагнули к входу.

— Нас послал Светлейший, и... — резко начал Джиро, напрягаясь всем телом, но я его перебила, даже грубее, чем планировала.

— Пойдут Гавриил и Ару.

— Как прикажете.

Мне показалось, или я услышала скрип зубов?

Дворецкий снова поклонился, отступил, и вытянул руку, приглашая нас пройти.

Как только мы вступили в холл, в глаза сразу бросились охотничьи трофеи, украшавшие стены — увидев голову волка Ару поморщилась, а Гавр инстинктивно сжал рукоять меча, будто готовясь напасть в любой момент.

Слуги закрыли массивные двери, и мы направились вверх по лестнице, оставляя жуткую прихожую позади — я хоть и не была хаимкой, но стеклянные глаза мертвых животных меня точно не радовали. Кто вообще так украшает вестибюль? Промелькнула мысль, что чучела перенесли сюда специально, из-за нашего приезда — но это было бы слишком дико.

Цветастый ковер глушил наши шаги, тишина в таком большой доме — нервировала. Будто, нас ведут в ловушку...

«Успокойся. Помни, что у тебя есть я», — покровительственный тон прозвучал в голове, я почувствовала, как шевельнулся Ишум на моем плече, выпячивая грудь.

«Я думала, ты не хочешь вмешиваться...»

«Если с тобой что-то случится, Лайонел зажарит меня на вертеле. К тому же, только живая сила твоей крови держит меня здесь. Если ты скопытишься — я отправлюсь напрямик в Теневой Мир. А я пока туда не рвусь»

«Ого, как я откровенность», — только и сказала я по себя. Могла бы придумать ответ остроумнее, но наша изрядно поредевшая процессия остановилась вслед за стариком.

— Константин Третий ожидает Вас.

Сигнал слугам — и двери отворились.

Сплотнула — чувствуя, как тугой комок царапает высохшее горло. Прошло три дня — а казалось, лишь мгновение минуло, с момента, как я сжала в руке конверт из плотной бумаги.

Задрала голову, чтобы не выглядеть жалко и неуверенно.

И шагнула через порог, чтобы встретится с императором маннов.

49

Мужчина, сидевший за столом и перебиравший бумаги, завидев нас, хлопнул в ладоши и встал, расплываясь в улыбке.

Дернулась, чуть не отступив назад к двери. Выражение лица, на чуть раздутом от лишнего веса лице, должно была расположить к себе, но вызывала лишь отторжение. Добродушная улыбка меня совсем не впечатлила.

— Меня зовут Гелиодор, я регент Империи Кигаль, — он протянул руку, увешанную кольцами, и мне не оставалось ничего другого, кроме как вложить в нее свою. — На мои плечи легли обязанности Его Величества. Недуг отнимает его у нас...

Припечатавшись своими лоснящимися губами к тыльной стороне моей ладони, он скорбно вздохнул. Но я ни на грамм не поверила в то, что его тяготит положение вещей. От него исходила фальшь, как от отфотошопленных фотографий, заполонивших интернет. Я не всегда могла похвастаться сильной интуицией, но в данной ситуации было уверена в своей правоте.

— Так это Вы прислали письмо с просьбой о встрече? — села на резной стул, обитый гобеленом, стоявший напротив массивного стола, чью столешницу не было видно из-за нагромождения бумаг и карт.

— Верно, — подтвердил Гелиодор, возвращаясь на свое место.

— Я думала встретиться с самим Константином III, а не его... поверенным, — Я даже и не попыталась скрыть свое недовольство за пластмассовой любезностью. На правах королевы Хайма, я имела роскошь не лебезить перед ним.

— Как я уже упомянул, свет наших очей, наш мудрый правитель Константин III болен. Он очень слаб. Намедни ему стало хуже и сейчас он отдыхает. Но, уверяю Вас, он ознакомится с соглашением, к которому мы с Вами приедем. Я о Вас слышан! Женщина, покоровшая короля диусов, вставшая во главе этих дикарей, должна понять, как важно поддерживать связи с нужными людьми.

Пока мужчина — похожий на свинью в парике, которую нарядили в королевский мундир с золотыми пуговицами и эполетами забавы ради — говорил, его маслянистые глаза изучающе скользили по мне. И от этого взгляда захотелось залезть в ванную, до краев наполненную хлоргексидином. Для меня подобная неприязнь — возникшая моментально с первого взгляда — была в новинку. И чтобы не выдать ее, я растянула губы в немного болезненную улыбку, в надежде, что этот человекоподобный хряк не заметит.

— Соглашение? Какое соглашение? — вырвала из предложения слово, что буквально кричало о том, что ни во что хорошее это чаепитие не выльется (дворецкий, что встретил нас у дверей, буквально на середине короткого монолога, принес поднос с чашками, и, сдвинув кипу макулатуры в сторону, водрузил его на стол).

— О! — регент снова хлопнул в ладоши. — Оно Вас впечатлит. Его Величество решил заключить незыблемый мир между Хаймом и Империей!

Дернула бровью, вжавшись в спинку кресла: в страстном порыве мужчина перегнулся через стол, заглядывая в мое лицо.

— А разве Великая Война не закончилась победой Хайма?

Извилины, в попытках понять мотивы этого Гелиодора, норовили завязаться морскими узлами.

Насколько я знаю, Арий, отец Лайонела, возглавлявший армию Хайма, разбил людское войско и выгнал их со своей земли. После, в первую десятилетнюю годовщину мира, он потребовал своего рода репарации — каждый месяц, в полнолуние — проигравшая сторона обязана была выплатить кровавую дань, за убийства незащитных женщин и детей из Акраса, Трина и Хульт-Аусиды. Молодую девушку, неважно из знатной семьи или из семьи бедняков, — приносили в жертву новому зиудансу.

— Видно, Вы плохо в свое время изучали историю нашей страны, — мягко пожурил меня регент. — Да, диусы выгнали нас из своих земель, но мир так и не был заключен.

— А как же... — растерялась я, и, забыв о неприязни, поддалась вперед: голос Гелиодора стал на тон ниже. — Жертва... Дань, что Империя обязалась платить Хайму?

— Ах, это, — небрежно бросил регент. — Все эти жертвы не относятся ко всей Империи Кигаль. Наместник Дасоса и территорий, что были в его ведении, чем-то насолил предыдущему правителю Хайма. И тот вынудил его подписать тот зверский договор. Мы не вмешивались, так как не обладали достаточной силой, чтобы дать отпор Хайму. Сейчас, признаюсь, ситуация изменилась. Империя вернула былую мощь. Но мы не хотим новой войны. Мы хотим мира. А Вы — нет? После того как соглашение будет подписано, мы выставим солдат по всей территории границы. Они будут погашать возникающие конфликты. Людей, что охотятся на диусов, будут наказывать по всей строгости. В перспективе, мы наладим торговые пути, и будем всячески поддерживать тех их жителей Хайма, кто захочет перебраться в Империю. Мы установим крепкий мир. Вам лишь нужно подписать здесь.

На стол лег документ из плотной бумаги, формата А3, написанный на незнакомом мне языке. Я уже хотела позвать Гавра, чтобы он помог мне разобраться, даже развернулась в пол оборота, как мое внимание привлекла карта со знакомым ландшафтом, чей угол свисал с края столешницы.

— Что это? — выудила карту прежде, чем регент успел меня остановить.

— Это... — я почти слышала скрип винтиков в его голове, когда он пытался подобрать складный ответ. Но и так все очевидно — Империя Кигаль решила урвать себе жирный кусок от земель Хайма. — Просто... Нашим солдатам будет проще защищать диусов, что живут в лесах и полях Хайма, если эти земли станут частью Империи. Но не беспокойтесь, они сохраняют свою автономию, за исключением...

— Нет, — отрезала я, вставая. — Ничего я подписывать не буду.

— Но как же...! — Гелиодор с несвойственной его комплекции прытью выскочил из-за стола и перегородил мне дорогу. Ару и Гавр тут же отлепились от стены. Ару сцепила зубы: ее пустые руки подрагивали, будто она хотела сомкнуть пальцы на толстой шее самоуверенного регента. — Вы не понимаете, сколько выгоды это принесет Хайму и вашей родной стране! Пара акров земли — малая цена для спокойной и мирной жизни.

Он попытался схватить меня за запястье, но Ару яростно ударила его по руке, даже сильнее, чем позволяли приличия.

— Не трогай нашу Светлейшую, — процедила она. Гавр взялся за меч.

— Александр! — позвал Гелиодор, чувствуя флюиды враждебности, исходящие от неразлучной парочки. — Для кого вы хотите сохранить эти земли? — регент снова обратился ко мне, но я слушала его в пол уха. Звук тяжелых шагов, под аккомпанемент металлического перевязка, меня беспокоил больше, чем умозаклучения этого хряка. — Эти диусы... Дикари! Они загадят все земли своим дерьмом. Мы, люди, распорядимся ими лучше! Построим величественные города, а не жалкие лачуги из веток и сена и убогие деревни! Ты тоже человек — ты не должна ратовать за этих тварей!

Ару с рыком кинулась на регента. Тот вскрикнул от боли, схватившись за лицо — острые когти оставили три глубокие царапины на его жирной, гладко выбритой щеке.

— В моей убогой деревне меня наградят, если я заберу твою голову и повешу ее в своей спальне как трофей!

Она снова кинулась на него, мы с Гавриилом попытались ее остановить — одно дело отказаться от сотрудничества, другое — убить представителя власти.

Тут двери распахнулись, и вбежала дюжина вооруженных солдат в красных мундирах, а над ними возвышался исполин в позолоченных доспехах. Который тут же нашел себе цель — девушку-волчицу, с перекошенным от ярости лицом.

Взмах палицы резанул воздух. Гавр оттолкнул меня к окну, а сам ринулся помогать своей напарнице, отбиваясь от тех, кто попадался ему на пути. Просторная комната теперь казалась до смешного маленькой.

— Схватить ее! — покрытый пятнами крови палец-сосиска ткнулся в меня. — Узнав, что его жена у нас, король этих дикарей отдаст что угодно, чтобы вернуть ее!

«Ишум, не помешала помощь!»

«Думаешь?» — за ленивый зевок я готова была убить.

Шесть гвардейцев выставили вперед свое разномастное оружие, и мне даже было не дернуться, чтобы не напороться на чей-то меч.

В разгорающейся суматохе, наполненной ругательствами, звоном мечей и смачных ударов, потонул скрип открывшихся дверей, ведущих в смежную комнату.

— Что... происходит? — усталый голос прозвенел четко в наступившей тишине: все замерли и уставились на вошедшего в кабинет мертвенно-бледного мужчину с седыми волосами.

— Ваше Величество...! — стражники и их командир, рухнули на колени и уставились в пол.

Вошедший — стариком его было сложно назвать, это был мужчина лет пятидесяти, а обманчиво седые волосы были просто чересчур светлыми, но его сгорбленная фигура с дрожащими коленями, выглядела старше фактических лет — обвел всех выцветшим взглядом. И в этот миг живые эмоции промелькнули на его апатичном лице...

— Не может быть... — пробормотал он и нетвердой походкой направился к Гавру.

50

Голова раскалывалась так, будто вместо спинномозговой жидкости пустили яд, который сейчас циркулировал под черепной коробкой, а после проникал в кровь, вызывая ужасную ломоту в теле и накатывающие приступы тошноты. Попыталась вспомнить, что произошло, смазанным взглядом разглядывая знакомые изгибы ржавых желобов.

— Не может быть... — пробормотал император Константин III и нетвердой походкой направился к Гавру. С каждым его шагом кулон на его шее светился все ярче. Когда же он подошел к Гавриилу вплотную, прозрачный кристаллик в оправе стал кроваво-красным.

Парень от накатившей на него смеси шока и растерянности, не успел даже увернуться от обрушившихся на него объятий.

— Ты так похож на свою мать... — в уголках воспаленных серых глаз выступили слезы. — Особенно глаза... Такие же голубые, как два озера апрельским утром. Я... почти 20 лет жалел, что выгнал ее, не поверив, не дав объясниться... Двадцать лет я мучился неведением, представляя, выжил ли ты? Каким стал? Я...

— Вы знали мою мать? — от напряжения в голос парня пробралась болезненная хрипотца. Он отстранился, заглядывая больному Императору в глаза.

— Знал, — кивнул Константин, и так и не поднял головы, разглядывая свои расшитые золотом туфли. — Я любил Кассандру. Очень сильно. Она была моим воздухом, огнем моей души. В моей жизни не было женщины, равной ей: ни до нашей встречи, ни после. Ты... Мой сын...

Глухой звук столкновения лезвия меча о ковер из воспоминания загудел в голове. Сморгнув пот, заливающий глаза, попыталась сосредоточиться на реальности.

Точно. После той эпической сцены, мы урегулировали начавшийся конфликт, подписали мир. В разгар праздничного банкета было решено, что Гавр останется, а я с Ару и отрядом Джиро вернусь в Ливахайм.

Банкет... Да. Помню, у меня закружилась голова, и Джиро вызвался вывести меня на балкон.

А дальше — пустота.

— Джиро... — слабо прохрипела я, облизав треснувшие губы.

Жутко хотелось пить. Голова и не собиралась приходить в норму, а зрение отказывалось давать четкую, не смазанную картинку.

— Я здесь, Светлейшая, — донеслось из тени. В ушах стучала кровь, и я не смогла уловить интонации голоса.

— Где мы, Джиро? Тот банкет был западней? Нас схватили...? Где...?

Гримаса отвращения и холодного гнева, освещенная желтоватым светом факела, дала ответ.

Я не ошиблась, когда подумала, что нахожусь в Зале Жертвоприношений — желоба для стока крови мне не померещились.

— Зачем тебе все это? — дернулась: стул подо мной жалобно скрипнул, а тугие веревки обожгли натертую кожу. — Не понимаю, я же ничего тебе не...

— Не сделала? — закончил он сквозь зубы, расстояние между нами сократилось еще на шаг. Джиро принялся рвано кружить вокруг меня, словно голодный коршун, то сжимая, то разжимая кулаки. — Задурить голову правителю Хайма — это ничего, по-твоему? — Я остро ощутила — если мне не удастся утихомирить выплескивающуюся из него адскую смесь негодования, злобы и презрения — мне не уйти из этой передрыги живой.

Вдохнула через нос, чтобы успокоить дыхание и звучать так спокойно, насколько было возможно в данной ситуации.

— Джиро, я не влияю на решения Лайонела. И я не собираюсь задерживаться в Хайме дольше, чем это нужно, — прозвучавшая ложь противно скрутила внутренности. Я не хотела назад. Пока нет. Я еще не разобралась со своими чувствами, и мне не хотелось возвращаться в свой мир, оставив свое сердце в Хайме. — Отпусти меня, и Лай ничего не узнает. А как только он найдет способ...

Лива рванул ко мне, широкая ладонь сжала горло, перекрывая доступ к кислороду и путая мысли: жадно хватала ртом ускользящий кислород, растирая в кровь связанные запястья и мотая головой.

Все прекратилось так же быстро, как и началось: Джиро с отвращением отшвырнул меня. Стул, не имевший крепкой опоры, пошатнулся, свою роль сыграла сила притяжения: я рухнула на пол, потревожив пыль, осевшую на поверхности. Из-за удара перед глазами замигали черные мушки, а по пищеводу вверх хлынул поток желчи, но я слотнула его обратно. Хватит того, что я связана. И так градус беспомощности зашкаливает. Не доставлю ему удовольствия наблюдать, как я захлебываюсь собственной рвотой.

Медленно гоняла воздух туда-сюда по горячей трахее, успокаивая взбунтовавшийся желудок. Приступ тошноты отступил, но в голове до сих пор стучало: усилием воли заставила воспаленные извилины работать.

Я должна оттянуть кровавый исход настолько, насколько возможно. В идеале на день-

два, а не на несколько часов. Оттянуть время — увеличить шансы на спасение.

— Знаешь... — холодный голос, казалось, раздавался со всех сторон: пустое помещение усиливало эффект, — я мирился с тем, что нами правит полукровка, — сердце сжалось: он знает. Знает секрет Лайя, — пока он каждый месяц приносил в жертву одну из этих маннских девок. Но тут он решил изменить своей маленькой традиции, и оставил жизнь... тебе, — в голосе звучала все та же ярость, но будто заключенная в железную клетку. Повернула голову: перед глазами обнаружились два ботинка с квадратными мысами. Джиро стоял слишком близко.

— Но почему тебя это волнует? И что, что Лай не полнокровный. Разве Лайонел плохой правитель? — я едва держалась, чтобы истерика, маячившая совсем близко, не просочилась в голос.

— Все просто, — мужчина присел на корточки, перед моим лицом блеснул изогнутый кинжал. Кроваво-красный рубин на навершии притягивал взгляд. — Пожалуй, я удовлетворю твое любопытство. Все равно, ты не доживешь до утра.

Он убрал кинжал в ножны, и прежде, чем я выдохнула (мозг упорно не хотел обрабатывать последнюю фразу), капитан встал, рывком поставив стул вместе со мной. Скрежет ножек по полу отдавался в голове. Когда я оказалась в самом центре жуткой пентаграммы, Джиро отступил и продолжил.

— Лайонел — мой брат, — последнее слово он произнес, дернув уголками губ в отвращении. — Наверное, он уже рассказал тебе сказочку, как могучий лива встретил замарашку-маннку, влюбился без памяти и провел с ней ритуал Га-Лингуан? Так вот, на сказку это было не очень похоже. Да, Арий Благородный встретил маннку. И эта любовь разрушила жизнь Аданнай, моей матери. Она в тот момент была его брузой (невеста). И он отправил ее домой. Не объяснив причины. Чтобы защитить свою замарашку. Моя мать жила, как отшельница, чужачка, в собственном доме. Она так и не вышла замуж, нося клеймо «порченой». Никто не поверил, что лива у нее под сердцем — имеет отношение к зиудансу Арию. Все решили, что он выгнал ее за измену. Аданная не выдержала — сбросилась с утеса Фанг (клык). И все из-за такой же грязной манки как ты...

Джиро снова достал кинжал, шагнул ко мне: и я поняла, что рассказ окончен.

— Подожди, — забормотала я, лихорадочно ища нужные слова в пульсирующей голове, — но я ведь ничего ни тебе ни твоей маме не сделала! Зачем убивать меня?

Джиро закатил глаза: попытка продлить разговор прошла мимо.

Замах руки. Я зажмурилась, стиснув зубы.

Он не услышит моего последнего крика.

— НЕТ! — рев пронзил тишину, и он принадлежал не мне.

51

Очертания смазанной фигуры промелькнули перед глазами.

— Ты...!

Капюшон слетел, и от короткого, пропитанного беспокойством взгляда стало так легко, что я невероятным усилием заставляла себя держаться на плаву реальности.

— Я всегда знал...!

Смачный удар в челюсть не дал Джиро договорить. Лива лишь пошатнулся. Когда он заговорил, я почувствовала насмешку в его голосе.

— Ты — такой же жалкий, как и любой из этих вшивых маннов! Я мерился с твоим

правлением, пока сущность ливы в тебе преобладала. Но теперь я вижу, что гнилая кровь твоей матери взяла верх!

Лайонел снова замахнулся, но Джиро было не так легко застать врасплох, как в первую секунду.

Началась борьба, похожая на смертельный танец: когда волна адреналина и страха отхлынула, на меня начала медленно опускаться тяжелая черная пелена. Перед глазами мелькало начищенное лезвие, но я не могла понять, кто побеждает. Я даже на пару минут отключилась, позволив слабости окунуть меня в прохладное забытье.

Полукрик-полурыв, смешанный с жутким звуком рассечения мягкой плоти, вернул меня в сырую реальность.

— Лай... онел..., — слабо позвала я: перед глазами все еще рябило. Размытая фигура, пошатываясь, направилась ко мне, отпихнув бесчувственного соперника: окровавленный кинжал почти не отбрасывал блики серебра на каменную кладку.

Сморгнула плывущую картинку, и туман немного рассеялся. Медово-карие глаза лихорадочно светились на лице, покрытом испариной.

— Ты в порядке? — спросил Лай, принявшись одной рукой перерезать веревки, а другую продолжал судорожно прижимать к правому боку.

Взгляд зацепился за грудь, темнеющую в углу.

— Ты его убил?

— Нет. Он без сознания, — слабо ответил Лай, снова пошатнувшись.

Освободившись от пут и стряхнув остатки слабости — страх за дорогого мужчину открыл второе дыхание — едва успела не дать ему разбить лоб о каменный пол: правда, стресс, удар по голове и отравление оставили свой отпечаток: не смогла удержать его, ноги свело судорогой, и я пошатнулась.

Лай отнял руку, и со стоном помог мне вернуть равновесие, а сам припал на одно колено, скорчившись от боли — на каменный пол усеяли брызги густых темно-красных капель.

— Он ранил тебя! — взгляд заметался по помещению, полному плесени, пыли и запустения: в надежде найти хоть что-то, что поможет остановить кровь. Поняв, что ничего полезного тут быть не может, я оторвала кусок от своей муслиновой юбки, осторожно уложила мужчину на пол и прижала ткань к ране. Плохое освещение не позволяло оценить серьезность ранения, а темная ткань рубашки играла с восприятием: как хотелось убедить себя, что это не кровь...

— Я сбегая за лаизареисом! — ответ пришел сразу. Если от меня пользы мало — надо найти того, кто поможет. Благо, что я знала, где находятся покои лекаря.

— Стой, — Лай свободной рукой схватил меня за запястье. — Лучше побудь со мной...

— Но...

Лай разжал пальцы и, поймав мой растревоженный взгляд, покачал головой: сердце в груди болезненно сжалось, будто грудная клетка уменьшилась в несколько раз и теперь ребра сдавливали сердечную мышцу.

Зиуданс поднес руку с браслетом ко рту.

— Фродас... — шепнул он, с трудом разлепив губы. Лиловый огонек загорелся внутри инкрустированного камня. — Амнон... приведи Табиба в Зал Жертвоприношений... Я ранен...

Наступила давящая тишина, даже ноющие во всем теле кости и мышцы притихли. Моя

боль отошла на второй план, я вся обратилась в слух, с замиранием сердца, ожидая как чуда звук торопливых шагов. Но нет. Было тихо. Лишь тяжелое дыхание и капающая с потолка влага, были острым напоминанием того, что время не остановилось, а неумолимо текло дальше, как кровь, что впитывалась в бордовый муслин, прижатый к боку Лайя.

Я заполняла пустоту бессмысленными словами: позволяя мужчине цепляться за мой голос, чтобы его не утянуло во тьму. Рассказала о том, как прошла встреча с Императором, а после начала нести несвязную болтовню: когда новости и открытия закончились (на известии, что мой фриондс и есть Божественная Птица, Лайонел распахнул свои полуприкрытые глаза), я начала рассказывать ему о своем мире.

А на задворках в голове маячило черным по белому «Где же лаизареис?». Неужели и Амнон ненавидит своего Светлейшего, и решил дать ему уме...

Резко мотнула головой, прогоняя мрачные мысли. От неосторожного движения голову снова прошибла боль.

Закусила губу и, выдохнув через нос, продолжила:

— Как думаешь, используя ту Сферу, про которую ты мне говорил, ты сможешь попасть в мой мир? Я бы хотела показать тебе его...

Горячие слезы уже пробивали блокаду, обжигая уголки глаз.

— Геня... — стремительно холодеющая ладонь коснулась моей щеки. Большим пальцем Лайонел смахнул одинокую слезу, за которой через минуту-другую грозил последовать целый поток. — Мне бы тоже хотелось...

Слабеющий голос и беднеющее в потемках лицо резанули по сердцу.

— Я... тебя...

Стиснула дрогнувшие на моем виске пальцы, и прижала к груди, надеясь хоть немного передать мужчине часть своего тепла.

— Помолчи. Не трать силы. Поговорим, когда поправишься.

— Нет, — слабо возразил он. — Я должен...

И тут тяжелая дверь распахнулась: в помещение влетели четыре стража с носилками, больше похожими на паланкин без крыши, слишком уж роскошные — нечета нашим, состоящим из двух металлических брусьев и куска брезента. За ними вбежали фродас и лаизареис.

Амнон летучей мышью — его длинный черный плащ вызывал ассоциации — подлетел ко мне, а Табиб занялся Лайонелом, попутно раздавая указания гадраутсам.

— Что случилось? — встревоженно спросил фродас, бегая глазами от меня к Лаю, пока не зацепился взглядом за лежащего на полу ливу.

Я сбивчиво рассказала обо всем, что случилось.

— Значит, Джиро... — Амнон нахмурился. — Никогда бы не подумал...

— Это я... виновата... — тихо выдавила вертевшиеся на языке слова.

Вместо резких обвинений и утешающих слов, я услышала красноречивый фырк.

— Вот уж неправда. Всему виной этот упрямый асилус (осел), — Амнон кивнул в сторону носилок-паланкина, на которые четверо стражников осторожно перекладывали Лайонела.

Возразила бы — но Амнон круто развернулся, чтобы проверить виновника всего случившегося.

Мне было все равно, в каком состоянии Джиро. Как только стражники направились к выходу — и я ринулась за ними.

— Как он? — не выдержав, спросила Табиба, который быстрым шагом, насколько позволял его возраст, замыкал процессию.

— Рана не задела органы, но...

Лаизареис замолчал. Взгляд, полный сожаления, скользнул по моему лицу.

Внутри все похолодело в ожидании продолжения.

— Клинок был вымазан ядом Свартс-Надрса. Если отравы уже успела дойти до сердца то... Ему осталось жить три дня... Не больше.

52

Известие ударило по мне с такой силой, что я пошатнулась. И непременно кубарем скатилась с лестницы, если бы Амнон не поддержал меня за локоть.

— Джиро жив. Колотых ран на нем нет. Думаю, Лайонел изловчился и приложил его пару раз головой о стену. Как придет в сознание, я отправлю его в темницу, — ответил фродас на немой вопрос лаизареис.

Во мне внутри забурили ярость и злоба, подпитываемая от несправедливости. Почему? Почему этот выродок получил всего лишь сотрясение, а Лай, мой Лай, находится при смерти?

Но я молчала. Меня трясло от возмущения и подступающей истерики, но сдавленное горло, будто под завязку набитое камнями, мешало говорить.

Открыла рот, судорожно вдохнув порцию затхлого подвального воздуха.

— Соберись, тебе еще за своим абой ухаживать, — черный походный плащ опустился мне на плечи. При других обстоятельствах я бы обрадовалась проявлению участия со стороны Амнона, но не сегодня... Когда мир, трещит по швам, грозя от легкого дуновения ветра превратиться в руины.

— Ты не слышал? — резко обернувшись, напустилась на фродаса. — Лай... — горло снова болезненно сжалось, в этот раз я не смогла подавить рвущийся наружу всхлип. — Ему осталось жить три дня...

«Если яд уже успел дойти до сердца, то...», — всплыла в голове обнадеживающая фраза, сказанная Табибом, но я не могла заставить себя полагаться на это «если».

Оцепенение с фродаса спало, и он легонько тряхнул меня за плечи, заставляя взглянуть в его угольно-черные глаза с почти незаметными красными вспышками.

— Почему...? Что случилось...? Это ведь... пустяковая рана... Я, — обычно сдержанный фродас, умеющий четко и складно излагать свои мысли, растерял как свое самообладание, так и красноречие.

Черные пальцы сжались на моих предплечьях. Я не заметила ни боли, ни того, как длинные ноги впиваются в кожу под тканью плаща.

Ступор и бессилие накрыли меня тяжелой пеленой, мне хотелось просто позволить себе потерять сознание, а очнувшись, обнаружить, что все это было просто кошмарным сном.

— Яд... — только и смогла с усилием вытолкать из себя одно-единственное слово.

Зрачки, почти сливающиеся с радужкой, на секунду расширились, а как пришли в норму, на собакоподобном лице застыло напряженное выражение. Амнон разжал пальцы.

— Мы должны что-то сделать... — ледяной голос растерял львиную долю присущей ему уверенности.

Фродас, не заботясь о чистоте своей одежды, сел прямо на грязные ступени, в одном лестничном пролете до двери, ведущей на первый этаж замка. Он будто бы за один миг

лишился сил. Или же решил пустить всю энергию и оставшееся время на то, чтобы придумать способ, как вытащить Лайя из цепких лап смерти.

— А есть хоть один шанс, что...? — опустила рядом: в сидячем положении у меня не так кружилась голова. Понятия не имела, как продолжить фразу, но Амнон ответил, не дождавшись уточнения.

— Если Джиро пропитал лезвие кинжала ядом Свартс Надрса, — сердце пронзил болезненный укол, хотелось зажать уши, чтобы не услышать продолжения. Анубис с надеждой повернул голову в мою сторону: мое побелевшее лицо, сжатые губы и переполненные влагой глаза, выпускавшие скудные слезинки, все сказали. Я едва сдерживалась. Держась на одном честном слове. — Не одно существующее лекарство на земле Хайма и в Империи Кигаль не излечит рану, нанесенную таким клинком.

— Значит... — напряжение в голосе вырвалось едва различимым хрипом. Чувства разрывали пополам: хотелось пулей лететь к Лайонелу, быть с ним каждую отведенную минуту, а следом накрывало волной апатии, смешанной с диким желанием выть в пустоту, как чистокровный вулз, проклиная все и жалея себя.

Боже, почему это случилось со мной, с Лаем? Ох... Если бы я не пошла на то дурацкое собеседование, осталась бы в своем мире... Лайонел был бы...

Обхватила себя руками, пытаясь унять разгорающийся огонь, стремящийся поглотить сердце и превратить его в обугленные кровоточащие останки. Даже дышать становилось нестерпимо больно, от одной мысли о том, что я — бессильная дурочка, из-за которой умрет мужчина, достойный прожить долгую и счастливую жизнь.

Амнон молча сидел рядом. Меня эта тишина раздирала на куски: всхлипнула, закусывая губу и задрав голову к потолку сморгнула набежавшие слезы. Рука фродаса осторожно легла на мои плечи. Я, даже не задумываясь, облокотилась о поставленное плечо и уткнулась в жесткий ворот камзола, щедро орошая его сдавленными рыданиями.

Часть меня слабо взбунтовалась от такой близости — чужой морозный запах, сухие, неловкие прикосновения к моей голове, больше напоминающие похлопывания, не давали ни тепла, ни спокойствия. Но я не могла наскрести со дна хотя бы горстку сил, чтобы отстраниться и выпрямиться.

Сквозь горькую пелену накатывающей шквалом боли и уныния, я продолжала прислушиваться к голосу Амнон. Лед дал трещину: голос был тихий, надломленный и печальный. То, что должно было прозвучать, как утешение, не внушало никакой надежды, но я все равно цеплялась за слова, складывающиеся в предложения, как за призрачную соломинку.

— В мире, который мы имеем сейчас — лекарства нет. Но... Раньше на месте Фон-Аирза, что на картах значится как «Выжженная Земля», находилась Вамба, Чрево, из которого рождалась магия, питавшая нашу землю. Никто сотни лет не заходил за пределы границ, но, может, стоит попытаться найти там хоть крупицу целительной магии.

Слезы прекратились, как по волшебству. Даже слово «может» не растоптало зарождающуюся уверенность. Если есть план — можно попробовать обдурить смерть.

Выпрямила спину, стирая соленые дорожки тыльной стороной ладони.

— Ты считаешь, что магия могла сохраниться?

— Мое кольцо тому доказательство, — покрутив перед моим лицом правой рукой с массивным камнем, Амнон слабо улыбнулся: ему было сложно поддерживать маску самоуверенного, хладнокровного советника, каким он должен быть. — Остатки былой магии

еще незримо витают в окружающем нас воздухе. Возможно, это намек на то, что Вамба не погибло окончательно.

— Значит, надо торопиться, — резко встала и зашагала вверх по лестнице. Распотрошенное истерикой и напряжением последних часов тело перестало слушаться: меня немного шатало.

— Может, тебе стоит отдохнуть хотя бы пару часов. А лучше вообще остаться здесь. А я сам отправлюсь в Фон-Аирз... — начинал фродаз, в очередной раз, не дав мне прокатиться вниз по лестницы.

— Нет, — отрезала, щуря глаза: залитый утренним светом холл резал глаза, заставляя боль в голове пульсировать с новой силой. — Я поеду с тобой.

«Скаттс, вид у тебя ужасный, тебе, правда, лучше отдохнуть», — знакомый скрипучий голос был преисполнен заботы, но меня это только разозлило.

— Ой, ты не лезь! — дернула плечом, сгоняя с излюбленного места древнюю птицу. — Где ты пропадал?!

«Меня усыпили, как и тебя. Проспал до сегодняшнего утра, как убитый»

Его голос со старческими нотками был спокоен до безобразия.

— Можешь и дальше спать! — отмахнулась от парившего рядом с моим лицом Ишума. — Мы и без тебя спасем Лайя!

Амнон переводил взгляд от меня к птице, пытаясь понять, о чем речь. Я ему не сказал, что Птах — Бог. А его самого случай на собрании не очень впечатлил. Поэтому Анубис не мог взять в толк, с кем я говорю.

«Да?» — Ишум опустился на спинку пустующего трона, стоящего на постаменте, в нише, образованной двумя лестничными пролетами. «И вы без меня попадете в Теневой Мир к истоку Иммару? (свет)»

— А на кой черт нам сдался твой Теневой Мир? Зачем нам туда?

«А затем, сокровище мое, что земля, отравленная Азгонами, и все, что на ней сейчас растет, все ручьи и реки несут лишь смерть. А те крохи магии, что еще есть в этом мире — всего-навсего просачиваются через крохотные трещины из Ир-Каллы»

Повернулась, ловя непонимающий взгляд Амнон, горящий сотнями вопросов.

— Мы отправляемся в Теневой Мир.

53

Амнон продолжал разглядывать Ишума с подозрительным прищуром, пока я выступала в роли переводчика птичьего щебета на понятный фродасу язык.

Мы собрались в месте, где случилась трагедия, взгляд на свежие пятна крови вызывал тянущую боль в груди, правда не такую, как двумя часа ранее. За это время я успела насилу позавтракать, переодеться, собрать холщовый рюкзак, ручками которому служила пеньковая веревка, и, что первостепенно, — отодвинуть все внутренние переживания на второй план. Что толку переживать, свернувшись в углу беспомощным калачиком? Лучше попытаться исправить ситуацию — даже если она кажется безнадежной.

— Ты уверена? — в очередной раз спросил Амнон, так и не расцепив сложенные на груди руки.

Закатила глаза, вздохнув. Я бы все сделала сама, только вот нужную пентаграмму мог начертить только фродас. И была еще одна существенная деталь. Может, я смогла бы накарять мелом пятиконечную звездочку или что там надо, но вот проход откроет только

кровь Свартс-Хундса — представитель которого стоял сейчас напротив меня и хмурил едва заметные брови.

— Ишум говорит, это единственный способ излечить Лайя, а в перспективе — вернуть магию в Хайм.

Фродас покрутил в руках протянутый мною кусок мела, шаркнул ногой по будущему полотну и глубоко вздохнул, изгоняя из тела все сомнения вместе с воздухом.

— И что чертить? — спросил он, опускаясь на колени.

«Сейчас покажу»

Прежде, чем я успела среагировать, Ишум вспорхнул с моего плеча и рванул на Амнона. Тот дернул острым ухом, поднял голову... БАЦ! — и два лба столкнулись.

Очень странно было наблюдать за чем-то, что произошло с тобой. Ожидала вспышек, магических завихрений, но... Ничего. Секунда — и Ишум махнул крылом, разворачиваясь и приземляясь на пол, а Анубис резко распахнул глаза и принялся лихорадочно царапать мелом по каменной кладке в таком темпе, словно боясь забыть рисунок. То, что рисовал Амнон, не имело ничего общего с пентаграммой, а было похоже на рисунок, и довольно неплохой, единственной фигурой был в круг, в центре которого клубком свернулась змея. Вокруг нее ютились изображения. Непонятного пола фигура с рыбьим хвостом. Двое мужчин: один с гигантским молотом, другой — в короне из рогов. И две женщины: у одной руки над головой изгибались так, будто она пыталась изобразить сердце, у другой — имелось два крыла и птичьи ноги.

Пара штрихов — и рисунок был готов. Ишум прохаживался лапками по кольцам змеи, наблюдая за процессом, а когда фродас закончил, вспорхнул и приземлился на изображение мужчины с молотом, подозрительно похожего на Гефеста.

«Мир Теней, или как его называли древние — Ир-Калла, разделен на несколько Владений Энов и Нин, местных божеств. Как только пересечем грань, попадем во владения Эн-Гибилла. Земля Огня опоясывает Ир-Каллу подобно защитному барьеру. Деревья, камни, животные, все там объято огнем. Но бояться нечего — я проведу вас. Скажи этому зануде, чтобы даже не думал первым сигать в даур (дверь), когда проход откроется. Сторит заживо. Я пойду первым»

Ишум замолк, и принял исходную позицию, взлетев и приземлившись мне на плечо.

— Ну? — нетерпеливо дернул подбородком Амном.

— Говорит, как откроется проход в Теневой Мир, он влетит в него первым, а после проведет нас.

— И ты ему веришь? — правый угол широкого рта скривился в неприкрытом сомнении. — Может, он просто решил удрать в свой мир, а мы попросту сейчас драгоценное время теряем, хотя могли быть уже на пол пути в Фон-Аирз.

— Да, — просто ответила я. Ишум подобрался, распушив перья и выпятив грудь. Так и излучая самодовольство.

«Выкуси, вшивый пес»

— Ишум! — одернула Бога, хоть и понимала, что фродас не мог его слышать.

— Хорошо, — выдохнул Амнон, закатывая рукав. К запястью, на кожаном ремешке был привязан посеребренный короткий кинжал, острый и тонкий с головой египетской собаки. Больше похожий на нож для писем, а не на грозное холодное оружие.

Амнон вытащил его из крошечных ножен и одним быстрым движением порезал себе ладонь: ни одним мускул на его лице, покрытом короткой черной шерстью, не дрогнул. Как

будто он подобное проделывал ежедневно перед завтраком.

Перевернув ладонь, он сжал пальцы, позволяя крови раскрашивать чешую нарисованного змея в красный цвет, смазывая белые линии.

Когда большая часть колец потемнела от крови, воздух у ближайшей стены завибрировал: камни в кладке задрожали и начали выпадать из своих мест, словно гнилые зубы.

Сердце сжалось в двояком предвкушении: было страшно и волнительно одновременно.

Подошла к Амнону, и, запустив руку в небольшую набедренную сумку, достала кусок ткани, и настойку на корне либаинса — универсальное лекарство, которое лечит головную боль, снимает усталость и останавливает кровотечение. Щедро полив зеленовато-коричневой жидкостью любезно раскрытую ладонь, намотала вокруг нее хлопковый отрез ткани.

К этому моменту грохот стих, а ветер, гуляющий по закрытому помещению, прекратился.

Мы с Амномом замерли, замороженно смотря в густую темноту, подсвеченную неровными всполохами оранжево-желтого цвета — из-за огня, полыхающего где-то вдали. Ишум взмахнул крыльями и влетел в провал в стене.

Вспышка света — и высокий мужчина распрямился, встряхнув пепельными волосами.

Вытянутая острая челюсть Анубиса поползла вниз.

— Так это правда? — впервые за все время в его голосе прозвучала благоговейная дрожь.

— Стала бы я врать, — фыркнула в ответ.

Амнон выпучил глаза и медленно повернул голову в мою сторону, будто боялся, что и я тоже сейчас облик поменяю.

— И ОН выбрал... тебя?

Интонация вселенского недоумения в голосе мне совсем не понравилась. Я, что, не достойна того, чтобы подружиться с Богом?

Хмыкнула и отвернулась.

— Меня, наверное, тоже ядовитым клинком ранило. Это же полный бред... В голове не укладывается... — рассеянно пробормотал Амнон, что-то из разряда «Остановите планету — я сойду».

— Хватит мяться у порога, — нетерпеливо прервал нас Ишум, закончив разглаживать несуществующие складки на своей немнущейся одежде. — Как только кровь высохнет — вы упустите свой шанс.

Мы с Амномом, не сговариваясь, взяли за руки и направились к пугающему проему — располагающая, с небольшой хитрецей, улыбка Фуглиз Люихаз, местного Бога, не подталкивала к тому, чтобы бодро шагнуть в неизвестность.

Из дыры в другой мир пахнуло жаром.

— А как мы вернемся обратно? — озвучил общий вопрос фродас.

— Добудем Чашу Пяти Стихий — и вернуться будет проще, чем скатиться с горки, — заверил Ишум протягивая руки нам обоим — жемчужно-белые с заостренными синеватыми ногтями.

Мы переглянулись и, кивнув друг другу, одновременно стиснули протянутые ладони.

Ишум дернул нас на себя: я этого не ожидала, потеряла равновесие и пропахала носом горячую, почти обжигающую землю.

— Welcome to mi casa! (Добро пожаловать в Миа Каза (Мой дом))

54

Духота наступала со всех сторон, проникала в легкие, душила, словно мускулистые руки боксера. Сделала очередной крупный глоток воды из бурдюка, завистливо поглядывая на оголенные торсы мужчин — я могла себе только позволить снять плащ и рубашку, оставшись в теперь уже промокшей насквозь льняной майке.

— Хватит переводить воду, — Амнон забрал у меня бурдюк и закупорил его. Ему самому было не легче — язык бесконтрольно вываливался из пасти, отчего слетал весь налет аристократичности и высокомерия, и Амнон все больше походил на гигантскую собаку, страдающую от жары.

Едва слышно заскулила, но послушалась, убрав кожаную бутылку в заплечный рюкзак — от греха подальше — завязала слипшиеся волосы в конский хвост (ленту я потеряла где-то по дороге).

И почему я не настояла на стрижке пикси, послушала маму с ее причитаниями, что такие шикарные волосы грех отстригать! Сейчас бы шея так жутко не чесалась, и потемневшие пряди не отягощала впитавшаяся в них влага.

— Там внизу вулкан что ли? — поинтересовалась у бодро вышагивающего впереди нас Бога Огня, обреченно разглядывая объятый огнем пейзаж. Сила Ишума защищала от ожогов, но вот от жары было не спастись.

— Горнило, — ответил Ишум, подтягиваясь и вдыхая разгоряченный воздух полной грудью. Он один чувствовал себя здесь, как на Карибах, пока мы с Амномом еле передвигали ноги: дышать было трудно, а в голове стучала бурлящая кровь. Моя светлая кожа покраснела и начала зудеть, а Амнон, хоть внешне и не подавал виду, но тоже расчесывал когтями свой мех, когда думал, что я не вижу. И лишь Ишум был словно декабрьский снег — белый и до безобразия довольный нашими страданиями.

Мозги, казалось, сварились, а мысли просто впали в кому из-за воздействия высоких температур. Лениво шевелящееся сознание не хотело знать пояснения непонятого слова. Все бы отдала, лишь бы свернуться калачиком в какой-нибудь прохладной лужице. Но Огнедемон даже не заметил полудохлый интерес с нашей стороны.

— В Горниле рождаются новые души и очищаются те, что готовятся к перерождению. Закаляясь в огне, они становятся способны вынести все тяготы земной жизни. И чем дольше пробудет на углях душа — тем крепче она становится...

В чистом голосе пробежали мурчащие нотки, он будто говорил о своем любимом питомце.

Захотелось пинком отправить его прямо в это Великое Горнило.

Ишум, видимо, уловил мои последние кровожадные мысли, и развернулся обеспокоенно нахмурившись. Всего на миг. А потом его лицо по-скотски просветлело.

— Ничего, цыплятки. Первый Круг Ада вы почти одолели! Еще немного, и сможете с облегчением выдохнуть, главное, чтобы...

Договорить ему не дал пронзительный каркающий крик. Ярко-оранжевое пятно, горящее неровным пламенем, вдруг появилось на некоем подобии неба — ни солнца, ни звезд не было видно, но земля под ногами, без ошибочно подсказывала, где верх, а где низ.

— Что это? — поинтересовалась я, сделав шаг назад и вцепившись в руку Амнона. Уж если после этих злоключений, что подстергали в этом далеко не сказочном, он не оттаит по

отношению ко мне, придется завещать ему свою почку. И судя по тому, как стремительно приближалась горящее нечто, обретая формы гигантского крылатого существа — скоро мне понадобятся бумага, ручка и нотариус.

Ишум отступил к нам, на его лице не осталось ни тени былой беззаботности.

Твою ж... Вот тебе и картина Репина «Не ждали». Нам конец!

Припала к земле — горящее крыло просвистело над моей головой.

— Ан-Гирра, ну же, прекрати, — обратился к пылающему чудовищу с головой львицы и телом орла Ишум, вскинув руки. Оно опасно кружило в нескольких метрах над землей, готовясь в любой момент вонзить в наши дрожащие тела свои раскаленные до красна когти. — Они друзья...

Птица с интересом повернула голову к мужчине. Я уж было облегченно выдохнула, как она вдруг понеслась к нему на всех парах, и явно не с благими намерениями.

Зажала уши и зажмурилась: не хотелось слышать предсмертные крики и мерзкий влажный звук разрывающейся плоти.

Ну, все. Мы остались без проводника и защитника. Он умрет — мы превратимся в два уголька меньше, чем за минуту.

Подползла ближе к Амнону все еще не решаясь убрать ладони от ушей.

— Слушай, прости, я доставила тебе кучу проблем, — решила, лучше извиниться сейчас, пока еще есть время. И дураку понятно, что после моего появления — вся размеренная жизнь Анубиса пошла кувырком. И если он начнет сесть раньше времени — это будет моя заслуга.

Амнон округлил глаза и резко сел. Очевидно, зверская расправа над Ишумом его шокировала.

Попыталась повторить последнюю исповедь.

— Я говорю, прости меня...

Амнон стрельнул в мою сторону непонимающим взглядом, потом возвел глаза к черному небу и потянулся ко мне. Попыталась уйти с траектории его руки, но он ловко перехватил мои запястья и почти без особых усилий убрал их от головы.

Смех, разливающийся в вибрирующем от жары пространстве, никак не походил на крики предсмертной агонии.

Вскочила на ноги. Нашла взглядом массивную фигуру на земле. И прищурилась — свет, исходивший от нее, резал глаза — с этого ракурса казалось, будто львиноорел перегрызает тонкую шею Бога Огня, но... Как-то он для столь жестокого действия больно счастливый.

Подошла ближе: замешательство, распространявшееся под кожей, притупило инстинкт самосохранения.

Глаз нервно дернулся, когда я разглядела, что именно происходит.

Эта ужасного вида зверушка облизывала шершавым языком лицо и шею хохочущего Ишума.

— Ан-Гирра, прекрати! Фу! Плохая киса! — Ишум извивался под массивными лапами, цепляясь за львиную голову. Но все было бесполезно. Видно, его домашняя зверушка о-о-о-очень соскучилась по своему хозяину.

— Ну, все, хватит! — раздраженно рыкнул Ишум, на мгновение, загоревшись, как бенгальский огонь.

Бедная птичка настолько испугалась такой внезапной «вспышки», что отскочила от Ишу и почти потухла — лишь слабые огоньки красноватого пламени лизали кончики ее перьев и

кошачью голову. Жара не спала, но хотя бы можно было спокойно выдохнуть.

— Что это такое? — Амнон отмер первым.

— Это мой... питомец, — ответил Ишум, смотря на меня и поглаживая мурчащего недокота по холке — птица склонила голову и прикрыла глаза от удовольствия. Амнон дернул бровью, и Бог пояснил для него: — ... фриондс.

— Если он твой, чего ж ты побледнел как поганка? — уперла руки в бока и уставилась сердито на мужчину. Удивительно, но в Теневом мире он не внушал тот трепет, что Хайме. И я могла без опаски глядеть в его глаза цвета необузданного пламени.

— Я не знал, как он меня примет... Ведь, когда твой зов раздался по долине. Мне стало интересно, кто позволил человеку, впервые за тысячи лет, призвать себе защитника? В общем, я рванул на всех порах, чтобы оказаться первым, и вроде как... Оставил все свои обязанности на Ан-Гирра.

Он любовно почесал за большим ухом.

Закатила глаза.

И этот безалаберный Бог создал целый мир?!

55

Чудо-птица практически сразу взлетела в воздух, когда мы пересекли незримую границу, отделяющую адскую жару от спасительной прохлады, где почти не было сухих клочков земли. Все заполонила вода: она стелилась у ног, обрушивалась вниз с небольших возвышений, собиралась в ямках размягченной от влаги почвы. Я уже с облегчением шагнула во владения Нин-Аб — Бога Воды — как нечто смутно знакомое привлекло меня. Повернулась и осторожно подошла к краю обрыва, подсвеченному красно-оранжевым светом. Вниз разливалась лава, вилась лентой, словно огненная река, уходя куда-то вглубь.

Это место... Я видела его во сне. Меня кто-то толкнул с этого обрыва. Наверное, так мое подсознание предупреждало о Джиро. Его поступок буквально заставил меня ходить по краю ущелья с кипящей лавой внизу.

— Если собралась встретиться с Богиней Смерти, то давай сначала найдем Чашу Пяти Стихий, — Амнон кивнул на кипящую реку.

— Да нет... Просто, — рассеяно ответила я, загнипнотизировано наблюдая за всплесками кроваво-желтой массы, позволяя саркастическим ноткам в голосе фродаса пройти по касательной, не задев цель.

Тряхнув головой, пыталась сосредоточиться на первостепенной задаче.

Прохлада прозрачной воды, подсвеченной люминесцентной галькой, успокоила горящие ступни. Хорошо, что я додумалась снять обувь и закатать штаны почти до колен, а иначе пришлось бы использовать Бога, вышагивающего в миллиметре от поверхности водного зеркала, вместо переносной печки. А что? Он же Бог Огня...

Тихое журчание должно было притупить тревогу, но я не могла перестать думать о Джиро. Да, я разозлилась, даже в сердцах пожелала ему смерти, когда Табиб сказал, что он смертельно ранил Лайя. Но сейчас... Мне было жаль его. То, как поступил Арий с его мамой, отослал домой, ничего не объяснив — это неправильно. Неужели нельзя было все объяснить ей? Может, она смогла бы понять его и поддержать. А два брата, и, неважно, что только по отцу, могли бы спокойно расти вместе... Конечно, за совершенную ошибку Арий заплатил, лишившись жены, почти сразу же после родов... Но неужели нельзя было найти иной путь, не разрушая жизни других?

— Амнон... — не хотелось одной копаться в гнетущих мыслях. Да и вопросов накопилось. — Ты знал про Джиро?

Фродас бросил в мою сторону короткий взгляд и продолжил смотреть вперед: складка на переносице свидетельствовала о том, что он тоже варится в похожем мысленном супе.

— Про то, что он планировал убить тебя? Я не питаю к тебе трепетных чувств, но обвинять меня в сговоре...

— Ни в чем я тебя не обвиняю, — закатила глаза и покачала головой. — Я имею в виду, знали ли ты, что Джиро и Лайонел — братья?

— Догадывался, — подтвердил он мои подозрения: когда фродас нашел нас в том подземном помещении, он не удивился, узнав в поверженном ливе Джиро. — Джиро и Арий ведь похожи, как две капли. К тому же, покойный Арий сам взял его под свое крыло. В его возрасте получить капитана первого ранга — весьма подозрительно.

— А ты знал, что...?

Амнон остановился, долгим взглядом изучая мое лицо. Потом он ухмыльнулся.

— Ты решила, узнать меня поближе? С чего столько вопросов?

— У меня просто каша в голове от всего случившегося! — жар прилил к лицу, будто мы снова вернулись во владения Ишума. — Не могу понять, как так вышло, что Джиро был готов убить родного брата.

— Не просто «готов», — вздохнул Амнон. — Он почти это сделал.

— Не говори так! — немедленно взвилась я. — Лай еще не...

Осеклась: горло опять сдавило.

— Ключевое слово «почти», — заметил Амнон. — Хоть наш зиуданс и полукровка, он еще и мой друг. И я не желаю ему смерти

Мы синхронно прибавили шаг, хоть и на плоской светящейся гальке сильно не разгонишься. Ишум принялся напевать нечто неразборчивое себе под нос, оглядываясь, будто в поисках чего-то.

— Ты, наверное, был в шоке... Ну, когда ты узнал правду о маме Лайя... — поспешно добавила, сводя к минимуму возможность очередного уточняющего вопроса, пропитанного сарказмом.

— Я знал, что госпожа Меланта была маннкой, — просто ответил он. А я, не ожидая такого, споткнулась и чуть не шлепнулась лицом в ласково омывающую лодыжки реку.

— Однажды, я спустился в подземелья замка, поискать детеныша кадвы Ария, что умудрился сбежать, — лицо Амнона озарила мягкая улыбка. Очень непривычно было видеть, что воспоминания о человеке не вызывают в нем отвращения. — Услышав пение, последовал на голос. Еле протиснувшись в щель тяжелой двери, я увидел загадочную Квенсу. И оцепенел. Ее лицо не было изуродовано, и она не обладала красотой, от которой можно ослепнуть и лишиться рассудка — вопреки слухам, что ходили о Светлейшей. Она было маннкой. Без шерсти, клыков и когтей. С хрупкими персиково-розовыми запястьями и водопадом прямых волос цвета ткацкого золота. Помню, как я испугался. Но не ее саму. А своих чувств: я испытал восхищение и трепет, как будто передо мной предстала Богиня-Мать, которую манны называют Иштар. Не было ни отвращения, ни призрения, ни ненависти — ничего из тех чувств, что прививал воспитывающий меня дядя Сутех. Хотел быстро выскользнуть обратно в темноту коридора, но Меланта заметила меня, отложила свое замысловатое плетение и с улыбкой подозвала к себе. С тех пор, я часто навещал ее там. В ее крохотном мире — где по углам помещения из грубого камня была расставлена

роскошная мебель, достойная королевы.

Амнон снова улыбнулся, на этот раз улыбка отдавала плохо скрываемой печалью.

— А... — хотела уже задать следующий вопрос, раз уж Амнон был расположен на откровения, но меня перебил звонкий, словно весенняя капель, голос.

— Ишу, ты вернулся, Нергал тебя задери! — откуда не возьмись, выскочила женщина и тут же повисла на нашем божественном проводнике.

Заправив за ухо, длинную белую прядь с синеватым отливом, она нахмурилась, и наклонила голову к плечу, разглядывая нас словно диковинных зверей.

— Это... Что... Смертные...?

— Эа! Они в первую очередь наши гости. Г-О-С-Т-И, — поправил девушку Ишум сделав особый акцент на последнем слове.

Она отскочила от него, толкнув в грудь. Блестящая перламутровая чешуя узорами покрывала ее пергаментную кожу, через которую просвечивали голубые вены. Прозрачный синий шелк обтягивал стройное тело.

— Ты из ума выжил, Гибил? — девушка постучала по лбу Ишума, как если бы хотела убедиться, что он непустой. — Смертным находиться в Ир-Калле опасно!

— Пф. Да ладно тебе, Эа, — отмахнулся он от нее так, словно она сморозила глупость. — Что может случиться?

— Посмотрим, как ты запоешь, когда изголодавшиеся создания из Зи-Шар накинутся на них.

56

Внутри все сжалось.

— Кто... Кто на нас накинется? — голос подвел, а в голове заплясали жуткие картинки кровавой расправы.

— Ой! Да не пугайся! — Ишум снова отмахнулся, бодро похлопав меня по спине, когда мы сравнялись.

Вода под ногами обмельчала, и я решила натянуть ботинки. Навязчивая мысль, что мне могут оттяпать пальцы на ногах, не хотела так просто покинуть мою голову.

Обувшись, заглянула в напряженное лицо Амнона.

— Думаешь... — начала я, а вот чем закончить фразу, понятия не имела. «Думаешь, нам стоит вернуться?», «Думаешь, ты был прав, и нам надо было попытаться счастья в поисках магии в Фон-Аирзе?». Все это звучало так трусливо, даже в голове, поэтому я промолчала, позволив фродасу додумать за меня.

— Вперед. У нас нет других вариантов, — в его голосе зазвенела ледяная нестигаемая сталь. Сомнения развеялись за секунду. Если надо Амнон позволит растерзать себя, если это хоть как-то поможет Лайю.

— Правильно! — просиял Ишум. — К тому же, я вам на что? Считайте я ваш личный... Как там у тебя говорится, скаттс? О! Ангел-Хранитель!

Эа закатила глаза.

— Желаю удачи, — скептицизм в ее голосе должен был пошатнуть уверенность, но решительность фродаса придавала мне сил и рассеивала страхи. Верно, я не одна. Анубис тоже дорожит Лайонелом, а вместе можно прыгнуть даже в кипящий котел Сатаны.

Сжала руку Амнона, на что он дернулся от неожиданности, но промолчал.

— Спасибо, — вскинула глаза и без страха посмотрела на Нин-Аб, владычицу водной

стихии.

Она дернула бровью, будто ожидала, что мы оглянемся назад и заскулим, как потерянные щенята, но ее ожидания не оправдались. Богиня вскинула руку, взмахнула ей — и растворилась на миллион брызг, которые тут же змейкой утекли назад в глубины ее владений.

— Жаль, что она не осталась, — вслух посетовал Бог Огня, провожая свою подругу долгим взглядом. — Она могла бы нам помочь. Большинство обитателей этих земель в спячке, вместе с Нирахом, но ваше присутствие может пробудить некоторых из них. Но, может, Эа еще вернется... Она любит людей не меньше, чем я.

В последнем я сильно сомневалась, но решила промолчать.

Пейзаж поменялся. За владениями Нин-Аб бугрилась земля, возвышались темные горы, пространство сужалось, превращаясь в ущелья, которые в свою очередь разветвлялись, подобно лабиринту. Хорошо еще, что Ишум додумался создать пару огненных шаров — они плыли рядом и освещали нам путь — а то на мне и живого места не осталось бы. Я жуть как плохо ориентируюсь в незнакомых, да еще и покрытых густой тенью, местах.

— А здесь мы никого не встретим? — спросила я, нервно оглядываясь по сторонам. В почти абсолютной тишине звуки наших шагов удваивались, а каменные силуэты принимали формы недоброжелателей и жутких существ.

— Великая Мать спит, — заверил Ишум тем же голосом, что он заявил, что нам нечего бояться. Поэтому я не смогла ему полностью поверить.

— Уверен? — прищурилась, разглядывая белеющий в темноте профиль. Амнон же, напротив, почти сливался с местностью из-за своей черной шкуры и таких же глаз, и, если бы не плывущие рядом клубки, созданные из огня и света, он бы полностью растворился в окружающей нас тьме. Даже плащ был в тон — чернее черного.

Бог ухмыльнулся, будто я в очередной раз ляпнула несусветицу.

— Если бы мы имели неосторожность ее разбудить, ты бы это поняла, поверь мне.

— Это как? — надоело уже ничего не понимать. Уж если я рискую жизнью, хоть и по собственной инициативе, я все равно должна знать, что меня может поджидать за темным углом.

— Это все... — Ишум эффектно развернулся на каблуках и развел руками. — Она! Каменные туннели, вон та горная гряда, даже почва у нас под ногами. И не приведи Нергал ей проснуться. Нас так потрянет, мало не покажется!

После этого заявления, я попыталась стать невесомой. И ступала чуть ли не на цыпочках. И как обычно со мной бывает, в момент сильного волнения — я споткнулась и проехала по земле.

— Проклятье! — громко выругалась: мой голос прокатился дальше по каменному проходу.

Амнон помог мне встать. А Ишум вдруг остановился и, не оборачиваясь, вскинул руку, призывая нас молчать и не шевелиться. Как если бы он услышал нечто недоступное нашему слуху.

Вдруг Амнон дернул ухом и тоже напрягся. И лишь спустя пару мгновений, бесплодного мотания головой, я тоже услышала это. Раскатистый звук, с которым булыжник катится вниз со склона и сталкивается с другим.

— Это Иги-Ки, страж покоя Матери!

Бог разволновался? Все теперь нам точно капут.

— Прячьтесь!

Прежде чем мы успели опомниться, Ишум толкнул нас в разлом между двумя каменными обломками скалы, загораживающими отступление, отчего дорога, по которой мы шли, напомнила широкий коридор без ответвлений.

Тут три беспокойных огненных сферы подсветили этого «стража». Остро захотелось спрятаться за спину Амнона, хотя мы и так были прижаты друг к другу почти вплотную. И чтобы это сделать пришлось бы вытолкнуть фродаса из природной ниши.

— Ч-что это? — пискнула я, пока чудовище из грубо отесанных булыжников грузно перло напролом и приняховивалось, словно сторожевой пес, ища нарушителей.

— Мушхуш или Сирруш, по легенде это существо с головой надрса, передними ногами ливы и задними фуглиса. И ядовитым жалом на конце хвоста. Он охраняет вход в Теневой Мир. Но... — Амнон прищурился, вглядываясь в потемки. Чудовище приближалось: и каждый его шаг отдавался вибрацией во всем теле. — Почему он... Каменный?

Казалось, последние слова, пронеслись по всему горному ландшафту, потому что этот каменный... дракон (шар отразился в его красных угольках-глазах, выдергивая из тьмы остроносую вытянутую морду) вдруг замер, прекратив дергать головой в недовольстве, прогоняя огненные сферы, когда они приближались слишком близко. Иги-Ки повернул морду и посмотрел прямо в расщелину, где мы прятались. И проигнорировав Бога, который шевелил пальцами, отвлекая чудовище сгустками своей энергии, направился прямо на нас.

Прежде чем я успела в уме составить завещание, Ишум преградил ему путь.

— Ох, не хотел я этого, мой хороший... — вздохнул он. А в следующую секунду поднял руки и произнес.

— Ишу-Галь-Ра!

Меж его ладоней начала расти, насыщаться огнем и наливаться жаром огненная сфера. Когда она стала размером с гимнастический мяч, а от нарастающего тепла запекло глаза, Ишум отвел руки назад как при метании снаряда и сгусток энергии угодил прямо в живот чудовища: оно тут же взорвалось, и начался камнепад.

Когда последний каменный осколок упал на землю, Ишум даже не дал нам выдохнуть с облегчением, вытаскивая из ставшего уютным и родным, в свете последних событий, убежища — уж лучше сидеть здесь, чем превратиться в лепешку под огромной каменной лапой!

— Бежим! В скором времени, он соберется обратно, а второй раз я такой трюк проделать не смогу!

57

Неслась со всех ног, вровень с Амноном, боясь упустить из вида удаляющуюся спину Бога Огня. Ишум несся так, будто отрастил невидимые крылья у себя за спиной.

Легкие и мышцы горели, а ноги сводило судорогой. И лишь одна мысль не давала схватиться за бок, рухнуть прямо на землю и свернуться калачиком.

Меня раздавит каменный великан. Если не успею убраться отсюда. Меня раздавит КАМЕННЫЙ драконоподобный великан!

Услышала гулкий звук позади — рванула вперед, без особых успехов стараясь дышать ровно и глубоко, при этом не размахивая руками как истеричка. Ишум резко вильнул вправо, и я чуть не врезалась в возникшую из тускло освещенной тьмы стену. Хорошо, что вовремя затормозила.

Еще рывок, и я рухнула на обдуваемую ветром эфемерную поверхность, будто сооруженную из стекла. От одного взгляда сквозь прозрачную, твердую субстанцию захватывало дух: я видела, как далеко внизу потоки лавы разбиваются о рваный скалистый берег.

Жадно глотая подвижный воздух, чувствовала, как стук крови в висках утихает, только непривыкшим от нагрузки ногам было тяжело.

С трудом выпрямилась.

— Если... еще... придется... так бегать, я... — обрывки предложения глушила моя одышка и порывы свистящего в ушах ветра, — ... запрыгну на твою спину.

— Да, пожалуйста, — фыркнул Ишум: угроза совсем его не озаботила. — Но можешь расслабиться. Эн-Лиль — самый миролюбивый из всех, населяющих Теневой Мир. Если его не разозлить...

Последнее предложение Ишум произнес тихо, но ветер услужливо донес до моего уха все, вплоть до самой невнятной буквы.

Я промолчала — возмущаться или спрашивать не было сил. Да и толку? Разве объяснения Ишума что-то поменяют? Мы преодолели почти полпути, глупо поворачивать назад. Особенно учитывая, что на обратном пути нас поджидает так называемый «страж» владений Богини Земли.

— Возьмите меня за руки, — велел Ишум, повернув голову в нашу сторону и раскрывая ладони обеих рук, продолжая стоять к нам спиной.

— Зачем?

Если из меня пробежка высосала все силы и любопытство вместе с ними — у Амнона же еще осталось желание задавать вопросы.

— Эн-Лиль не вмешивается, но вот госпожа его сердца, Нин-Лиль любит путать мысли. Здешние Боги не поддаются ее влиянию, но вот смертные... Вы — другое дело.

С готовностью сжала теплую, даже при таком ледящем ветре руку. Успокоив себя, что пока мы все трое держимся за руки — ничего не случится — я смогла шагнуть вперед без опаски. Даже настроение приподнялось.

Еще чуть-чуть, Лай. Мы найдем Чашу Пяти Стихий и вырвем тебя из лап смерти Обязательно!

Порывы ветра заставляли шуриться и вздрагивать, когда теплый бриз сменялся на ледящий ветер, но это пока что было самое простое испытание. Побывали бы они в моем городе! Где такая пурга бывает, что дорога до ближайшего магазина превращалась в настоящий квест. А тут... Подумаешь, ветер то перехватывал дыхание, будто пытаюсь задушить, то игриво забирался под полы плаща. Главное, что в глаза не лез песок и другая грязь, а щеки не жалили холодные снежинки: некая сила просто гоняла туда-сюда воздух с переменной активностью. И это даже не буря.

И тут я услышала, как ветер принес голос со знакомым сильными, бархатными нотками. Его голос.

— Геня... — позвал ветер.

Я остановилась, вынуждая сделать это и своих спутников.

— Что такое? — Амнон первым уловил, что со мной что-то не так.

— Геня... Останься... Не уходи..., — снова зашептал голос. Где-то там, вдали, за завесой темноты с редкими переливами серебра — будто ветер играл с фатином, украшенным блестящими пайетками.

— Геня... — голос окутывал, проникал через кожу, будя во мне желание последовать за ним в блестящую тьму. Стиснула зубы, но прибавить шаг не смогла: шла неторопливо, оборачиваясь и прислушиваясь.

«Нет, это не может быть он. Нет», — твердила себе, чтобы смысл впечатался, а я поверила, что голос, зовущий и стенающий, принадлежит не Лайонелу.

— Да что с тобой! Нам спешить надо! Некогда красотами любоваться! Да здесь ничего толком и нет... — резкий голос Амнона сменил раздражение на любопытство, он тоже не удержался и обернулся.

Да, точно. Ничего здесь нет. Это не...

— Погоди, — теперь и Бог решил забеспокоиться, — ты что-то слы...?

Геня, помоги мне...

Выдернула руку, так и не дослушав вопрос Ишума, и понеслась на зов, под удаляющиеся звуки мужских голосов.

«Лай в беде! Он зовет меня! Я нужна ему!» — билась в истерике мысль, заставляя бежать быстрее, почти на пределе своих возможностей, игнорируя бунт в мышцах, натруженных предыдущим марафоном.

Призрачный голос усилился, как и ветер, дувший то в спину, то в бок, отчего растрепанные волосы неприятно хлестали по лицу. На бегу я даже сбросила свою поклажу, чтобы легче было бежать, даже не задумываясь о том, что содержимое заплечного мешка могло пригодиться.

Неслась как на крыльях.

«Он здесь! Зовет меня! Я помогу!»

— Лайонел? — позвала я, когда ветер стих, а голос растаял в посеребренной темноте — нечто переливалось в окружающем воздухе, будто ниточки декоративного дождика. Вдруг тонкие нити начали крепчать, оформляться в более четкие линии и предо мной предстала женщина — ее серебристые волосы сохранили этот волшебный блеск, за которым я так бездумно следовала. И попала в ловушку... Кажется.

Враждебности ни в движениях, ни во взгляде девушки не было. Ее кожа рябила в глазах, она то становилась прозрачной, то обретала плотность. Проморгалась, поймав в фокус ее лицо, с легкой улыбкой, и шагнула к ней.

— Вы кто? — спросила, хоть и смутно догадывалась.

— Нин-Лиль, — она подплыла ближе, развивающийся на легком ветру широкий рукав струящегося платья мазанул по моей щеке, когда женщина тонкими, почти бесплотными пальцами взялась за мой подбородок. Алебастрового цвета глаза, с белоснежными прожилками, смотрели прямо в душу. Внутри все замерло и онемело, но я не смогла отвести взгляд. Совсем. Ни двинуться. Ни пошевелиться.

Она отвела глаза — я с шумом выдохнула.

— Ты издалека, — тихий, вибрирующий голос, отдавался где-то в голове, заглушая мысли. Я не могла ни думать, ни слышать, что происходит вокруг. Только слушать голос Нин-Лиль. — Не из этого мира, — она воздела глаза к несуществующему небу, — не из того, что наверху.

Кивнула в знак согласия. Сердце еще не пришло в ритм, и все так же тревожно трепыхалось в груди. Женщина замолчала, но она продолжила кружить вокруг меня, ловя взгляд, изучая.

— Потерянное не ищи, к утраченному не стремись. И только тогда оно придет к тебе в

руки.

Рука мягко, по-матерински, коснулась моей щеки.

— Иногда счастье не требует выбора или отказа.

— А...? — протянула я в растерянности, но вопрос не успел оформиться — Нин-Лиль исчезла.

58

— Геня!

— Скаттс!

Будто плотная пелена спала — и я услышала знакомые голоса: Амнон и Ишум искали меня.

— Я здесь! — позвала в ответ, но голос был хриплым от напряжения и слабым, поэтому вряд ли мужчинам удалось меня услышать.

— Ты в порядке? — Ишум оказался рядом, вынырнув из тьмы: возле его головы кружили два огненных шара.

Кивнула. Я была слишком потрясена и расстроена, чтобы говорить вслух. Горечь от того, что голос, звавший меня, был всего лишь обманом, сжимала горло в болезненном спазме, а глаза раздражали набежавшие слезы.

Лай не здесь, он в Хайме, борется с самой смертью за свою жизнь...

— Кто здесь был? — Амнона я бы не заметила, если бы клубок огня и света не отразился в обеспокоенно бегающих глазах.

— Что сказала Нин-Лиль? — по моему выражению лица Ишум все понял.

В голове зазвенели туманные слова, произнесенные владычицей ветра.

— Я не совсем ее поняла... — замялась, боясь ошибиться, и принять ее слова за некое пророчество, а потом разочароваться. — Кажется, она сказала, что я могу оставить все как есть, и все равно буду счастлива. Вроде бы...

— «Оставить все как есть?», — волнение в голосе фродаса усилилось. — Неужели, мы должны бросить Лайонела...

Он осекся, не желая продолжать. Я его прекрасно понимала: сама физически не могла поднимать тему возможной смерти мужчины, что занял место в моем сердце.

— Нет! Ее слова касались конкретно меня! Думаю, Нин-Лиль хотела сказать, что я могу не искать способ вернуться в собственный мир — все и так наладится... — замахала головой и руками, всем видом показывая, что слова Нин-Лиль никак не относятся к Лайю. А вдруг...

— Нин-Лиль смертные называют Владычицей Судеб. Ее предсказания всегда сбываются, — Ишум задумчиво тер подбородок, явно пытаюсь понять, почему Нин-Лиль решила одарить меня своим вниманием.

— Не думаю, что это было пророчество. Нет... — внутри все вздрогнуло. А вдруг она все-таки имела в виду Лайя...

«Иногда счастье не требует выбора или отказа», — прошелестело в голове.

Это немного приободрило — если в итоге меня ждет счастливая судьба, значит мы справимся со своей задачей и добудем Чашу.

— Как знаешь, — Ишум не стал настаивать. — Смертные сами творят свою судьбу. Боги лишь намечают путь, с началом и концом. При достаточном везении и упорстве, каждый может изменить не только предначертанный маршрут своей жизни, но и ее конец. Ладно, нет времени для теологических дискуссий. В Хайме уже прошло почти двое суток, нужно

торопиться.

Настоящий ужас схватил за горло, а потом провалился в грудь и сжал в своих когтях незащищенное сердце.

— Двое суток? Но ведь... — посмотрела на Ишума вопрошающим взглядом «Ты ведь шутишь, правда?». — По ощущениям прошло часов пять. Может, восемь. Ладно, максимум — 10. Но не...

Ишум покачал головой — сердце превратилось в ледышку и упало в желудок, норвя оттуда скатиться в пятки, а в идеале — совсем покинуть мое тело. Столько переживаний за такой короткий срок оно просто не выдержит.

Вот же я дура, теряла драгоценные минуты, гонясь за обманкой.

— Не падай духом, — Амнон вручил мне брошенный походный мешок, и похлопал по поникшему плечу. — Куда нам теперь?

Позволила себе один протяжный вздох, накинула свою торбу обратно на плечи и выпрямилась.

— Веди. Я уже сыта по горло загробной экскурсией.

— Остался последний рубеж..., — пауза в конце мне не понравилась. Совсем. — Озеро Зи-Шар. Обитель потерянных душ.

— Это то самое место, про которое говорила Эа? — я уже знала безрадостный ответ, но надежда, как говорится, умирает последней.

— Да, — коротко произнес Ишум: ноги сразу потяжелели, но я усилием воли заставила конечности двигаться в нужном мне ритме, нет у меня такой роскоши — без особой охоты шаркать по гладкой, прозрачной поверхности владений Эн-Лиля.

— Чем опасно это озеро? — поинтересовался Амнон. Мне вот совсем не хотелось слушать, уж лучше будет неприятный сюрприз, чем накручивать себя.

— Это не совсем озеро... — чувствовалось, что Ишум нехотя поддерживает эту тему. Но Амнон упрямый, это любой почует: если бы Огнебог не ответил — он бы его замучил предположениями или потоком других бессвязных вопросов. — Да, это озерная чаша, только вот заполнена она не водой...

Повисла пауза, Бог-проводящий сделал вид, что его заинтересовала нечто, белеющее вдаль.

— А чем? — фродас подталкивал Ишума, не давая ему увильнуть и сменить тему.

— Душами неприкаянных. Подземная Река разветвляется, лава остывает и покрывается льдом, под которым заключены души. Ваши предки называли ее Хубур, а твои, — Ишум посмотрел на меня, это я заметила лишь краем глаза, с замиранием сердца шагая все ближе к стелящемуся впереди туману, — называли ее Смородина. Ее охраняет Первый Убитый. У него много имен Хамар-Табал, Хэбэл, Ур-Шанаби.

— Насколько я помню, у египтян была похожая река Стикс, а по ней душ перевозил паромщик — Харон, — решила поделиться своими знаниями. — За провоз он брал обол, монетка такая.

— Хэбэл не берет плату, — Ишум загадочно улыбнулся, будто знал нечто неведомое нам двоим. — Он добровольно помогает потерянным душам.

— Должно быть, их тут тьма тьмущая... — представила овраг, кишущий стонущими душами, и поежилась.

— Богиня Эреш помогает им найти свой путь: вернуться в мир или же уйти дальше — в чертоги Создателя...

Мы пересекли зыбкую границу, и теперь шагали бок о бок по земле, припорошенной снегом, что растворялся в молочно-белом мареве. Снег не таял, оседая на ботинках и плечах, отчего было не по себе. Могильный холод кусал открытые участки кожи.

— Долго нам еще идти? — нетерпеливо спросила, кутаясь в плащ. Все во мне вопило, что из этого места следует убираться, и как можно скорее.

Ишум неуверенно склонил голову сначала к правому плечу, поток к левому, прикидывая в уме расстояние.

— Если не собьемся с пути, и нам никто не помешает, то думаю...

Хотела уже спросить, кто нам может помешать в этом явно вымершем месте, как вдруг...

— Кто посмел нарушить мой покой? — голос — холодный и властный — в котором слышался треск лопающихся промерзлых костей — донесся до нас, тревожа туман, что до этого неподвижной массой стелился у ног.

Из плотной завесы начал вырисовываться силуэт, с огромными темнеющими на белом фоне крыльями.

59

— Эреш! — Ишум натянул на лицо улыбку, распахнув объятия, пока мы с Амноном стояли в оцепенении напротив женщины, закутанной в темные траурные одежды, с черными крыльями за спиной. По мне ей только косы не хватало, что выглядеть истинным жнецом смерти. Волосы цвета вороньего крыла развивались, хотя ветра, который по идее должен был их шевелить, я не почувствовала.

— Что ты здесь делаешь, Гибил? — подол ее длинного платья сметал туман, волочась по земле, а маленькие вихри пепла — я наконец-то поняла, что это за «снег» — боязливо кружились в отдалении от ее белого лица с обескровленными губами, будто бы боясь испачкать кожу своей госпоже. — Ходили слухи, что ты сбежал, оставив все на Гирру. А теперь ты пришел в мои владения, в самое сердце Ир-Каллы. Зачем?

Голос ни на йоту не повысился, но было очевидно, если он не ответит, сам, может, и избежит худшей участи, а вот мы с Амноном «искупаемся» в Озере Зи-Шар, и станем не просто гостями этого места, а пополним ряды тех самых несчастных, что стекаются в Обитель Потерянных Душ.

Туман вокруг посерел, стал плотнее. Чувство, что нас окружили неведомые существа, чьи когтистые лапы мелькали в дымке, пощекотало затылок. На нас смотрели сотни глаз, я уверена. Наблюдали за решением своей повелительницы.

— Мало того, что ты пренебрег своими обязанностями, ты еще привел в Нижний Мир смертных...

Ее холодный взгляд, сине-зеленый, с красными всполохами, будто замороженные языки пламени, скользнул по мне. А я почувствовала себя так, будто у меня по пищеводу пустили жидкий азот, превращая внутренности в лед.

Еще ни один из здешних Богов не вызывал во мне такое сильное смешанное чувство страха и трепета. Взгляд прилип к серым от пепла носкам ботинок. Ледяной взор прожигал во мне дыру, смывая всю мишуру и заглядывая в самое нутро.

— Зачем? — снова повторила она.

Ишум сглотнул. Ему тоже было неудобно в присутствии Богини Подземного Мира.

— Мы пришли за Чашей Пяти Стихий.

Посеревший туман, скрывающий прислужников Эреш, замер, как только черные брови сдвинулись на переносице.

— Ты знаешь, — женщина принялась описывать вокруг нас круги, разглядывая каждого по отдельности, ее крылья подрагивали, будто от возмущения. — Ни один Эн и ни одна Нин не могут коснуться чаши. Она — дар Создателя смертным.

— Поэтому я и привел их, — Ишум указал на нас, а мне жуть как захотелось спрятаться за спины мужчин. — Чтобы они вернули Чашу в Средний Мир.

— Смертные лишились этого дара, когда стали использовать ее силу в алчных целях, жажда встать вровень с самим Создателем. Повелитель Неба наказал их, вернув чашу в Эр-Каллу. Оставляя их беззащитными перед тварями, что они создали, в попытках обрести бессмертие. Но ты и так знаешь эту историю, Гибил. Ведь ты был там. Именно ты послушался Создателя и решил помочь смертным, за что был изгнан из Верхнего Мира.

Я во все глаза уставилась на Ишума. Который сделал вид, что речь идет не о нем.

— Это все неважно, — поспешно вставил он, будто боялся, что Богиня еще что-то расскажет. — Их друг умирает. И он связан с тобой, Эрешкигаль.

Женщина обернулась. Долгий взгляд на ничего не выражающем лице, заставлял гадать, о чем она думает. Тут она махнула рукой, и серые тени гротескных форм рассеялись. Стало тихо: булькающее рыки, возня, злое шипение — все прекратилось, а туман вокруг снова стал молочно-белым.

— Чаша находится в центре Зир-Шар. Ур-Шанаби отвезет. Ты не должен вмешиваться.

— Можно мне хотя бы проводить их до берега, Госпожа? — с невинной улыбкой спросил Ишум, даже поклонился Эреш, выражая почтение и готовность умереть с любым ее решением.

Она не ответила. Лишь махнула рукой, а в следующую секунду взмыла вверх, разрывая плотную ткань тумана и оголяя серые камни, подпернутые инеем и пеплом. Потрясенная завеса быстро восстановилась, наполняя белыми парами прорехи в своем полотне.

— А как Эрешкигаль связана с Лайонелом? — Амнон наверняка тоже жаждал задать этот вопрос, только я его опередила.

— Это долгая и запутанная история, — протянул Ишум, приглаживая и без того идеально лежащие волосы.

— Мы, может, вообще погибнем, — нервный смешок вырвался из горла против моей воли. — Никакого вреда не будет, если ты нам расскажешь.

— Я, если честно, сам не знаю. Тогда я еще обретался в Верхнем Мире, а пересказывать слухи...

— Да ладно тебе, — по-дружески ткнула его в плечо. Глупый жест в данной ситуации, но мне хотелось хоть как-то разбавить гнетущую атмосферу. Мы вдвоем с Амноном сядем в лодку, и, если паромщик решит утопить нас в озере Потерянных Душ, никто ему не помешает — Богиня Эреш ясно дало понять, чтобы Огненный Бог не вмешивался. Если что случится — мы сами по себе. Споткнуться у самого финиша — в нашем случае — умереть самим и лишит Лайя последнего шанса выжить.

— Ладно, — раздраженно бросил Ишум. — Ты уже слышала легенду о Зиусудре? О воине, что попросил у Создателя силу?

— Да, — кивнула, не улавливая связи. — Он получил силу ливы, а потом, когда война с Азгонами закончилась, встретил полубогиню со звериными чертами, но все равно очень притягательную. И остался с ней. Если я ничего не путаю...

— Почти. Ее послал Создатель, чтобы она очистила мир. Как выплывают сорняки, перед тем как засеять семена. Под чистую. Сжечь огнем вместе... Со мной, — О. Так вот почему, Ишум не хотел говорить. — Я безропотно мог исполнить любой приказ. Только вот Нун-Лиль убедила меня не уничтожать Средний Мир. Мы вместе сражались с порождением глупости — с Азгонами, что смертные создали, в попытке стать Богами. Эти твари уничтожали все, превращая землю под ногами в обугленные останки, отравляя реки, пожирая и заражая мором всех, кого они встречали на пути. Хэбэл, чья бессмертная кровь помогла в этом кощунственном творении, пожертвовал собой. Но Нун-Лиль, воскресила его, воспользовавшись той силой, с помощью которой она должна была восстановить мир, очищенный моим священным огнем. Хэбэл получил новую жизнь и взял себе другое имя. И вместе с Нун-Лиль они ушли далеко от людей. А после их потомки создали величественную и сильную страну, известную, как Хайм.

— Но как Эреш связана с этой историей? И Хэбэл... — не знаю почему, но имя мне запомнилось. Кажется, Ишум о нем уже говорил... Погоди, разве это ни еще одно имя паромщика смерти?

— По одному вопросу за раз, Скаттс, — улыбнулся Ишум.

Поволока впереди немного расступилась, обнажая полукруглый край озера. Тускло сверкающая лодка была прибита к берегу. Возле нее стоял мужчина в плаще. И когда он снял капюшон. Я закрыла рот ладонью, душа крик в зародыше.

Ур-Шанаби, Хэбэл, или как там его... был точной копией Лайонела.

60

— Почему он так похож на Лайя? — сквозь зубы прошипела, метнув взгляд от Ишума, прячущего улыбку в кулак, до ухмыльнувшегося Амнона, который точно что-то знал или понял, в момент, когда паромщик показал свое лицо.

— А ты как думаешь? — прозвучал риторический вопрос, сразу после него Ишум продолжил: — Твой Лайонел — прямой потомок Хэбэла. За свою жизнь, он умирал несколько раз, и в последний, когда Нун-Лиль вернула его к жизни, он взял себе новое имя — Зиусудра. Что означает «мудрейший». Ну не хвастун ли?

Мы оказались вплотную к герою легенд, рассказанных Лайонелом. Уголки его губ дрогнули на утверждение Ишума: отстраненная маска спала с лица.

— Давненько я тебя здесь не видел, Гибил... Снова помогал обездоленным смертным? Смотри, Госпожа прикажет утопить тебе в Зир-Шаре, будешь знать, — Хэбэл-Зиусудра покачал головой, но раздражения и упрека ни в его голосе, ни в выражении лица не было. Слово он припугнул Бога лишь для острастки.

Когда один из шаров подлетел ближе и осветил лицо Хэбэла, различия бросились в глаза. Нет, это все еще было лицо Лайя, и как ни странно, человеческой его сущности: тот же четкий профиль, губы, скулы, разрез глаз. Только... шрамы, украшавшие лицо, ожоги на шее, уползавшие дальше под одежду, прямо кричали, что их обладатель познал все тяготы войны, в которой победа было сродни чуду. Лишь глаза выдавали в нем человека не жестокого, и не черствого. Мягкий взгляд скользнул по моему лицу, согревая теплотой радужки цвета какао.

— Отвезешь их к Источнику? — спросил Ишум, кивком голову указав в нашу сторону.

— Хорошо, — согласился Хэбэл и отошел в сторону: Амнон, от нетерпения топтавшийся на месте забрался в лодку с высокими бортами.

— Посто́й, — Ишум схватил меня за руку, а после повернулся к паромщику с беззаботно-невинной улыбкой. — Я только попрощаюсь с девушкой. Мало ли что с ней может случиться. Она ж мне почти как дочь, которой у меня никогда не было.

Хэбэл поджал губы и прищурился, но ничего не сказал, отвернувшись к лодке.

Я хотела уже возмутиться и стряхнуть руку, но тут Ишум порывисто обнял и зашептал на ухо.

— Возьми его, — что-то маленькое и легкое опустилось в наружный карман моей набедренной сумки. — Если что-то случится, с чем вы не сможете справиться, зови меня.

— Но Эреш сказала... — дернулась, высвобождаясь из объятий и заглядывая глаза, в них горел бунтарский огонь.

— Когда запреты меня останавливали? — шелудивая улыбка пробежала по нахальной физиономии.

И не дав мне и слово вставить, Бог развернул меня лицом к озеру и чуть подтолкнул.

Неуклюже перевалилась за борт, и лодка тихо поплыла по непонятной воздушной массе, под стоны и шепоты душ, чьи силуэты угадывались в окружающем тумане.

Рукой забралась под плащ, нащупала сумку и откинула петлю с пуговицы, в форме колышка. Осторожно запустила пальцы и нащупала «подарок» Ишума — мне понадобилось несколько секунд понять, что это.

— Перо..., — вырвалось у меня, на что Амнон внимательно посмотрел мне в глаза.

— О чем ты?

— Перо... чинный ножик не помешал бы, а то мало ли, — выкрутилась, как смогла.

Хэбэла не интересовал наш разговор, он стоя правил лодкой, напряженно вглядываясь в потоки душ, тащивших лодку дальше от берега.

Амнон закатил глаза, но от дальнейших вопросов воздержался.

Больше мы не разговаривали, но я была уверена, что в его голове циркулируют схожие мысли. Успеем ли мы достать эту Чашу Пяти стихий и спасти Лайонела? И даже если Чашу мы добудем, как вернуться домой вовремя? Не возвращаясь в Обитель Эн-Гибила?

Время здесь будто растягиваясь. Из-за шепота душ и легкого покачивания лодки клонило в сон. Амнон почти сразу задремал, укутавшись в плащ и съевшись в корме лодки. Но я не могла позволить себе такую роскошь. Встав, я облокотилась о высокий борт, вглядываясь в туманную поверхность озера: время от времени по ней проходили голубовато-зеленые искры.

Шепот и стоны усилились, будто бы обитатели Зи-Шара, завидев меня, решили пожаловаться на свою нелегкую долю. Наклонилась прислушиваясь. Женский плач, зовущий своего любимого, заставил сердце сжаться от жалости: часть меня захотела помочь безутешной. Я протянула руку. Может если я, вытащу ее из этого озера...

— Не стоит, — паромщик отпустил весло, и перехватил мою руку, прежде чем пальцы коснулись дымной поверхности. — Если ты не хочешь остаться здесь навечно, захлебываясь в потоке своих самых болезненных воспоминаний.

— А как души попадают сюда? — тихо спросила, не очень надеясь на ответ молчаливого Хэбэла. — Это такое наказание?

— Нет. — Он вернулся к своему занятию, и лодка снова неспешно поплыла, прорезая носом марево, похожее на густую сахарную вату. — Сюда попадают души, заикленные на гневе, горе, месте, зависти. Не способные к концу жизни отбросить все, и без сожалений двигаться дальше.

— Но... Все люди о чем-то жалеют... Они остаются тут навечно? — от очередных стонов на глаза невольно навернулись слезы.

— Нет. Все зависит от них самих, смогу ли они отпустить то, что тянет их на дно.

— А... — мой вопрос ускользнул: с мысли сбил ласковый, переливчатый голос, доносившийся из глубины. Слов песни я не понимала, но она действовала успокаивающе. Гнетущая тоска, пустившая корни в сердце, как только берег остался далеко позади и заунывные голоса душ начали тревожить слух. — Кто это поет?

— Хранительница Зи-Шар, — Хэбэл улыбнулся: улыбка получилась и горькой и нежной одновременно. — Она — единственная никогда не сможет покинуть это место. Нун терпит наказание за то, что ослушалась отца и полюбила человека.

Лодка врезалась в берег, обрывая разговор. Убаюканный фродас вздрогнул и очнулся.

— Мы на месте, — бросил Хэбэл, отворачиваясь, тем самым давая понять, что время вопросов и ответов подошло к концу.

Амнон ловко перескочил через высокий край лодки и помог мне выбраться. Мы оказались на невзрачном каменистом островке.

Зацепившись взглядом за глыбу, прямоугольной формы, напоминающую поставку под экспонат, в самом центре, ринулась туда, чувствуя, как сердце замирает в предвкушении скорой победы.

Но...

Туман немного рассеялся, вместе с надеждами: на камне ничего не было.

Замедлилась, боясь подойти ближе и окончательно разочароваться.

Нет, нет, нет... Чаша должна быть здесь. Где же еще? Ишуму незачем было нас обманывать.

Стало страшно. А вдруг...? Нас заманили в ловушку?

— Как думаешь, нас кто-то опередил? Или тут изначально никакой чаши не было? — сарказм в голосе Амнона отдавал горечью.

61

— Помоги мне! — принялась лихорадочно обшаривать камень, ища потайную нишу, механизм, хоть что-то.

— Бесполезно. Мы проиграли... — бесцветным голосом произнес Амнон, опускаясь на грудь разбросанных камней и сжимая голову руками. Казалось, еще чуть-чуть и он вздернет морду и безутешно завоет.

— Нет! — рыкнула я, пытаюсь сдвинуть с места неказистый пьедестал: вдруг под них зарыта эта проклятая чаша? — Я не собираюсь так просто сдаваться! Мы проделали такой путь... Мы...

— Мы сделали все, что смогли, — обреченно проронил он. — Надо найти Ишума, и...

Ишум! Точно! Он ведь сказал, чтобы я позвала его, если...

Запустила руку в сумку, выуживая невесомое серенькое перо.

И как это работает? Может, как средство связи...

Поднесла перышко к губам.

— Ишу...

Порыв ветра подхватил его прежде, чем я успела договорить.

— Нет! — перо растворилась в туманных водах Зир-Шара, я даже до края берега добежать не успела.

— Нет... — вернулась к единственному примечательному месту этого закутка посреди озера и всей тяжестью тела навалилась на него.

«Пожалуйста, я хочу лишь спасти его...»

Последние остатки надежды утекали вместе с тихими слезами. Камень темнел с каждой соленой каплей, что попадала на его поверхность. Пыль, попавшая в нос заставила чихнуть. Я на секунду отвлеклась от своего горя и заметила странный блеск в трещинах, прямо в центре неровной поверхности каменной подставки. К_н_и_г_о_е_д_._н_е_т

— Амнон, — позвала фродаса, чувствуя, как сердце пропустило удар и замерло в ожидании. — Иди сюда. Посмотри.

Фродас буквально подскочил, решив, что я нашла то, зачем мы пришли. Увидев, на что я показываю, он сначала поник и хотел отмахнуться, но после нахмурился, прищурился свои темные глаза, и подошел вплотную, критическим взглядом разглядывая едва заметные артерии трещин, образующие круг, из которых просачивался слабый свет.

— Дай-ка, — Амнон провел острым ногтем по надколотому центру, и хлипкий камень ввалился внутрь небольшого овально углубления.

— Это же Чаша! — едва сдержалась, чтобы не подпрыгнуть от затопившей меня радости. — Мы нашли ее! Осталось только...

— Отделить ее от камня, — фродас попытался подцепить ногтями серебристый ободок, вросший в камень, но ничего не вышло. Кубок, из-за которого мы прочесали всю Ир-Каллу, слился с каменной глыбой, и его было невозможно вытащить.

Отполированная внутренняя поверхность Чаши сверкала, дразня нас.

— А может попробовать разломать эту глыбу и унести Чашу? И плевать, что она останется вмонтированной в камень. Вряд ли она потеряет свои целебные свойства, — ляпнула первое, что пришло в голову.

Амнону дважды повторять не пришлось. Когда когти удлинились, угрожающе сверкнув в молочной мгле, он вскинул черную руку и замахнулся, оставив на камне четыре глубоких отметины.

— Погоди, — остановила его, заметив символы, выцарапанные на камне. — Может, это послание или инструкция, как освободить Чашу.

— Я не знаю этот язык, — признался Амнон, вглядываясь со мной в кажущиеся бессмысленными, прямые линии, переходящие во вдавленные треугольники и галочки.

— Кажется... — перед глазами зарябило так же, как при чтении текстов, написанных на незнакомом мне языке из библиотеки Хайма, — я смогу прочитать.

Клинопись задрожала, символы запрыгали меняясь местами, растягиваясь, изгибаясь и приобретая формы знакомых букв.

Но я не успела прочитать — земля подо мной задрожала как при землетрясении и я чуть не упала, цепляясь за Амнона, который сам еле стоял на ногах.

— Что э-э-то? — голос подпрыгивал, вместе со всем миром.

Вместо ответа фродас указал куда-то вверх. Подступающий ужас сдавил горло, а по спине заструился холодный пот.

На черном небе появился желтый глаз с вертикальным черным зрачком, а сам свод пришел в движение: змея исполинских размеров вытягивала шею, разматывая кольца.

— Привет, — огонек вспыхнул справа с тихим хлопком, потонувшем в зловещем рокоте и шипении. — Так и знал, что нельзя отпускать вас одних. Кто из вас додумался разбудить Нираха?

— Д-да мы... Его... Это... Даже не трогай! — голос все еще не слушался. Но я не могла не возмутиться таким наглым заявлением. — Это вообще, что за монстр?!

— Нирах — пожиратель душ, — быстро заговорил Ишум, разминая пальцы, вертя головой по сторонам. — Его создали во Время Войны с Азгонами. Тогда Зир-Шар был переполнен. Потерянные почти наводнили всю Ир-Каллу, а это могло навредить Горнилу, где умершие получали шанс на вторую жизнь и рождались новые души. Нирах поглотил самых безнадежных и уснул. Он спал тысячи лет! Как, вы двое... Ладно. Надо достать чашу. С помощью нее вы уберетесь отсюда.

Растерев ладони между собой, он хлопнул в них — кольцо огня замкнулось вокруг берега, отделяя маленький островок от озера душ.

— Зач... — осеклась, когда причина проявила себя: души — молочно-белые, с зелеными глазами и синими венами под прозрачной кожей пытались забраться на берег. Но огонь стал для них преградой.

— Торопись, ты должна разгадать загадку прежде, чем потухнет огонь! — глаза Ишума вспыхнули оранжевым цветом, и он кометой, выпущенной из пращи, взмыл ввысь. В следующую секунду Огненная Птица, как на старом гобелене в замке Ливахайм набросилась на Змея с пронзительным криком.

Очередной напор душ наполовину потушил огонь. Времени оставалась мало. Склонилась над закорючками, что опять стали непонятными символами и напрягла глаза.

— Я тоже помогу, — влага с камней собралась в лужицу и из нее материализовалась Эа. — Тем более, не хочу, чтобы такой красавчик погиб.

Нин-Аб игриво потрепала Амнона за щеку, и выпрямилась, принимая боевую стойку и вскидывая водный меч, готовая рубить каждого, кто вступит на землю.

— Ты, радость моя, — обратилась она к фродасу. — прикрывай мне спину, твои ноготки мне очень пригодятся. И не позволяй душам себя касаться.

Я оставила на этих двоих защиту Истока. И вновь обратилась к символам.

«Нельзя силой забрать то, что тебе не принадлежит. Лишь чистая душа освободит Иммару»

В голове застучала паника. Чистая душа — это я что ли?

Нашла взглядом Амнона.

Вот он уж точно больше подходит. Благородный, честный, с несгибаемыми принципами, готовый пожертвовать жизнью ради друга. А я...?

Не хотелось признавать, но себя не обманешь — я человек средненький. В свое время, как и все, я и врала, и поступала плохо, и проклинала тех, кто, возможно, этого и не заслуживал. Нет, я никого не убивала, но все же...

Так. Хватит. Я здесь не ради себя.

Разогнулась и подошла к постаменту вплотную, положив руки по обе стороны от круглой пробоины посередине. И закрыла глаза, стараясь отгородиться ото всех звуков: яростных выкриков, свиста лезвия и когтей, от шипения и хлопанья мощных крыльев где-то над головой.

«Нельзя силой забрать то, что тебе не принадлежит...»

Значит, я должна попросит хозяина Чаши дать мне ее. А он пусть сам решает, чистая у меня душа, или нет...

Моя Бабушка верила в Бога, при этом не ходила в церковь и даже молитв толком не знала. Она просто закрыла глаза и обращалась к Творцу напрямую, без пафоса и тяжелого

запаха ладана. Она всегда говорила: «Бог создал нас по своему подобию. Значит, в каждом есть Его частица. И эта частица ниточкой связывает нас с Ним. Поэтому я верю — чтобы говорить с Богом необязательно ходить в церковь. Главное верить, правильно поступать и, помимо молитв, вкладывать все силы, чтобы стать лучше и достигнуть счастья»

Итак, что ж... Попробуем.

О, Создатель...

Нет-нет. Звучит по-дурацки, прости. Я, если честно, не знаю твоего имени и вообще не уверена, услышишь ли ты меня. Но я должна постараться. Не ради себя. Нет. Мне не нужна ни сила, ни вечная молодость или еще что-то из того, что дает эта Чаша. Я хочу лишь одолжить ее. На время. Чтобы исцелить дорого мне человека. Я верну, честно. Если нужно, опять проделаю весь этот путь через Ир-Каллу и верну ее на место. Обещаю.

Это моя последняя надежда спасти его... Пожалуйста.

Шум стих. Я открыла глаза — все вокруг застыло, даже всполохи огня. Огляделась: Ишум в небе тоже не двигался, как и Амнон с Эа, отгоняющие души от берега.

Вдруг маленькая искорка загорелась у моего лица. Пуф! — и передо мной в воздухе возник агатовый кубок с широкой чашей, украшенными звездами.

«Словно, осколок ночного неба...» — пронеслось в голове.

Меня неудержимо потянуло к нему, и я коснулась холодной поверхности.

В этот миг вихрь закружил меня, унося прочь из Теневого Мира.

Эпилог

Рухнула в прямо в бархан под сень финиковых пальм, жавшихся друг к другу. Чаша, прижатая к груди, холодила пальцы. Сморгнув песок, попавший в глаза и оглядевшись, поняла, где нахожусь: недалеко от дороги, что вела в замок: вдали изгибались акации, лишенные листьев в окружении пожелтевшей травы. Закатное солнце окрашивало скалу, которой покоился Ливахайм в багрецовые тона. Хотела уже рвануть туда, где боролся за жизнь мой любимый, но мягкий голос, чуть вибрирующий в легкой прохладе наступающего вечера, заставил обернуться.

— Ишум! — ринулась к мужчине, но приветственного объятия не вышло: руки не сомкнулись на его спине, а просто неуклюже прошлись по воздуху — едва не упала от неожиданности.

Резко развернулась.

— Как...?

— Я остался в Ир-Калле, скаттс, — уголки четко очерченных губ дрогнули в полуулыбке. В его голосе не было прежней задиристости и беззаботности, и это пугало больше, чем то, что сквозь него, если приглядеться, просвечивали далекие изгибы гор, чьи верхушки утопали в облаках.

— И ты больше не вернешься? — голос дрогнул. Я почувствовала легкий укол вины: неужели, это из-за того, что Ишум помог мне...?

— В этом нет твоей вины, — он сделал шаг. Ближе мы от этого не стали: он находился сейчас очень далеко. Сердце сжалось от тоски: мне не хотелось расставаться. — Не грусти. Возможно, мы еще встретимся.

— А что мне делать с Чашей после того, как я исцелю Лайонела? — я никогда не умела прощаться, и, решив, что уже поздно начинать, сменила тему.

— Отнеси ее на Выжженные Земли. Она наполнит Вамбу и исцелит Землю. А когда

вернется магия, ты сможешь вернуться домой, когда пожелаешь. Акран Ишу, ненадолго разрывающие ткань реальности, легко сотворить, если все пяти стихий находятся в балансе. На это уйдет не более полугода. Может, меньше.

— Возможно, я захочу остаться... — опустила взгляд, подцепив носком ботинка камешек из песка.

— Не обязательно принимать крайние меры... — Ишум расплылся в улыбке, хитрой, как у чеширского кота. — Так или иначе, я искренне желаю тебе счастья.

Невесомое касание ладони на моей щеке было похоже на дуновение теплого ветра.

«Помни, необязательно делать болезненный выбор и от чего-то отказываться, чтобы быть счастливой...» — прошептал ветер, играя острыми блестящими листьями.

Встряхнула головой: не время сейчас предаваться философскими размышлениями. Я должна спасти Лайя.

Побежала вперед, спотыкаясь и падая — ноги все еще плохо слушались после пространственного перемещения, но я не могла позволить себе остановку. Каждая секунда на счету.

Стоило выбраться на проторенную дорогу, бежать стала значительно легче. Без проблем минула парадные двери, ловя любопытные взгляды стражников. Сердце гулко стучало в груди, отмеряя ударами, неумолимо бегущие секунды.

Я успею. Я должна.

— Госпожа! — торопливо поднимаясь по лестнице, даже не оглянулась на радостный оклик Милы и буквально ввалилась в покои зиуданса.

— Геня, — облегченно выдохнул Табиб, когда его воспаленные уставшие глаза зацепились за Чашу у меня в руках, несколько не потускневшую от всех злоключений. — Это же...

Кивнула, не размениваясь на лишние слова, и кинулась к кровати. От вида Лайонела — бедного, покрывшегося испариной с потрескавшимися губами — сердце заныло от тянущей боли.

— Лай, — тихо шепнула, опускаясь на краешек кровати, и аккуратно убрав с горячего лба налипшие волосы.

Веки дрогнули — мужчина с усилием открыл глаза. Беспokoйно заерзал, пытаясь приподняться. Я и Табиб помогли ему сесть.

— Я... — лаизареис бросил короткий взгляд на дверь, — схожу за водой.

Дверь за лекарем закрылась — Лай попытался улыбнуться: высохшая кожа на губах натянулась.

Рука, что потянулась к моему лицу, мелко задрожала, и тут зиуданс зашелся в болезненном кашле: кровь, окропившая простыни, отрезвила меня.

— Сейчас тебе станет легче, — заверила его.

Перехватив кубок крепче, подняла его над головой.

— Ишу-А-Лиль-Ки-Зи, — последовательно произнесла слова, что нашептал мне ветер.

Живительная влага с характерным плеском наполнила кубок. Я подняла Чашу к окровавленным губам Лайонела. Сердце в страхе екнуло, когда он сделал глоток.

Опасения тут же развеялись. Ведь стоило зиудансу осушить кубок до дна, к нему вернулся здоровый цвет лица, зажили многочисленные ранки на губах, тени под глазами растаяли, а белки избавились от пугающего красного цвета.

Не успела я облегченно выдохнуть, и, рассмеявшись, броситься ему на шею, как сильные

руки сжались на моих предплечьях. Раз — и я оказалась придавленной к кровати. Золотая окантовка расширенных зрачков мужчины, обожгла. Дыхание участилось, и зуд прошелся под кожей, завязывая бантиком внутренности. Мы поддались навстречу друг другу одновременно, окончательно сметая все сомнения и преграды. Горько-сладкий вкус его губ дурманил голову, размывая границы окружающей реальности. Мы целовались, будто путники в пустыне, набредшие на источник: жадно, прерываясь лишь на короткие вдохи. Пальцы мужчины забрались под одежду — и плевать, что на мне трехдневный слой грязи. Я желала лишь — почувствовать его еще ближе, кожа к коже... а все эти тряпки только мешали. Потянула вверх рубашку на секунду обрывая поцелуй. Тело затрепетало в предвкушении...

И тут все настрой разрушило многозначительное «Кх-м».

— Я, конечно, рад, что ты не умер, — холодный голос Амнона отрезвил, будто на голову вылили ведро воды. — И что ваша личная жизнь налаживается. Но какого Ваурмса никто из Вас даже не озаботился, вернулся ли меня из Теневого Мира? Или вы бы спохватились только на утро? Когда я бы уже умер от обезвоживания посреди пустыни.

Ворчание вызвало у меня приступ смеха, тут же подхваченный Лаем, отчего даже недовольный Амнон скупно улыбнулся.

Я была счастлива. У меня было все, чего я только могла желать в данный момент. Рядом любимый мужчина, чьи сильные руки обвили талию, отчего сердце каждый раз начинало скакать галопом. И друг, что до недавнего времени был главным противником, смотрит нас с нескрываемым одобрением. Окружающий мир в скором времени наполнится магией и даст мне возможность повидать родителей.

Я наконец-то поняла, что значило пророчество Нин-Лиль. Мне не нужно разрываться между миром, где я родилась и миром, что стал мне домом. Я могу выбрать их оба. Что я и сделаю.

Больше книг на сайте — Knigoed.net